Успенская церковь в истории Уфы

УФА-2014

Из коллекции В. Фёдорова

Посвящается
бескорыстному хранителю старинного сада
Татьяне Васильевне Кругловой

Мемориальный дом-музей
С.Т. Аксакова

УСПЕНСКИЙ СБОРНИК

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ УФЫ

Уфа – 2014

УДК 947 (470. 55 / 58)
ББК 63.3 (2) (2 Рос. Баш)

Рецензент
кандидат исторических наук И.М. Гвоздикова

Отв. редакторы:
доктор исторических наук
М.И. Роднов,
старший научный сотрудник
Мемориального дома-музея С.Т .Аксакова
Г.О. Иванова

Успенский сборник. Успенская церковь в истории Уфы. / Отв. ред. М.И. Роднов, Г.О. Иванова. – Уфа, 2014. – 232 с., илл.

Дом-музей С.Т.Аксакова был заинтересован в появлении этой книги, так как Успенская церковь связана с историей семьи Аксаковых-Зубовых, ее прихожанами были и родственники писателя. В приложении мы постарались представить все доступные изображения этой церкви, а также проиллюстрировать «прогулки» по улице Успенской фотографиями наиболее сохранившихся домов и тем самым напомнить, каким прекрасным порою мог быть наш старый город.

Книга предназначена для жителей уфимских улиц Коммунистической (бывшей Большой Успенской) и Энгельса (Малой Успенской), близлежащих частей города, а также профессиональных историков, преподавателей гуманитарных дисциплин, студентов, краеведов и просто жителей Уфы.

На фотографиях указаны старые и новые названия улиц и год съёмки.

© Фото Г.О. Ивановой

СОДЕРЖАНИЕ

Я.С. Свице
Исторический очерк «Летопись уфимской Успенской церкви» священника Стефана Константиновского 7

М.И. Роднов
Успенский храм в произведениях Руфа Гавриловича Игнатьева 25

Р.Г. Игнатьев
Избранные сочинения 39

В.И. Филоненко
Руф Гаврилович Игнатьев (фрагмент) 49

В.Н. Захаров, М.И. Роднов
Вдоль старинной Кладбищенской улицы 53

Е.А. Детинина
Анализ данных метрической книги Успенской церкви города Уфы за 1840 год 67

И.Е. Златоверховников и другие
Описание Успенской церкви 75

Я.С. Свице, М.Ю. Ергин
Священник градо-уфимской Успенской церкви Виктор Степанович Константиновский (1868–1937) 81

М.И. Роднов
По страницам прошлого 91

М.И. Роднов
Район Успенской церкви
на рубеже XIX – XX веков 117

В.Н. Буравцов
В округе Успенской церкви 167

Г.О. Иванова
Уфимская Успенская церковь в «семейной
хронике» Аксаковых 181

Н.П. Исаев
Купеческая свадьба в Успенской церкви города
Уфы 186

Э.Г. Исанбекова
Стоп-кадр: к истории дома по улице
Коммунистической,75 192

Г.О. Иванова
Легенды старого дома 194

Сноски к статье М.И. Роднова
«Район Успенской церкви
на рубеже XIX-XX веков» 211

Список сокращений 211

Наши авторы 212

Я.С. Свице

Исторический очерк «Летопись уфимской Успенской церкви» священника Стефана Константиновского

В 1886 г. праздновалось 300-летие основания Уфы. К этому событию по инициативе городского головы и общественного деятеля Дмитрия Семёновича Волкова было принято решение об издании сборника материалов по истории города. Были собраны копии документов из различных архивов, статей, дневников и воспоминаний старожилов и другие материалы. Так и не изданные, переплетённые в несколько увесистых томов, рукописные «Материалы по истории города Уфы Д.С. Волкова» находятся ныне в научном архиве УНЦ РАН.

При подготовке «Материалов» должное внимание было уделено истории учреждения Оренбургско-Уфимской епархии, городских православных храмов и духовных учебных заведений. Кроме различных документов по этой теме, в собрании находится несколько очерков по истории уфимских церквей, составленных их настоятелями и присланных Д.С. Волкову осенью 1885 г.[1] По всей видимости, при подготовке очерков священники использовали церковные летописи храмов, которые на основании указа Синода от 12 октября 1866 г.[2] стали постепенно заводить при каждом приходе. В 1870-х гг. летописи стали обязательными в составе причтовой документации. Так, уфимский епископ Никанор (Бровкович) в 1882 г. писал обер-про-

1 НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 185–201; Д. 6. Л. 8 об.

2 См.: *Добренький С.И.* Церковно-приходские летописи второй половины XIX – начала XX века как источник по истории северной деревни // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002 (www.booksite.ru).

курору Синода К.П. Победоносцеву, что при поездках по епархии при ревизии церковных документов он обязательно проверял летописи и в некоторых «собственноручно отмечал выдающиеся черты обозренного прихода»[3]. Как правило, церковные летописи состояли из двух разделов – исторического и повременного, «летописи текущей жизни». В них содержались сведения по истории церкви: об обстоятельствах и времени строительства, храмоздателях, благотворителях; велись записи о перемещении духовенства, повседневной жизни прихода, некоторых наиболее значимых событиях, погодных явлениях и многое другое. В советский период при закрытии храмов практически все церковные летописи Уфимской епархии (в которой в 1917 г. насчитывалось более 700 церквей) были уничтожены. В настоящее время известны только четыре церковные летописи: сёл Богородского и Волково Уфимского уезда, Воскресенского Стерлитамакского уезда, уфимской Троицкой церкви[4]. Летописи других уфимских храмов не сохранились. Некоторое представление об их содержании можно составить только по тем отрывкам, которые находятся в «Материалах по истории города Уфы Д.С. Волкова». Вероятно, наиболее близким к церковной летописи является очерк священника Успенского храма Стефана Константиновского, так как из всех настоятелей только он назвал свою работу «Летопись уфимской Успенской церкви». Возможно, что именно о. Стефан начал вести летопись, составив её первую (историческую) часть, или делал в ней первоначальные записи, так как служил в Успенской церкви с 1867 г.

Священник, с 1886 г. протоиерей Стефан Яковле-

3 Русский архив. 1909. Кн. 1. №. 2. С. 224.

4 *Свице Я., Ахметшина Т.* Сведения по истории Уфы и уфимских храмов по материалам «Летописи градо-уфимской Троицкой церкви» диакона Петра Сухарева // Бирская старина: Историко-краеведческий альманах. Вып. 3. Бирск, 2010. С. 93.

вич Константиновский (1827–1899) был сыном диакона Рязанской епархии. После окончания Рязанской духовной семинарии в 1852 г. был принят на службу в Уфимскую епархию, в августе 1853 г. рукоположен в священники Ильинской церкви села Ильинского Белебеевского уезда, в 1854 г. перемещён в Верхне-Троицкий завод, а в 1855 г. в село Елизаветино. В 1860 г. награждён набедренником, в 1861 г. ему была объявлена благодарность епархиального начальства «за безмездно-усердное обучение детей в церковно-приходской школе и покупку для них учебников на свои средства, в 1866 г. награждён фиолетовой скуфьей. В 1867 г. по прошению был перемещен в Уфу к Успенской церкви». В последующие годы о. Стефан состоял благочинным, депутатом съездов духовенства, был сотрудником различных церковных и светских учреждений, благотворительных обществ, состоял законоучителем во 2-м Уфимском приходском училище и Успенской церковно-приходской школе. В 1871 г. награждён камилавкой, в 1876 г. Золотым наперсным крестом, в 1880 г. Орденом Св. Анны 3-й степени, в 1893 г. орденом св. Анны 2-й степени. В 1886 г. возведён в сан протоиерея[5]. 13 декабря 1892 г. прихожане градо-уфимской Успенской церкви чествовали протоиерея Стефана Константиновского по поводу исполнившегося 25-летия его служения в Успенском приходе. Краткое описание этого торжества было помещено на страницах «Уфимских епархиальных ведомостей»: «В день юбилея Божественная литургия была совершена соборне: о. Стефаном Константиновским и священниками других уфимских храмов. Богослужение по обстановке и прекрасному песнопению приходского хора под управлением Рукавишникова отличалось особенною торжественностью. Во время причастия хор Рукавишникова исполнил концерт Бортнянского «Блажен муж, бойся

5 Уфимские епархиальные ведомости. 1899. № 6. С. 290.

Господа», в котором солировал бас г. Тимашевский. По окончании Божественной литургии председатель приходского попечительства Николай Александрович Гурвич прочитал юбиляру адрес прихожан, в котором, между прочим, было отмечено, что попечением о. Стефана был сооружён в храме «великолепный иконостас, а также многие улучшения внутреннего устройства и украшения храма». Н.А. Гурвич и церковный староста Александр Ф. Золотов вручили от имени прихожан юбиляру золотой наперсный крест, украшенный драгоценными каменьями (стоимостью более 300 руб.). Во время застолья в доме настоятеля приветствия говорили от купцов-прихожан Н.М. Патокин, от лица ремесленного сословия - ремесленный староста Ив. Игн. Никитин[6]. В сентябре 1894 г. о. Стефан согласно прошению был уволен за штат[7], в храме продолжал служить его сын, Виктор Константиновский[8]. Скончался о. Стефан Константиновский 6 марта 1899 г. В некрологе отмечено,

6 Там же. 1893. № 3. С. 92.

7 Там же. 1894. № 19. С. 642.

8 Константиновский Виктор Степанович (1868–1937), священник. Родился в Уфе и 5 марта 1868 г. был крещён в Успенской церкви (ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 9). В 1889 г. окончил Уфимскую духовную семинарию и был определен псаломщиком к градо-уфимской Спасской церкви (Уфимские епархиальные ведомости. 1889. № 16. С. 487). В феврале 1890 г. рукоположен в сан священника Вознесенской церкви с. Караилга Мензелинского уезда (Там же. 1890. № 7. С. 227), в сентябре 1894 г. переведён в уфимскую Успенскую церковь, в которой служил, по крайней мере, до 1917 г. (Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1916. С. 69). В конце 1930-х гг. священник Виктор Степанович Константиновский служил в уфимской Сергиевской церкви, в ноябре 1937 г. вместе со всем причтом храма был арестован и после непродолжительного следствия 10 декабря 1937 г. расстрелян (Книга памяти жертв политических репрессий Республики Башкортостан. Т. 3. Уфа, 2001. С. 187).

что «достопочтимый и всеми уважаемый заштатный протоиерей… был всем доступен и никогда не выражал никакого неудовольства. Придёт ли к нему человек важный или простец бедный и убогий, он для того и другого был всегда покорным слугой. Горе ли у кого или радость, он придёт утешить и разделить радость. Был всегда по характеру ровный и не умел возвышать тона, ни с кем не враждовал и всегда был уступчивый и тихомирный. Был прекрасный семьянин и хозяин по дому своему. Имея многочисленную семью, он всем детям дал приличное воспитание и образование. Отпевание почившего протоиерея Стефана Константиновского было совершено в Успенской церкви 8 марта 1899 г. при участии всего градского духовенства во главе с ректором семинарии, при многочисленном стечении народа. Протоиерей о. Стефан Константиновский был похоронен в ограде Успенского храма»[9].

Ниже приводится полный текст исторической записки священника Стефана Яковлевича Константиновского «Летопись уфимской Успенской церкви», составленной им в 1885 г. для сборника «Материалов по истории города Уфы Д.С. Волкова». В этой работе упоминается ряд важных для истории Успенского храма личностей, в первую очередь протоиерей Иоанн Антонович Бреев (1779–1854). Он окончил Уфимскую духовную семинарию, где, ещё будучи воспитанником, преподавал в младших классах[10]. В 1820–1830-х гг. Бреев служил священником в уфимской Покровской церкви, которая в 1809 г. сгорела[11]. На этом месте уфимский купец Д.С. Жулябин начал постройку каменного Покровского храма с Никольским приделом, который был

---

9 Уфимские епархиальные ведомости. 1899. № 6. С. 290.
10 *Сергеев Ю.Н.* Православное духовенство Южного Урала в конце XVIII – первой половине XIX вв. Уфа, 2007. С. 111.
11 Государственная книжная палата РБ. Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 186 (далее – Дневник М.С. Ребелинского).

освящён в 1817 г. Во время пожара 1821 г. недостроенная церковь снова сильно пострадала, и священник Иоанн Бреев более всех трудился во время дальнейшего строительства храма, вновь освящённого в 1823 г. В 1832 г., имея сан протоиерея, о. Иоанн ещё служил в Покровской церкви[12], затем был переведён в Успенскую церковь, после 1839 г. принял самое деятельное участие в строительстве нового каменного храма. Служил священником в Успенской церкви до своей кончины в 1854 г. Умер «от старости» в возрасте 75 лет 30 мая 1854 г., 2 июня состоялось его отпевание в Успенском храме[13].

О протоиерее Иоанне Брееве в своих заметках «Из недавней старины» оставил воспоминания уфимский дворянин Иван Степанович Листовский: «Церковь Успения была тогда деревянная, очень маленькая (Это было уже в сороковых годах). Жена губернатора Балкашина любила бывать в этой церкви, потому, быть может, что избрала старика Бреева своим духовником. Становилась она на левом клиросе и, при большом выходе, делала земной поклон у самых северных врат, стесняя тем старика при выходе из алтаря с чашею. Он, встретив близкую к Балкашиной особу, говорит ей: “Ты скажи своей-то губернаторше – я ей на язык наступлю, что, в самом деле, она мне под ноги лезет”. Но старик этот был почтенный и всеми уважаемый. Лет 30 он был законоучителем в гимназии. Он соорудил трудами своими каменную церковь в селе Подлубове (Каменный храм в селе Подлубове, построенный на средства помещицы И.И. Бекетовой, был освящён в 1806 г. – *Я.С.*) и две каменные церкви - Покровскую и Успенскую - в Уфе. Все свои достатки он клал в церковь и дом свой завещал ей. Преосвященный Иосиф представил его к алмазному кресту. Старик мечтал об

12 ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 43. Л. 446.
13 Там же. Д. 38. Л. 435.

этой награде и мечтал почему? Он рассчитывал, что, продав эту драгоценность, устроит иконостас для одного придела. Церковь была им выстроена с расчетом, когда будут средства, устроить ещё два иконостаса, и она будет трёхпрестольною. Но скупой на подобные награды для провинциального духовенства Синод вместо креста прислал награду полегче – своё благословение. Преосвященный Иосиф пригласил старика к себе и, соболезнуя о нём, чтобы приготовить его к горькой вести, повёл речь о тщетах земных почестей. Старик сейчас смекнул, в чем дело. “Да ну, что тамо? Видно, из Синода что-нибудь получено?” – перебил он архиерея. “Да, отец протоиерей,- печально заметил владыка, - Святейший Синод посылает вам своё благословение”. “Вот тебе на! Я сам сорок лет благословляю!” – с горечью ответил старик. Уже после его блаженной кончины были устроены два иконостаса, и церковь теперь трехпрестольная»[14].

Особую роль в судьбе Успенского храма сыграл Сергей Иванович Аничков (1733–1802). Он происходил из семьи старинных уфимских дворян, в 1766 г. вышел в отставку в чине секунд-майора, в 1767 г. дворяне Уфимской провинции выбрали Аничкова депутатом Уложенной комиссии. С 1775 г. жил в Уфе, являясь воеводским товарищем Уфимской провинции. После учреждения Уфимского наместничества исполнял должность асессора в казённой палате по соляным делам. Был дружен с родителями С.Т. Аксакова и жил в доме по соседству. Подарив достаточно много книг из своей библиотеки Серёже Аксакову, стал, по словам писателя, его «книжным благодетелем». Умер 25 мая 1802 г.[15] и, видимо, как и его жена, Татьяна Юрьевна, скончав-

---

14 Русский архив. 1884. Кн. 1. № 2. С. 290.

15 *Васильев И.М.* Депутат Уложенной комиссии 1767 года С.И. Аничков: Историко-краеведческая справка // Аксаковские чтения. Ч. II. Уфа, 2003. С. 8.

шаяся 3 августа 1792 г.[16], был похоронен на Успенском кладбище.

В уфимской историографии сложилась устойчивая традиция считать С.И. Аничкова основателем Успенской церкви, но свидетельства источников позволяют высказать иные предположения. В рукописи «Краткое описание Уфы» приведены данные, что «1799-го года февраля 22-го дня построенная на городском кладбище в проименование Успения Божией Матери церковь пожертвованием и попечением помещика Сергея Аничкова освящена»[17]. В рукописи же «Исторический рассказ о Уфе» говорится, что «кладбищенская Успенская деревянная церковь построена в 1798 году дворянином Сергеем Ивановичем Аничковым собственно для кладбища, но по назначению оного на новом месте церковь сия осталась приходской, при которой теперь сооружается на иждивение прихожан и доброхотнодателей каменная церковь»[18]. Возможно, С.И.Аничков заново построил на кладбище в 1798–1799 гг. небольшую новую Успенскую церковь, а не перенес её, как считали некоторые, из бывшего мужского монастыря, упразднённого в 1764 г. Успенская церковь мужского монастыря была трёхпрестольная «с приделами Иоанна Богослова и преподобного Михаила Малеина, деревянная, весьма огромная, из брусчатого весьма толстого лесу»[19]. По сведениям В.А. Ребелинского, при мужском монастыре «холодная церковь во имя Успения Божией Матери была деревянная, но огромная и с хорами, которая по ветхости была сломана»[20].

В «Летописи уфимской Успенской церкви», основного на рубеже XVIII – XIX вв. кладбищенского храма,

16 Дневник М.С. Ребелинского. Ч. I. Л. 25.

17 ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 708. Л. 50 об.

18 Исторический рассказ о Уфе / публикация С. Долговой // Источник. 1995. № 4. С. 107.

19 ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 708. Л. 52.

20 Исторический рассказ об Уфе. С. 106.

приводятся отдельные сведения о лицах, похороненных на этом погосте. Дополнительные сведения находим в дневнике М.С. Ребелинского:

«9 апреля 1807 г. Сего числа пополудни, в 11 часов скончался любезный мой родитель. Течение жизни его было 78 лет. 11 апреля 1807 г. В сей день любезного покойного схоронили. В 10-м часу пополуночи собрались в доме архимандрит, два протопопа и шесть священников, протодьякон с прочими дьяконами и с певчими, вынесли для отпевания в кафедральный теплый собор (поелику он 43 года был священником при том соборе), где простояв обедню, потом отпет, и до самого кладбища всем оным духовенством был провожаем и со звоном. Положен же по правую руку церкви на полуденную сторону, не далее как на полтора аршина от стены церковной[21]...

12 июля 1808 г. В сей день пополудни в 6-м часу скончалась любезная родительница от водяной болезни, пожив на свете с лишком 70 лет, положена в одной могиле с покойным родителем моим[22]...

2 октября 1811 г. любезный мой брат, Троицкой церкви священник [Андрей Семенович Ребелинский], быв с 24 числа сентября болен, сего числа пополудни в 11-м часу скончался... Он в жизни своей почти беспрестанно находился при должностях. Много лет был присутствующим духовнаго правления, потом членом консистории, членом комитета оспенного, служил с набедренником. Он не проходил наук, но имел природный особенный дар. Ему 17 числа сего месяцы в день Андрея Критскаго миновало бы только еще пятьдесят семь лет. Преосвященный Августин в почесть за его службу приказал проводить с хоругвями и по церквам со звоном.

4 октября 1811 г. День был снежной. В который

21 Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 130.
22 Там же. Л. 165.

любезного моего покойного в первом часу пополудни погребли. Несли его в кладбищенскую церковь по Казанской улице в препровождении всего здешнего духовенства и певчих. В церкви оной отстоял он обедню, потом подъехал преосвященный и отпевал со всем духовенством сам и по отпетии, до могилы препроводя, отслужил панихиду. Положен по правую сторону близ самого алтаря вплоть возле покойных родителей[23]...

19 октября 1811 г. Скончалась и жена покойного любезного моего брата, а моя невестка, Татьяна Яковлева из роду Неверовых. Жила в замужестве тридцать девять лет, а после покойного своего мужа две недели и два дни.

21 октября 1811 г. Покойную сего дни похоронили в одну могилу с мужем. Итак, после кратковременной весьма разлуки соединились навеки»[24]. Эта информация тем более ценна, что история уфимских некрополей абсолютно неизвестна.

Летопись уфимской Успенской церкви

Церковь Успения Божией Матери в г. Уфе, зданием каменная, с такою же колокольнею, имеет три престола: в главном алтаре - во имя Успения Божией Матери, в правом приделе – во имя Михаила Архангела, и в левом – во имя Георгия Победоносца. Ограждена в большом пространстве деревянною оградою, внутри которой разведен сад, состоящий из яблоней, приносящих плоды, и других разных дерев. На постройку этой церкви, производившуюся в течение десяти лет, с 1840-го по 1850 год, употреблялись церковные доходы и прикладные суммы, собираемые по сборным книжкам. Сборы добровольных пожертвований на постройку церкви производились настоятелем церкви

23 Там же. Л. 261–262.

24 Там же. Л. 264.

протоиереем Бреевым, священником села Птичье Челябинского уезда Николаем Абрамовым и чиновником Щеголевым. Престол в главном алтаре во имя Успения Божией Матери освящен преосвященным Иоанникием 18 декабря 1849 года, а престолы в приделах освящены преосвященным Филаретом: первый в 1862 году 30 ноября во имя Архистратига Михаила в память бывшей церкви в г. Уфе Михаило-Архангельской[25], а второй - во имя Георгия Победоносца в память существовавшей в Успенском приходе часовни во имя Георгия Победоносца.

Нынешняя каменная церковь Успения Божией Матери уже вторая и построена на том самом месте, где прежде стояла деревянная церковь того же имени. Построение прежней церкви последовало по следующему случаю: в 1771 году по указу Святейшего Синода от 24 декабря воспрещено было погребать умерших при городских церквах, – тогда за городом отведено было под городское кладбище то самое место, на котором теперь стоит Успенский храм, и с того времени здесь стали погребать умерших. Во время пугачевского бунта и осады Уфы, с октября 1773 года по 25 марта 1774 года, на здешнем кладбище стояла батарея, действовавшая против мятежников, нападавших на город со стороны Сибирской дороги, как значится в памятной книжке, изданной в 1873 году Уфимским статистическим комитетом.

В конце прошлого столетия помещик Сергей Иванович Аничков перенес оставшуюся от уничтоженного в г. Уфе в 1764 году Успенского мужского монастыря

25 Старинная Михаило-Архангельская церковь (тёплая была при Крестовоздвиженской) находилась на Усольской улице, сгорела в 1804 г. и после этого больше не восстанавливалась (см.: РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 217. Отрывки опубликованы С. Долговой (Исторический рассказ о Уфе. С. 98); ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 708. Л. 39 об.; Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 57).

деревянную церковь Успения Божией Матери, которая освящена в 1798 году по благословению преосвященного Амвросия, архиепископа Казанского, к епархии которого принадлежала Уфа. Кладбище это с церковиею Успения Божией Матери приписано было к церкви св. Михаила Архангела, существовавшей в Уфе на Усольской улице (эта церковь сгорела в 1803 году). К Михаило-Архангельской церкви принадлежала деревянная часовня, построенная в честь св. Георгия Победоносца на убогом дому, или кладбище, где погребали нищих, неизвестных странников и умерших насильственной смертию. Такого рода кладбища назывались скудельницами и основаны были нашими предками на основании слов св. евангелиста Матфея (глав. 24 ст. 7). Уфимское скудельничее кладбище стояло в поле, где теперь Бекетовская улица, которая впоследствии была в приходе Успенской церкви, а часовня поставлена в прошедшем столетии протоиереем уфимского Смоленского собора (ныне церкви св. Троицы) Иаковом Неверовым, часовня эта сгорела в 1821 году, уже застроенная домами. От пожара этой часовни остался один большой крест с резными изображениями, который взят оттуда и теперь находится в Уфимском Успенском мужском монастыре. Этот крест в 1871 году возобновлен тщанием чиновника Александра Якимовича Щеголева в память чудесного избавления его от слепоты, о чем и сделана на самом кресте надпись.

С самого начала нынешнего столетия Уфа, сделавшись из бывшего провинциального губернским городом, стала быстро увеличиваться, и там, где были пустыри, возникли новые постройки, проводились одна за другою новые улицы, так что и бывшее кладбище с церковиею Успения Божией Матери оказалось уже внутри города, а не на выгоне, как было в прошлом столетии. Вследствие чего епархиальное начальство нашло нужным в силу указа Святейшего Синода от 24

декабря 1771 года отвести для кладбища другое место за чертой города; почему и отведено было место для нынешнего кладбища за городом близ старой Сибирской дороги в 1823 году. Успенскую же церковь обратили в приходскую, определив к ней особый штат священно-церковнослужителей.

Протоиерей Бреев, видя, что церковь приходит в ветхость и по маломестимости и неблаголепию не соответствует уже времени, приложил старание к построению на месте прежней новой, уже каменной церкви. Для сего составленный проект на построение новой церкви Духовной Консисториею был представлен в Главное управление путей сообщении и публичных зданий; каковой проект там рассмотрен и представлен на Высочайшее разрешение, и таким образом Высочайше утвержденный проект был препровожден при отношении Департамента Главного управления путей сообщения и публичных зданий от 11 июля 1837 года за № 2454 к преосвященному Иоанникию, епископу Оренбургскому и Уфимскому. Затем последовало на слом прежней деревянной церкви и сооружение новой каменной разрешение Св. правительствующего Синода, выраженное в указе от 31-го июля 1839 года № 10927. В том же 1839 году была сломана прежняя деревянная церковь и продана в село Юрмаш Уфимского уезда за 1000 руб. ассигнациями. В 1840 году по указу Консистории от 5 июля за № 3018 произведена по благословению преосвященного Иоанникия закладка каменной церкви во имя Успения Божией Матери, которая строилась, как выше сказано, по особенному старанию протоиерея Бреева, на церковные доходы и сборные суммы в продолжение десяти лет.

Достопримечательности Успенской церкви, сохранившиеся до сего времени, следующие:

1.) Копия с чудотворного образа святителя Николая Чудотворца села Берёзовки-Камской Бирского уезда

в серебряно-вызолоченном окладе с изображением совершенных им чудес, находящаяся на правом клиросе.

2.) Образ старинного письма Успения Божией Матери в серебряно-вызолоченной ризе с деяниями, изображающими события из жизни Пресвятыя Богородицы, находящийся на левом клиросе настоящей церкви. Эта икона в 1859 году 23 декабря похищена была из храма; риза ее в изломе найдена на третий день похищения. Сама икона, хранимая промыслом Божием, найдена в речке Сутолоке чрез четыре месяца после ее похищения совершенно целою и через градскую полицию возвращена в храм, живопись на ней нисколько не попортилась и до сего времени не была возобновлена.

3.) Икона Покрова Пресвятой Богородицы старинной живописи в серебряной непробной ризе, она, как говорят, принадлежала первой деревянной Успенской церкви, перенесенной из Успенского мужского монастыря.

4.) Небольшая икона Казанской Божией Матери в серебряно-вызолоченной ризе и с надписью на доске, что она пожертвована в 1778 году казаком, служившим в Томском пехотном полку, носившим эту икону на своей груди.

5.) Икона Божией Матери «Утоли моя печали» в серебряно-вызолоченной ризе, привезенная из монастыря с Афонской горы в 1873 году богомольцем, крестьянином Вятской губернии Василием Любимовым. Эта икона, особенно чтимая прихожанами, пред нею часто служат Божией Матери молебны и акафисты, ее часто берут в дома свои для служения молебнов и акафистов.

Из церковных книг замечательны своею древностию двенадцать месячных Миней старинной московской печати 1693 года. При настоящей церкви хранится оловянный потир и такой же дароносец с прибором, что напоминает о скудности утвари старой церкви.

В ограде при Успенской церкви, на месте бывшего

кладбища, находятся до сего времени многие надгробия. Из них известны по надписям: чугунная плита у входа в церковь с левой стороны - над прахом уфимского кафедрального протоиерея Василия Михайлова Фрагранского, скончавшегося в 1809 году, 52 лет от рождения, и жены его Евдокии Дмитриевой, без означения времени кончины ее[26]; надгробный каменный памятник коллежской советнице Анне Васильевне Верстовской, скончавшейся в 1818 году[27]; чугунные

---

26 Фрагранский Василий Михайлович (1757–1809), протоиерей Смоленского собора с 1782 г., природою из уфимских. При нём в 1782 г. происходили торжества по случаю открытия Уфимского наместничества. В 1798 г. возведена новая соборная колокольня, в 1800 г. на неё были подняты колокола. В 1800 г. открыта Оренбургская епархия, и собор получил наименование кафедрального. В 1801 г. протоиерей Василий Фрагранский был награжден Синодом наперсным крестом. Скончался 23 апреля 1809 г. (ГИМ ОПИ. Ф. 450. Д. 708. Л. 49 об. – 51). Ребелинский в дневнике записал: «23 апреля 1809 г. В сей день помер соборной протопоп Василий Михайлов около 60 лет, служил протопопом около 27-ми лет. 25 апреля 1809 г. сего дня протопопа погребали. Отпевал сам преосвященный со всеми градскими священниками. Несли до кладбища с образами и со звоном. Народу провожало много» (Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 188).

27 По всей видимости, на Успенском кладбище была похоронена мать композитора Алексея Николаевича Верстовского (1799–1862). Верстовские поселились в Уфе в 1808 г. В сентябре того года Николай Алексеевич Верстовский был переведён из Тамбовской губернии на службу в Уфу на должность управляющего Оренбургской удельной экспедицией. Семья Верстовских была музыкальной. Анна Васильевна Верстовская, дочь генерал-майора Волкова, любила музицировать на фортепиано, в доме была большая нотная библиотека. Основы музыкальной грамоты будущий композитор получил от матери. Обнаружилась склонность к музыкальной композиции: Алёша Верстовский сочинял вальсы, песни, незатейливые пьесы для фортепиано, вы-

плиты с надписью над прахом подполковницы Натальи Васильевны Дмитриевой, скончавшейся в 1818 году, Николая Степановича Романовского, скончавшегося 2 декабря 1814 года, и Петра Степановича Евтюгина[28], Степана Васильевича Романовского, скончавшегося 2-го января 1809 года[29], Натальи Феодоровны Феодоровой, скончавшейся 16 декабря 1806 года, Надежды Николаевны Феодоровой, скончавшейся 16 августа 1825 года, и Анны Ивановны Романовской, скончавшейся 5 апреля 1795 года[30].

У алтаря Михаило-Архангельского придела с южной стороны, с особого разрешения епархиального начальства, погребен прах иконописца Николая Перлина, который, по написании в куполе Успенского храма Господа Саваофа с небесными силами 30 августа 1872 года, стал спускаться с лесов, от обрыва каната упал и убился до смерти. Над прахом его теперь стоит де-

---

ступал в Уфе в концертах. Другой сын Верстовских – Василий не расставался со скрипкой, дочь Варвара была хорошей пианисткой. В 1816 г. Алексей Верстовский, по желанию родителей, уехал на учебу в Петербург (www.tstu.ru/win/kultur/composer/verst/biograf).

28 Петр Степанович Евтюгин, вероятно, был тестем Михаила Семёновича Ребелинского. О своём втором браке Ребелинский 14 января 1812 г. сделал такую запись: «В сей день сговорил я за себя невесту, дочь надворного советника П. Евтюгина – Надежду Петровну» (Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 272). На Успенском кладбище, вероятно, был похоронен и сам Михаил Семёнович Ребелинский, умерший в Уфе 2 августа 1815 г. в возрасте 45 лет (ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 43).

29 2 января 1809 г. Ребелинский записал в дневнике: «Помер коллежский советник Степан Романовской» (Дневник М.С. Ребелинского. Ч. II. Л. 179).

30 «6 апреля. 1795 г. В сей день померла у секретаря(?) Романовского жена Анна Ивановна. 7 апреля. Севодни усопшую схоронили» (Там же. Ч. I. Л. 110).

ревянный крест с надписью о времени кончины его[31].

У алтаря Георгиевского придела, с северной стороны, с особого разрешения епархиального начальства погребены и над прахом их поставлены деревянный крест, обитый белым листовым железом, и чугунная плита с надписью: «Здесь погребены тела надворного советника Ивана Ларионовича Березовского, скончавшегося 30 сентября 1825 года, и супруги его Надежды Васильевны, скончавшейся в 1825 году»[32].

По словам старожилов, здесь погребены многие из значительных лиц, и в числе таковых правитель Уфимского наместничества генерал-поручик Уфимский и Симбирский генерал-губернатор Александр Александрович Пеутлинг в конце прошлого столетия; но памятников его и прочих лиц не сохранилось, вероятно, они были уничтожены при постройке настоящей каменной церкви.

При Успенской церкви с 1862 года и по настоящее время существует церковно-приходское училище, заведенное священником Иоанном Темперовым[33]. В нем

---

31 В метрической книге Успенской церкви сохранилась запись о смерти 30 августа и погребении 1 сентября уфимского мещанина Николая Сергеевича Перлина 24-х лет. Причина смерти – упал с высоты 8 сажен и умер. Место погребения – при здешней церкви с разрешения епископа Петра (ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 13. Л. 408).

32 В сентябре 1824 г. надворный советник Иван Ларионович Березовский присутствовал на балу, данном в Уфе в честь императора Александра I. На балу находились, видимо, и его дочери: Наталья Ивановна, Ольга Ивановна и Екатерина Ивановна Березовские (*Новиков В.А., Гурвич Н.А.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1903. С. 233–234).

33 Темперов Иоанн Андреевич, священник. В 1872 г. служил в уфимской Александро-Невской церкви (ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 13. Л. 1). В 1873 г. состоял членом правления Уфимской духовной семинарии от духовенства, дей-

обучаются Закону Божию, чтению, письму и арифметике дети всех сословий, а преимущественно дети бедных родителей. В настоящее время обучает детей Закону Божию местный священник Стефан Константиновский; чтению, письму и арифметике - диакон Аркадий Кибардин.

В приходе Успенской церкви в настоящее время состоят следующие улицы: Большая Успенская, Малая Успенская, Малокладбищенская, Телеграфная, Старожандармская, Лазаретная, Калмацкая, Приютская, Новосибирская, Богородская и Солдатская слобода.

Число душ в этом приходе состоит: мужеского пола – 916, а женского – 984 души, обоего пола – 1903 души; дворов в приходе – 417.

К сей церковной летописи подписался священник Стефан Константиновский.

(НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 198–201 об.)

ствительным членом Губернского статистического комитета (Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. Уфа, 1873. С. 12, 33). В 1879 г. Иоанн Темперов, священник уфимской Александро-Невской церкви, был награждён Орденом Св. Анны 3 степени (Уфимские епархиальные ведомости. 1879 г. № 2. С. 49).

М.И. Роднов

Успенский храм в произведениях Руфа Гавриловича Игнатьева

С районом вокруг Успенского храма связано много имён известных уфимцев, проживавших здесь. Особое место среди них занимает краевед – историк и археолог Руф Гаврилович Игнатьев (1818–1886). Он появился в Уфе в конце 1855 г. в качестве рекрута десятого Оренбургского линейного батальона, расквартированного в нашем городе. Хотя казармы внутренней стражи, известные среди уфимцев также под именем «Белых казарм», находились на улице Александровской (К. Маркса), Игнатьев как опытный музыкант (в молодости пел в синодальном хоре Успенского собора в Кремле, учился в Москве у композитора Е.А. Варламова, а затем в Парижской консерватории) сразу получил чин унтер-офицера и имел право жить вне казармы. Возможно, уже тогда Р.Г. Игнатьев облюбовал этот уголок возле Успенской церкви, тем более что отсюда до казарм недалеко, и посыльный быстро добегал до квартиры унтера с приказом срочно явиться в часть[34].

Сохранились воспоминания В.М.Попова, записанные в Оренбурге в начале XX в., о 1855–1856 годах. Будучи гимназистом, Попов проживал тогда поблизости от Игнатьева, который «поселился в том же районе, где и я жил, а ему было близко к оркестру, который он дирижировал, как страстный любитель музыки. Он был холост или вдов, не знаю, любил более молодёжь, не любил общества, выказываться, а уважал семьи тихие, где никто его не стеснял, да и сам он не стеснялся. В доме и семье, где я жил, было именно такое настроение благодаря хозяевам, москвичам, либералам во всём,

34 См.: *Роднов Михаил.* Уфимские адреса Руфа Игнатьева // Бельские просторы. 2012. № 1. С. 110–115.

почему и постояльцы набирались такие, более поляки. Было дружно, весело, и вот тут я и узнал близко Р.Г. Это была какая-то особенная душа, казавшаяся странною тем, кто его не знал. Он был разносторонний и высокообразованный деятель, рывшийся более в архивном хламе везде, где только было что-нибудь для него подходящее, все ему услуживали, за ним ухаживали, кто из жалости, другие из уважения, но он по своей натуре ничего не замечал, никаких услуг не требовал; был крайне неряшлив, конечно, как одинокий человек и не думающий о внешности, допускал множество курьёзов не только в одежде, обуви, но и в разговоре, непременно кого-нибудь высмеет, потому и было нам весело всегда с ним; иногда ему было очень грустно, чего он не мог скрывать, но все ему ужасно сочувствовали, все его всегда к себе принимали, кормили, поили; по наивности своей появлялся он иногда совершенно неожиданно и просто не вовремя, но, конечно, никто и виду не подавал, а он так всех развеселит, что все ему бывали рады. Хотя он знал в совершенстве музыку на всех инструментах, но не играл публично, но если попросить попросту, то сыграет всегда с чувством, всегда снизойдёт на приставанья, чем мы, молодёжь, конечно, пользовались, и во всякий приход его, чуть не каждый день, теребили его сыграть что-нибудь на рояле. Сначала он как будто нащупывает, настраивается, а потом начнёт играть, но что это была за чудная музыка! Каждый раз мы просили его сыграть что-нибудь выразительное, и он никогда не отказывался, и всегда без нот. Так в моей памяти остались навсегда две пьесы. Одна была весёленькая о поездке архиерея в монастырь. При этом Р.Г. рассказывал содержание, как монахи, конечно, предупреждённые доброжелателями, держали всё наготове, и звонарей, и всё для встречи. Р.Г. начинает играть какие-то хоровые напевы всенощные, прелестные; вдруг монах звонит тревогу на колокольне,

все бросаются, двери хлопают, кашляют, звон вовсю, особенно всех нас поражавший и всем нравящийся, потом шум подъезда, встреча, пение «достойно», замечательное «испола эти деспота»[35], какой-то будто речитатив архиерея, громогласное многолетие, замечательное пение «многие лета», всё это удивительно подобранное, и отъезд, опять звон колоколов, разговор монахов и вдруг либо комаринскую, либо что развесёлое, что пляшут монахи, с радостью проводившие владыку, все мы, конечно, хохотали до упаду и сам Р.Г. с нами.

Вторая пьеска очень серьёзная и требовала такого же исполнения, какого я уже не слыхал нигде в моей жизни. Это – «Степь», т. е. степная жизнь. Нужно было знать эту жизнь, а Р.Г. бывал в степях и знал её, поэтому и мог отразить её в игре. Тут были крики всяких животных, людей, как будто разговоры башкир и киргизов, детей, и как это у него выходило, просто мы не могли представить себе. Всё мирно, хорошо, но вдруг ветер, пыль, буря, ураган, всё смешалось, кричит, орёт, беснуется, как будто жутко и слушателям, но понемногу утихает буря, и всё успокаивается, всем приятно, что ужас прошёл.

Этой пьеской Р.Г. всегда всех за душу трогал, а сам как ни в чём не бывало, сейчас начнёт такую разухабистую мазурку, что все, как будто чем приподнятые, ураганом тем, что ли, сразу бросятся танцовать до упаду. Вот каков был человек в те годы Р.Г. Игнатьев»[36].

Прибыв в Уфу вторично в 1865 г. для занятий по истории и археологии, Игнатьев снимал жильё в приходе Успенской церкви, видимо, полюбился этот уголок Уфы Руфу Гавриловичу – тихое старинное Успенское кладби-

---

35 Многолетие епископу, с греческого: «На многая лета, Господин».

36 *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 296–298.

ще с церковью, усыпанные яблоневыми и вишнёвыми садами просторные дворы, основательные деревянные усадьбы, сверкавшие наличниками и резными воротами. Точно известно, что в 1872 г. Игнатьев проживал «на Успенской улице, в доме Г-жи Вышенской».

По данным за 1879 г., по Средней (Малой) Успенской улице (совр. Энгельса) по чётной (южной) стороне от угла с Детским переулком, что до революции именовался Михайловским, а при жизни Игнатьева ещё не имел названия, третья усадьба принадлежала Петру Вышенскому. Это первый известный адрес, где снимал жильё Р.Г. Игнатьев. По рассказам местных жителей, третий участок находился перед нынешним элитным домом «канадского» стиля. Перед ним возвышается старая берёза, которая, по свидетельству старожилов, как раз стоит на границе третьей с угла усадьбы. Здесь и снимал жильё Руф Гаврилович.

Воспоминания М.В. Беляевой косвенно это подтверждают. Мария Васильевна, дочь уфимского вице-губернатора, в 1879 г. служившая классной надзирательницей в Мариинской женской гимназии, рассказывала Филоненко, что «покойный Р.Г. Игнатьев часто бывал у нас дома». А по переписи 1879 г. совсем рядышком, в этом же квартале, но по улице Большой Успенской (Коммунистической), третья усадьба вверх от угла с улицей Спасской (Ново-Мостовой) принадлежала Надежде Беляевой. Сейчас за бывшим Домом ребёнка вверх по Коммунистической стоят старинные деревянные двухэтажные дома, в этом месте и обосновалось семейство Беляевых, сюда и захаживал Руф Гаврилович, ходу – пять минут.

В 1877 г. он покидает Уфу, и лишь весной-летом 1885 г. престарелый историк возвращается в наш город, видимо, из-за плохого здоровья. Так, 6 сентября 1885 г. Руф Гаврилович сообщал: «Я вышел из больницы, лечусь дома... Я живу на Телеграфной улице рядом

с баней, дом Степанова». Не сумев почему-то арендовать прежнее жильё, Руф Гаврилович снимает жилплощадь в доме Василия Степанова на улице Телеграфной (Цюрупы). За старыми кирпичными банями на углу Успенской и Телеграфной стоял 32-й дом (по улице Цюрупы). Здесь, по всей видимости, и провёл свои последние месяцы жизни историк-краевед Руф Гаврилович Игнатьев. Василию Степанову принадлежала по переписи 1879 г. и соседняя усадьба, в сторону Большой Казанской, где сегодня также сохранился дом.

Естественно, что Руф Игнатьев в своих статьях упоминает различные сюжеты, связанные с районом Успенской церкви. Так, в статье «Заметка о школе при церкви св. Спаса в г. Уфе» он призывает к тому, «чтобы народные школы, как заведения открытые, вели своё доброе и великое дело начистоту и гласно, посредством печати, чему служит примером Уфимская Успенская школа, печатающая о всех своих действиях в «Губернских ведомостях»[37]. А в 1867 г. Игнатьев публикует некролог на настоятеля Успенского храма о. Феодора (Агафонова), с которым был, видимо, в дружеских отношениях на почве любви к древней истории Уфы и работы в Комитете грамотности[38].

Однако надо заметить, что опытнейший историк-краевед так и не создал отдельной работы по истории Успенской церкви. Это выглядит удивительно, и можно лишь выдвигать предположения о причинах этого. С моей точки зрения, причина в том, что отношения Р.Г. Игнатьева с отдельными уфимскими епископами были не очень дружескими. Постоянно поднимая вопрос о сохранности памятников старины, в том числе церковных, Руф Гаврилович вмешивался в дела епар-

---

37 Там же. Т. I: 1859–1866 годы. Оренбург, 2011. С. 109.

38 Там же. Т. II: 1866–1868 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 39–40. Комитет грамотности занимался помощью школам.

хии. И пример с отцом Феодором (Агафоновым) показателен. Тот сам интересовался историей и помог Игнатьеву обследовать самую древнюю в Уфе Троицкую церковь (бывший Смоленский собор), за что, по всей видимости, и поплатился переводом оттуда в окраинную Успенскую церковь. А после его кончины, вполне вероятно, новый настоятель получил соответствующие инструкции от владыки не слишком поддерживать исторические изыскания краеведа. Лишь в январе 1881 г., когда при Успенском храме было образовано церковно-приходское попечительство, председатель его – известный статистик Николай Александрович Гурвич – привлёк к участию Р.Г. Игнатьева, скорее всего, заочно. Гурвич предложил избрать его членом попечительства, а Игнатьев «изъявил готовность составить историю Успенской церкви и издать её особою брошюрою для распродажи в пользу попечительства»[39]. Но был ли воплощён замысел в действительности, неизвестно.

В 1868 г. в статье «Школы при церквах в г. Уфе» Игнатьев отмечал, что «после того, как у нас в Уфе закрылись воскресные школы, Преосвященный Филарет, Епископ Уфимский и Мензелинский, поручил приходскому духовенству открыть при церквах школы для детей обоего пола всех сословий на церковные средства и на счёт пожертвований сторонних лиц... Предметы учения в здешних школах: чтение церковной и гражданской печати, закон Божий, первые правила арифметики, чистописание, церковное пение и женское рукоделие. Церковные школы, распространяя грамотность в бедных и низших классах, служат вместе с тем приуготовлением к вступлению в учебные заведения». Благочинный Уфимских церквей о.П.П. Желателев сообщил Игнатьеву, что существует школа «при церкви Успения Богородицы, открытая в 1862 году священ-

39 Уфимские епархиальные ведомости. 1881. № 4. 15 февраля. С. 119.

ником И.А. Темперовым, и во время заведывания его этою школою пользовавшаяся в Уфе большою популярностию. Теперь здесь обучают дьякон Гавриил Львов и причетник Деньщиков; обучается: мальчиков из детей чиновников 7, мещан 16, крестьян 5 и солдат 5»[40].

В 1869 г. Руф Гаврилович пишет подробную историю Спасской церкви, где, говоря об Уфе на период 1801 г., отмечает приходские храмы, и в том числе Успенский: «Церковь деревянная же Успения Божией Матери на старом кладбище.., оставшаяся от того же [Успенского мужского монастыря] монастыря – в честь Успения, перенесена в 1798 г. Г-жою Аничковой на старое кладбище»[41]. Кроме того, Р.Г. Игнатьев интересовался бывшим прежде древнейшим, так называемым «божедомским» кладбищем. Уфа была единственным крупным городом на Урале, где существовало подобное кладбище, обслуживавшееся как раз причтом Успенского храма. И в ноябре 1871 г. Игнатьев под псевдонимом Роман Кронбейный публикует в «Уфимских губернских ведомостях» статью об этом кладбище и связанном с ним праздновании 8 ноября (текст смотри ниже в трудах Игнатьева).

В 1873 г. уфимские земские статистики сумели осуществить издание «Памятной книжки Уфимской губернии», где во второй части Р.Г. Игнатьев опять упоминает, что после уничтожения уфимского Успенского мужского монастыря «остались две деревянные церкви: летняя Успения Божией Матери с деревянною колокольней и зимняя – Богоявления Господня; первая перенесена потом на старое кладбище, на место, где теперь – каменная церковь Успения Божией Матери, а церковь Богоявления уже недавно перенесена на клад-

---

40 *Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. II. С. 47.

41 Там же. Т. III: 1869–1872 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 119.

бище старой Уфы и переименована в честь Преображения Господня»[42]. При характеристике приходских церквей Уфы Игнатьев также пишет и про церковь Успения Божией Матери, бывшую Кладбищенскую, на Успенской улице: «Причта по штату 1831 года положено: 2 священника, дьякон и 4 причетника, но в 1860 г. за недостаточностию содержания, по распоряжению епархиального начальства, велено быть только 2 причетникам. Причт содержится лишь доходами за исправление треб; усадебной земли 3613 кв. саж.; дом каменный, выстроенный в 1863 году для школы, где есть квартира только для дьякона и причетника, обучающих в школе. Прихожан в г. Уфе, пригородной слободе Нижегородке и дер. Глумилиной Уфимского уезда: чиновников, купцов, мещан, солдат и крестьян - 415 дв., 1086 м., 1207 ж. В слободе Нижегородке много раскольников и в особенности сект Австрийской и Поморской»[43].

Кроме того, для этой «Памятной книжки» Игнатьев собрал уникальную информацию о праздниках, отмечаемых в каждом уфимском храме. К постоянным «непереходящим» праздникам относилось 23 апреля – «день *Св. Великомученика Победоносца Георгия*. Придел при церкви Успения Божией Матери на Успенской улице (смотри 26 ноября)». Также 15 августа в Успенском храме отмечался «престольный праздник в соимённой церкви. Церковь приходская, каменная, на Успенской, или Старо-кладбищенской улице. На этом месте издавна существовало кладбище и едва ли не со времён указа 24 декабря 1771 года, воспрещающего погребать умерших в черте города, а Успенская улица в XVIII веке была вне города. В 1798 году помещица Г-жа Аничкова купила и перенесла сюда на кладбище дере-

42 Там же. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 118.

43 Там же. С. 121–122.

вянную церковь Успения Богородицы, оставшуюся от уничтоженного в 1764 году Успенского мужеского монастыря, бывшего там, где теперь женский монастырь. Церковь Успения была вновь освящена в первый раз по благословению Преосвящ. Амвросия, Архиепископа Казанского и Свияжского, к епархии которого принадлежала Уфа. Освящённый этим Архиереем Антиминс сохранился и теперь в Успенской церкви. В начале настоящего столетия, когда город увеличили по новому плану и предположено было провести новые улицы, Успенское кладбище было уничтожено, как взошедшее уже в черту города, и Успенская церковь названа приходскою; однако же название Кладбищенская сохранилось за улицей и теперь. В конце 1840 годов Протоиерей этой церкви, Бреев, с помощью прихожан и произведённого в разных местах денежного сбора положил основание нынешней каменной церкви, сломав старую. И затем вновь построенная церковь освящена в 1849 году Преосвященным Иоанникием, Епископом Оренбургским и Уфимским. В 1862 и 1864 г. вновь сооружены два придела во имя Св. Михаила Архангела и Св. Великомученика Георгия Победоносца, в память существовавших в Уфе церкви и часовни (смотр. 23 Апреля и 8 Ноября).

От бывшего кладбища при Успенской церкви сохранилось несколько памятников, относящихся к периоду от 1802 до 1823 года; только в 1824 году перестали здесь погребать умерших, так как в этом только году церковь Успения, уже застроенная кругом домами, взошла в состав города. На бывшем Успенском кладбище погребены многие из здешних дворянских фамилий, как то: бывший в царствование Екатерины II-й Губернатором Уфимским и Симбирским Генерал-Поручик Пеутлинг, род Верстовских, от которых происходит известный русский композитор А.Н. Верстовский, в 1859 году скончавшийся в Москве; Дмитриевы, Березовские,

Аничковы и многие другие. У входа в церковь погребён, как видно из надписи на чугунной плите, Кафедральный Протоиерей Фрагранский, родившийся в 1772, скончавшийся в 1802 году. Фрагранский пользовался известностию в Уфе; он был Первый Протоиерей Кафедральный при открытии епархии и последний из тех, которые до учреждения епархии назывались Уфимскими, или Протопопами всего города. Бывшее кладбище огорожено деревянным забором с 2 воротами, но плиты и насыпи видны из-за ограды; кладбище было обширное; теперь оно много уже застроено домами.

При Успенской церкви с 1862 года открыто училище для детей обоего пола всех сословий; обучают: чтению, письму, закону Божию, арифметике, церковному пению и женским рукоделиям. Учеников здесь бывает более 50».

Два постоянных праздника священники и прихожане Успенской церкви отмечали в ноябре. На 8 ноября приходился «день *Св. Архистратига Михаила и прочих безплотных сил.* Одноименный придел при церкви Успения Богородицы на Успенской, или бывшей Кладбищенской улице, устроен в 1864 году тщанием прихожан». 26 ноября праздновался «день С*в. Великомученика Победоносца Георгия.* Придел при церкви Успения Божией Матери на Успенской, или старой Кладбищенской улице, устроен и освящён в 1864 году тщанием священно-церковных служителей и прихожан в воспоминание существовавшей в Уфе на нынешней Лазаретной улице деревянной часовни в честь Св. Георгия. Нынешняя Лазаретная улица была в старину за городом, и здесь было кладбище для самоубийц и т.п., которые погребались без совершения обрядов; и так есть доводы думать, так как Уфа – древний город, существующий с XVI века, то не было ли это кладбище так называемым *убогим домом, или скудельцами*, где погребали не только лишённых христианского об-

ряда погребения, но и нищих, безвестных странников и казённых. Их трупы в течение всего года лежали не погребёнными *до семика,* или четверга, на Троицкой неделе и тогда уже были погребаемы; и наши предки поэтому прозвали семик *праздником мертвецов*. Подробности об обряде семика в древней России и о бывших в каждом городе *убогих домах, или скудельцах,* можно видеть в статье И.М. Снегирёва «*О скудельцах и убогих домах в России*, записки и труды общ. истор. и древ. рус. 1826 года». Ч. 3 кн. 1 ст. 235 и 263. На подобном древнем скудельном кладбище в Уфе Протоиерей бывшего Смоленского собора Иаков Неверов в конце XVIII века построил часовню в честь Св. Георгия для совершения молебствий во время засух, ненастья и неурожая; часовня, взойдя потом в черту города, лет 30 тому назад, была уничтожена».

И, наконец, в интереснейшей работе об осаде Уфы пугачёвцами Игнатьев отмечает, что в XVIII веке «за Казанскою улицею было чистое поле, где с 1771 г. (там, где теперь в Уфе церковь Успения Богородицы) по указу Екатерины II 24 Декабря того 1771 г., воспрещавшему погребение умерших при городских церквах, основано было кладбище»[44].

В 1873 г. Руф Гаврилович публикует большую работу «Местоположение г. Уфы до начала XIX столетия», где рассказывает об интересующем нас районе. «Казанская улица застроилась едва ли не позднее других уфимских улиц. В 1759 г. здесь было всего до 30 дворов с приходскою церковью Благовещения Богородицы, а в то время из них сгорело 18 дворов, как значится в донесении Губернатору Уфимской Провинциальной Канцелярии; но сгорела ли Благовещенская церковь – о том ничего не сказано. Домохозяева Казанской улицы состояли из мещан, крестьян, подъячих, и тут же был двор заводчика Твердышева, где проживали его дво-

44 Там же. С. 125, 131–132, 138, 139, 151.

ровые крепостные люди. На задах Казанской улицы за оврагом, в котором протекает р. Сутолка, здесь скорее похожая на ручей, там, где теперь Старо-Кладбищенская, Мало-Кладбищенская, Телеграфная и др. улицы, было чистое поле, или городской выгон, где в 1771 г. на месте нынешней Успенской церкви было кладбище. Точно также за оврагом же на другой стороне Казанской улицы до самой Ильинской улицы было пустое пространство, теперь занимаемое Голубиною улицею. Во второй половине XVII века здесь между Казанскою и Ильинскою улицею это пространство заняла вновь образовавшаяся слободка, составленная из выселенцев Сибирских слобод, как называли тогда нынешний Челябинский уезд Оренбургской губернии, где эти слободы, как видно из челобитья жителей Сибирских слобод 1698 года Царям Иоанну и Петру Алексеевичам, возникли ещё в XVI веке. Старший из выселенцев назывался Голубиным, отчего и слобода между Казанскою и Ильинскою улицею называлась – *Голубиною*, а народ, в силу старого предания, и теперь зовёт Голубиную улицу – слободкой. Голубиная слободка в 1672 году имела всего 15 дворов, следственно не занимала того пространства, которое теперь занято Голубиною улицею. За неимением указаний не можем даже и определить, откуда начиналась и где оканчивалась Голубиная слободка: начиналась ли она оттуда, где теперь начинается Голубиная улица, т. е. от нижнего базара?...

В 1708 году Уфа причислена к вновь открытой Казанской губернии; имя стрелецкое и пушкарское исчезло; людей обоих этих сословий обратили: одних в казаки, других в солдаты – в регулярное войско, третьим дозволено было выйти в мещане, крестьяне и даже купцы; стрелецкое и пушкарское чиновное сословие вышло в военную и гражданскую службу... В ведении коменданта, кроме того, сформирована пешая рота гарнизона под именем «штатной», под началь-

ством особого офицера. На поселение штатной роте дали особое место, и так образовалась в Уфе нынешняя *Солдатская слобода*. Но эта слобода первоначально поселена за оврагом позади нынешней Успенской улицы в поле, потом уже население слободы увеличилось и заняло всё пространство нынешней Солдатской слободы, где теперь три улицы без названия.

В 1735 г. множество Уфимских казаков и даже жителей отправлено в Оренбургскую экспедицию под начальством Статского Советника Кирилова; многие дома опустели. Взятые на службу не возвратились: они или поселены в крепостях вновь проведённой азиатской линии, или погибли в битвах с взбунтовавшимися инородцами. Потом население Солдатской слободы увеличилось ротою драгун; после же Пугачёвщины, в 1775 году, в Уфу введены были на постоянное жительство сначала драгунский, а потом пехотный, здесь сформированный, полк под именем «Уфимского».

В сведениях о пожарах в Уфе в прошедшем столетии, какие только сохранились, нигде не видно, чтобы сгорела Солдатская слобода; неизвестно, отделение ли от города спасало её от пожаров, или самих сведений об этом теперь не существует?

Солдатская слобода в прошедшем столетии являлась загородною, на выгоне; выгоном звалось всё пространство, занимаемое теперь Старо– и Мало-Кладбищенскою, Успенскою, Телеграфною и прочими улицами, теперь существующими. Там, где теперь церковь Успенская, по именному указу Екатерины II 24 Декабря 1771 г., как на месте загородном, учреждено было кладбище, на которое в 1798 году бывший Уфимский воеводский товарищ Сергей Иванович Аничков перенёс из бывшего, уничтоженного в 1769 г., Успенского монастыря деревянную церковь, которая и освящена тогда была в прежнее имя – Успения Божией Матери; но в это время назади Казанской улицы, или на ны-

нешней Старо-Кладбищенской, начали уже возникать постройки»[45].

В этой же работе 1875 г. Руф Игнатьев говорит об улице, параллельной Большой Казанской (ныне Октябрьской революции): «В 70 саж. от Казанской башни, или Казанских ворот, стояла Спасская башня, обращённая на нынешнюю Кладбищенскую улицу, возникшую уже в начале настоящего столетия»[46]. Информация Игнатьева совпадает со сведениями «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию, первому измерению всех земель в крае, составленными примерно в 1798–1805 гг. В описании Уфы там перечисляются 12 городских церквей, среди них: «11-я – Благовещения Пресвятыя Богородицы, холодная, и 12-я – Успения Пресвятыя Богородицы, тёплая, при них [при всех двенадцати] колокольни деревянные и предпоследней [надо читать: перед последней] состоит христианское кладбище»[47]. Как раз тогда и была перенесена на новое место деревянная Успенская церковь с территории бывшего монастыря.

В дальнейшем краткие сведения об этой части Уфы Руф Гаврилович Игнатьев включал в свои различные труды по истории края. К сожалению, замечательный историк-краевед не оставил специальной работы по истории Успенского храма, но и тот материал, который им собран, имеет огромную научную и культурную ценность.

---

45 Там же. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 66–67, 69–70.

46 Там же. С. 60.

47 *Абсалямов Ю.М.* Город Уфа и её окрестности в начале XIX в. (по «Экономическим примечаниям» к Генеральному межеванию) // Река времени. 2000. Уфа, 2000. С. 86, 88–89.

Р.Г. Игнатьев

Избранные сочинения

№ 1. Феодор Виссарионович Агафонов. (Некролог)

В Уфе после продолжительной болезни скончался, 11 Октября, уважаемый священник церкви Успения Богородицы, о. Фёдор Виссарионович Агафонов, корреспондент Комитета Грамотности, состоящего при Императорском Вольном Экономическом обществе. Пастырское служение о. Агафонов проходил: в Усть-Катавском и Миасском заводах, в Уфимском Тюремном замке, при Уфимской церкви св. Троицы, или Старом Соборе, и везде им открыты школы, которых сам О. Агафонов был первым и самым усерднейшим деятелем. Около двух месяцев до кончины о. Агафонов, по распоряжению епархиального начальства, перемещён к церкви Успения Богородицы, где, уже сильно страдая болезнью, совершил только три литургии и где его ожидала деятельность, столь им во всю жизнь любимая – школа при этой церкви, заведённая прежним священником И.А. Темперовым и пользовавшаяся в Уфе большим уважением. О. Агафонов открыл у себя склад для продажи по удешевлённым ценам книг, одобренных Комитетом Грамотности. Из сочинений о. Агафонова напечатаны в Уфе в 1865 г. *«Беседы на десять заповедей Господних»*; он же и тщательно заботился об историческо-археологическом описании Уфимского Старого Собора. За службу свою о. Агафонов был награждён: набедренником, скуфьею, камилавкою и наперсным крестом в память войны 1853–1856 годов.

Преосвященный Филарет, Епископ Уфимский и Мензелинский, воздал последний долг покойному совершением погребения. И кто из знавших покойного

о. Агафонова от души не пожалеет о нём? Ему ещё не было 40 лет; от полезной деятельности его можно было ожидать ещё многого в будущем. После него осталось большое семейство, которое он не мог обеспечить, как не могут обеспечивать люди, живущие более для блага общественного, нежели своего.

Среди народа случается слышать поверье, что добрые люди Богу нужны и потому им иногда свыше посылается смерть безвременная... Да живёт же в нас вечная память и усердная молитва об отошедшем честном деятеле и друге народа!

Р. И.

(Уфимские губернские ведомости.
1867. 21 октября)

№ 2. Празднование 8 Ноября в г. Уфе

В день св. Архистратига Михаила, 8 Ноября, в Уфе в церкви Успения Божией Матери бывает храмовый праздник в приделе св. Архистратига Михаила, пристроенном и освящённом в 1862 году, по желанию прихожан, в память бывшей часовни в честь св. Архистратига Михаила на бывшем Божедомском кладбище[48], принадлежавшем сначала, как говорят, Успенскому мужескому монастырю, а уже в конце XVIII века – Успенской церкви, построенной на бывшем городском кладбище, уничтоженном только в 1823 году. И теперь ещё в Уфе проходящую мимо Успенской церкви улицу зовут Кладбищенской.

Уфимское Божедомское кладбище находилось на

48 На сайте «Роднов и его друзья» см.: *Роднов Михаил, Буравцов Владимир.* Божедомское кладбище в Уфе (неопубликованная статья).

нынешней Лазаретной улице, как говорят, на том самом месте, где теперь находится дом г. Домбровской, тут же и стояла деревянная часовня в честь св. Архистратига Михаила. Место это ещё в начале нынешнего столетия было – чистое поле, степь, только после 1809 года начали появляться здесь строения в силу расширения города по новому плану.

Часовня св. Михаила Архангела и само Божедомское кладбище существовали издревле в Уфе, которой, в 1874 году, исполнится ровно *триста лет* , т. е. от времени первого заложения города Воеводой Иваном Нагим, в царствование Ивана IV, в 1574 году.

Уфа древний город, а божедомские кладбища были везде по городам Древней Руси и прекратились только незадолго до Пугачёвщины.

На божедомских кладбищах хоронили странников, нищих, преступников, утонувших, убитых грозой и, вообще, умерших от каких-нибудь особых несчастных случаев: всем таковым не было, по понятиям наших предков, по смерти другого места кроме божедомского кладбища; но, что всего удивительнее, трупы указанных покойников лежали сложенными в общих ямах, или скудельнях, не погребёнными в течение целого года до четверга 7-й недели после Пасхи, или Семика. И тогда из ближайшей церкви к Божедомскому кладбищу совершался крестный ход, и затем после общей панихиды засыпались ямы и вырывались уже новые для новых покойников. В Уфе же, говорят, будто бы это совершалось не в семик, а в день празднования св. Архистратига Михаила, 8 Ноября. Когда в 1771 году свирепствовала везде чума, то, боясь её появления в Уфе, Уфимское начальство отвело для погребения умерших от чумы, если бы таковые случились, особое кладбище, близ Божедомского; в то же самое время протоиерей Смоленского собора Иаков Неверов поставил на Божедомском кладбище вместо прежней, пришедшей в ветхость, де-

ревянной часовни – новую, тоже деревянную, в честь св. Архистратига Михаила, заступлению которого приписали тот случай, что чума не появилась ни в городе и нигде во всей тогдашней Уфимской провинции.

Чума 1771 года прекратила везде у нас на Руси божедомские кладбища, против которых уже давно тогда говорили люди передовые – учёные и врачи; давно эти люди, как ими ни скудна была тогда русская земля, указывали на вред народному здравию от гнивших и разлагавшихся трупов; недаром же про божедомские кладбища в народе осталась пословица или загадка: «Летел зверёк чрез Божий домок, сам говорит: моя сила горит». Действительно, от фосфорического разложения трупов на божедомских кладбищах появлялись блуждающие огни.

Екатерина II не только велела закрыть божедомские кладбища, но даже указом 24 Декабря 1771 года запретила хоронить при городских церквах. В то время был уничтожен этот обычай и в Уфе и уничтожено Божедомское кладбище, а вместе с тем и прекратился и совершавшийся на этом кладбище, 8 Ноября, обряд общего погребения и поминок; прекратился также и крестный ход сюда из бывшего Смоленского собора, что теперь церковь св. Троицы.

Обычай божедомский вёлся на Руси едва ли не с самого введения христианской веры. Идея божедомских кладбищ, кажется, основана на том, что когда Иуда, предавший Спасителя, бросил к ногам Иудейских левитов и книжников сребренники, то они сказали, что эти деньги недостойно возвратить в церковное хранилище, так как они – цена крови; но что на них следует купить землю у горшечника на погребение странным[49]. Самого И. Х., как уроженца назаретского, в Иерусалиме звали странником: «Дай мне этого странника», - говорит, у св. Иоанна Дамаскина, Пилату Иосиф Арима-

49 Еванг. Матфея гл. 27 ст. 7-й – *прим. Р.Г. Игнатьева.*

фейский, прося выдать ему для погребения тело Христа Спасителя[50].

Не только странники и нищие толпами ходили из места в место по всей России, но образовался даже особый класс *гулящих людей,* не принадлежавших ни к какому сословию, ни ведомству; бродили эти гулящие люди по православной Руси из конца в конец, проживали временно, где хотели, искали работы или просили милостыни, и никто не думал спрашивать: кто из них откуда и что за человек, – лишь бы не воровал и не разбойничал. Гулящие люди вступали и в брак между собою и с посторонними и таким образом распложались целые поколения, в которых правнук и даже внук уже не помнил, кто и откуда были их деды и бабки. Застала смерть странствующего гулящего человека в каком-нибудь городе, – и его хоронили на божедомском кладбище в общей яме, или *скудельне*. Скудельня происходит от слова *скудельный* – земляный, но вместе с тем означает скудность, бедность, – последний приют бедняков или же людей, бедственно окончивших жизнь. Пётр I, в начале своего единодержавия, нашёл место всем гулящим людям: кого из них поверстал в солдаты, кого приписал в крестьянство и холопство, – и с тех пор не стало гулящих людей. После того были приняты строгие меры против бродяг: установлены паспорта, произведена народная перепись, стали преследовать бродящих нищих, – хотя нищие и нищенство существуют и теперь, а секта «странников» и теперь ещё проводит идею о восстановлении гулящих людей. Меры Петра I и его преемников, конечно, сократили число безвестных трупов на божедомских кладбищах, но всё-таки до 1771 года не прекратили самых божедомских кладбищ.

---

50 Стихира на вечерни в Великий Пяток, на целование плащаницы: «*Даждь ми сего страннаго иже не имеет, где главы подкланити; даждь ми сего страннаго его же ученик лукавый на смерть предаде*» *и т. д. – прим. Р.Г. Игнатьева.*

До 1771 года всё ещё праздновался там Семик, а в Уфе – Михайлов день.

Подробностей этих поминок, как они совершались, и в особенности в Уфе, мы не знаем.

Впрочем, общий характер везде на Руси семикских, или в Уфе Михайловских, поминок отчасти объясняет следующий, единственно сохранившийся письменный памятник. В рукописном богослужебном уставе новгородского Софийского собора XVII века сказано: «В среду на Троицкой неделе приходят в собор к вечерни игумны от средних монастырей[51] благословитися у владыки на утро служить св. Литургию в Рождественском монастыре и погребать умерших на убогих домах, и владыко, избрав одного из игумнов, благословлял его служить и погребать умерших на убогих домах. На другой день в четверг, или Семик, избранный игумен вместе с игумном Рождественского монастыря и некоторыми из городского духовенства служил св. Литургию и затем отправлял крестный ход на скудельницы, где и совершалось отпевание всех трупов. Во время отпевания известных из покойников поминали по именам, а о неизвестных говорили: «*Помяни, Господи, души раб твоих, их же имена ты сам, Господи, ведаешь*». После окончания отпевания и панихиды божедомский приказчик (смотритель кладбища) закрывал ямы холстом и затем ямы засыпались землёй. «И даёт,- сказано в рукописном уставе, - божедомский приказчик игумну гривну, рождественскому гумну полтину, поповскому старосте, т. е. благочинному, 5 алтын, дьякону 2 алтына, дьячку и пономарю по деньге».

Божедомские кладбища во многих городах содержались от города, хотя бы самая местность принадлежала церкви или монастырю, и церковь или монастырь были хозяевами божедомского кладбища, и здешнее духо-

---

51 Монастыри в Великом Новгороде разделялись на высшие, средние и низшие – *прим. Р.Г. Игнатьева.*

венство отправляло там богослужение. В день поминок благочестивые люди приносили с собой гробы, свечи, холсты, кутью, блины и пироги. О всём этом можно читать в «Трудах Общества истории и древностей русских» 1842 года - статье И.М. Снегирёва «О скудельницах и убогих домах».

Хотя во всей России, в том числе и Уфе, не стало божедомских кладбищ, но народ не скоро забыл их, и прозвание *божедомка, убожий дом* сохранились и теперь во многих городах. В Уфе оставалась ещё часовня св. Архистратига Михаила на убогом дому; народ чтил в часовне этой икону св. Михаила и большой деревянный крест, по преданию будто бы современный даже построению Уфы. В 1821 году, когда уже места около бывшего кладбища застраивались, произошёл пожар, истребивший тогда большую часть г. Уфы; в то время сгорела и Михайловская часовня, откуда спасён только один большой крест и перенесён в Успенский мужеский монастырь. Недавно этот самый крест возобновлён и поставлен в монастырской церкви Успения Богородицы чиновником Александром Акимовичем Щеголевым, как видно из надписи, теперь сделанной на самом кресте, «в память его чудесного исцеления от слепоты»[52].

Жаль, что при возобновлении живописи креста не восстановлена старая живопись, а напротив того, Уфимский иконописец, мещанин Никитский, незнакомый с искусством возобновлять старинную живопись, в этом случае не пощадил ее, а просто-напросто, усердно и тщательно уничтожив всё прежнее, переписал по-своему, – разумеется, в новейшем вкусе церковно-итальянской живописи. Таким образом, благодаря благочестивому усердию Г. Щеголева и медвежьей услуге

---

52 У Г. Щеголева были катаракты на обоих глазах, и ему сделал операцию приезжавший в Уфу в прошлом июле профессор Казанского университета Г. Адамюк. *Ред.*

местного иконописца исчез навсегда драгоценный, один из немногих оставшихся памятников древней Уфы и её бывшего Божедомского кладбища, или, как его называли в древние времена, Убогого дома и скудельницы.

Роман Кронбейный.
(Уфимские губернские ведомости.
1871. 20 ноября)

№ 3. Георгиев день в Уфе[53]

Русский православный народ глубоко чтит память св. Великомученика и Победоносца Георгия, празднуемого 23 апреля и 26 ноября: к св. Георгию прибегает народ с молитвою во время засух, ненастий, неурожаев. Св. Георгий считается покровителем животных: волки даже, говорит народ, и те в покровительстве у св. Георгия, или, как говорит пословица: «Что у волка в зубах, то Егорий дал». В день св. Георгия, 23 апреля, впервые, после молебствия выгоняют скот на пастбище, поручая его защите и покрову того же св. Георгия, – а что волку следует, то волк возьмет…

Уфа XVI и XVII веков ещё придала св. Георгию звание покровителя усопших, и древний образ этого святого поставлен был на кладбище, или в убогом дому, бывшем в поле за городом, где теперь проходит Лазаретная улица. Значение в древней России убогих домов, божедомских кладбищ, божедомок и скудельниц известно; таковые кладбища были во всех городах.

53 В этот праздник (23 апреля) преосвященный Никанор служил литургию в церкви Успения, где в этот день придельный престольный праздник, и поэтому считаем уместным сообщить нашим читателям некоторые сведения о праздновании этого дня на Руси, а также некоторые исторические данные о нашей градо-уфимской Успенской церкви – *прим. Р.Г. Игнатьева.*

Здесь погребали странников, людей бродящих и неизвестных, которые тысячами бродили по допетровской России; здесь же погребали преступников, умерших в тюрьмах, казненных, погибших внезапною и насильственною смертью, и самоубийц; последних, впрочем, хоронили особо, без всяких молитвословий. Всех прочих складывали в общую могилу и там оставляли до четверга 7 недели после Пасхи, или Семика, а в этот день отправлялся из ближайшей к кладбищу церкви крестный ход при пении девятой песни канона Великой Субботы «Не рыдай мене, Мати, зрящи во гробе». На кладбище совершалось общее отпевание и затем яма засыпалась землей и вырывалась новая для новых мертвецов в течение года, впредь до Семика. О всем этом в подробности можно читать в статье Снегирева «О скудельницах и убогих домах в России», помещенной в «Трудах Московского общества истории и древностей Российских» 1826 г., части III, книге I, стр. 235-263.

В Уфе же вместо Семика всё это происходило в Георгиев день. Божедомское кладбище в Уфе существовало до 1771 года, когда по общему голосу всех врачей эти кладбища признаны вредными народному здравию и распространителями заразы, и указ 24 декабря 1771 года навсегда уничтожил существование убогих домов в России. Но хотя в Уфе и перестали хоронить на Божедомском кладбище и с тем окончился крестный ход, но кладбище до конца XVIII века еще существовало и находилось в ведении Смоленского собора, а икона св. Георгия всё ещё привлекала народ, особенно во время засух, неурожаев и ненастий. Где находилась чтимая икона св. Георгия не знаем, но в том же XVIII столетии протоиерей Смоленского собора Иаков Неверов, столь достопамятный в осаду Уфы скопищами Пугачева, поставил здесь на собственный счет деревянную часовню в честь св. Георгия; потом после смерти Неверова часовня сгорела и с нею чтимая икона св. Георгия. В

1830 году остаток Божедомского кладбища был уничтожен; место это уже взошло в черту города, но память о Георгиевской часовне не изгладилась в народе.

О ней вспомнили прихожане Успенской церкви, так как и место бывшего Божедомского кладбища и Георгиевской часовни взошло в район Успенского прихода, и потому ходатайством духовенства и прихожан Успенской церкви в 1864 году устроен придел в честь св. Георгия.

В день св. Георгия, 23 апреля, рассказывают старожилы, когда на Божедомском кладбище кончалось богослужение, если было время сухое, начиналось веселье, хороводы; не обходилось без вина и драки. Но так было везде на Руси, говорит Московский собор 1555 года, или стоглавый: “Восставше от плача, учнут плясати и скакати”. Другое уфимское предание говорит, что поминки были в зимний праздник св. Георгия, 26 ноября, что, конечно, невероятно.

(Р. Игнатьев
Уфимские губернские ведомости.
1877 г. 23 апреля)

Статья «Георгиев день» предоставлена Я.С. Свице.

В.И. Филоненко

Руф Гаврилович Игнатьев (фрагмент)

Имя Руфа Гавриловича Игнатьева в Уфе почти забыто. Немногие старожилы помнят его, да и то более с смешной и комической стороны... Двадцать пять лет провёл он в Оренбургском крае, непрестанно изучая старину его, состоя корреспондентом многих газет и обществ и сотрудничая в местных ведомостях: Оренбургских, Уральских и Уфимских. Он любил Оренбургский край, как можно любить только Родину; он совершенно сроднился с ним, посвятив лучшие годы своей жизни на его изучение. Вот почему для нас, любителей местной старины, и должна быть особенно интересна жизнь первого историка-археолога Оренбургского края.

В.Н. Витевский, автор известной монографии «Неплюев и Оренбургский край», издавая рукопись покойного Игнатьева «Башкир Салават Юлаев», сообщает некоторые биографические сведения об её авторе... В метрических книгах Успенской церкви, что в городе Уфе, на Большой Успенской улице, сказано: «1886 г. Январь 2–5. Скончался Титулярный Советник Руф Гаврилович Игнатьев, 70 лет, от катара мочевого пузыря. Напутствовали свящ. Стефан Константиновский. Отпевали: свящ. Стефан Константиновский с причтом на отведённом (Ивановском) кладбище»...

М.В. Беляева, дочь бывшего Уфимского вице-губернатора, лично знала Р.Г. Игнатьева. И вот что она мне о нём рассказала: «Покойный Р.Г. Игнатьев часто бывал у нас в доме. Это был человек выше среднего роста, плотный, толстый, лысый. Одевался он довольно бедно, небрежно. Галстук у него всегда болтался на какой-то верёвочке. У Игнатьева были замечательные выразительные глаза. Поверите ли, огня и жизни в них было столько, что я и у молодых не встречала. Пальцы он

имел длинные, музыкальные и, нужно сказать, всегда грязные, так как опрятностью не отличался. После него всегда мыли рояль. За столом хватал он всё руками, так что мы старались сами скорее положить ему всё на тарелку.

Оригинал и чудак он был ужасный: ел землю, в карманах носил корки от сыра; временами вынимал и жевал их; любил, чтобы над ним смеялись. Когда Р.Г. приходил к нам, то постоянно пел, играл и гримасничал. Играл он, действительно, очень хорошо; видно было, что и умел петь. Играл он один галоп, вывернув руки. А нам и потеха! Или самый любимый романс «На заре туманной юности» Р.Г. начнёт петь хорошо, а кончит таким петухом, хоть вон беги. И всё это он делал нарочно, чтобы смеялись над ним. Памятью обладал поразительной; знал решительно всё. Бывало, соберутся ко мне гимназистки-подруги и вот просят Р.Г. рассказать что-нибудь по истории; так, знаете ли, заслушаешься, бывало, как начнёт рассказывать, несмотря на то, что уж Игнатьев был в то время стариком и шамкал. Фантазёр он был отчаянный. Начнёт, бывало, рассказывать про Страшный суд, Господи, Боже мой, откуда что берётся, даже страшно станет!

Однажды как-то пришёл к нам Р.Г. Подруги мои и пристали ко мне, чтобы я попросила его показать нам только что вышедший тогда новый танец «качучу». А нужно сказать, что ко мне Р.Г. относился очень хорошо и всегда делал всё, что бы я его ни попросила. И на этот раз Р.Г. согласился исполнить мою просьбу показать танец, только не в этот, а в другой день, когда у него будут кастаньеты. И, действительно, на другой день он пришёл с кастаньетами. Ну, как он танцевал, я вам скажу! Лёгкость поразительная! Мне было тогда 16 лет; но я не могла так танцевать. Сколько смеху тут было!... Прошло после этого дней пять или шесть. Как-то идём мы по улице, смотрим, на другой стороне Руф. Увидал

нас, да и начал качучу танцевать. Народ остановился. Все смотрят, смеются, а он хоть бы что!

А то ещё лучше было! Пришёл он к нам однажды весь накрашенный. Кое-какие волосишки у себя на затылке выкрасил рыжей краской. Дети хохочут, кричат: «Руф рыжий пришёл, Руф рыжий пришёл». Насмешив нас вдоволь, Руф Гаврилович обыкновенно собирался домой; но уходил не сразу. В передней ещё продолжали разговаривать иногда даже целыми часами. И чего-чего тут не было! И службу всю отслужим, и архиерея представим. В тёмные осенние и зимние ночи Р.Г. ходил с фонарём. Прислуга наша ещё издали увидит его. «Ну, барышня,- говорит бывало,- идёт ваш Фрукт Гаврилович!» По праздникам Игнатьев читал «Апостол» в Успенской церкви. И тут он был такой же оригинал. Читал наизусть, так хорошо он знал священное писание; книгу держал поперёк, корчил рожи; духовенство и народ хохочут. В конце концов дело дошло до владыки, и он запретил ему читать.

Рассказывают про него и такую вещь – не знаю, правда или нет. В одном городе ожидали приезда нового архиерея. Что же сделал Руф? Подкупил служку, достал у него все архиерейские облачения и поехал к губернатору, как новый архиерей. Губернатор у него руку поцеловал. Вот какой был! Говорят, что он был сослан сюда, в Уфу; а потому, может быть, и дурачился. Здесь даже все считали Игнатьева сумасшедшим. Носились слухи, что он пил; но мы никогда его не видели пьяным. Домашней жизни его я совсем не знаю; знаю только, что жил Р.Г. очень бедно. Жил один. Кухарка заведывала всем его хозяйством и обращалась с ним довольно деспотично.

И умер Игнатьев вдруг, неожиданно как-то; никто даже и не знал. Не приходит к нам неделю, другую, а там слышим, его уж и похоронили. Рассказывают, что перед смертью он велел собрать все рецепты, которые

прописывали ему во время болезни врачи, и возбудить против них дело за то, что, будто бы они неправильно его лечили.

О себе, о своей личной жизни Р.Г. никогда не любил говорить. Кто знает, может быть, у нас с молодёжью он только и отдыхал. Последнюю же Р.Г. очень любил. А в общем, Игнатьев всё-таки был очень несчастлив, и много, вероятно, горя пришлось ему вынести.

(Филоненко [В.И.] Руф Гаврилович Игнатьев.
Отдельный оттиск из «Вестника
Оренбургского Учебного Округа»
за 1912 г. № 5. С. 1–12)

В.Н. Захаров, М.И. Роднов

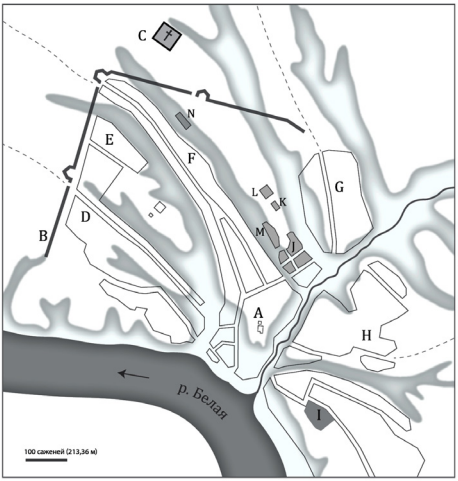
Вдоль старинной Кладбищенской улицы

Формирование поселений по современной улице Коммунистической (в старину Большой Успенской, а ещё ранее Кладбищенской) происходило постепенно и начиналось с самого низа улицы, где она выходит к речке Сутолоке (ул. Посадской). Там очень рано обосновались люди, тем более что через соседний овраг начинался уже Уфимский кремль. К середине XVIII в. по нижней части будущей Коммунистической, ниже перекрёстка с современным проспектом Салавата Юлаева, проходила стена вокруг «Большого города» (около 1640–1760-х гг.), при которой местами были вал и ров. Здесь стояла башня Глухая, она же «раскат» или «башня на полковом дворе», так как рядом с ней в овраге в сторону ул. Октябрьской революции располагался полковой двор, а ниже вдоль самой улицы лежали провиантские магазины. Самая же нижняя часть будущей Кладбищенской / Коммунистической к тому времени была плотно застроена. Возле начала современной улицы Мингажева (Большой Сибирской) стояли башня Сибирская и Сибирские ворота.

Для понимания особенностей складывания уличной сети Уфы надо заметить, что территория вокруг города была изрезана сетью глубоких оврагов, по дну многих из них протекали ручьи, а то и маленькие речушки. Весной же их заполняли бурлящие потоки. Надёжных и постоянных переходов через уфимские овраги не существовало. Поэтому расселение происходило по возвышенностям между оврагами.

Рис. 1

Местоположение Успенского кладбища и зарождение улицы Успенской на рубеже XVIII–XIX вв.



Экспликация:

A – Смоленский собор и холм, где ранее располагался Уфимский кремль;

B – земляной оборонительный вал, существовал в 1780–1810-х гг.;

C – Успенское кладбище;

D – слобода Ильинская с улицей и дорогой в Казань;

E – слобода Голубина;

F – слобода Казанская с улицей и дорогой в Казань;

G – слобода Сибирская с улицей и дорогой в Челябинск;

H – слобода Сергиевская с улицей Спасской и просёлочной дорогой;

I – территория бывшего Успенского мужского монастыря;

J – обывательские строения и огороды, зарождение улицы Кладбищенской / Успенской;

K – хлебные амбары;

L – соляные амбары;

M – питейная контора с подвалом для вина и прочими строениями;

N – кузницы.

На первом рисунке изображён план-схема Уфы, созданный на основе плана города 1785 г.[54] Это самый ранний из известных планов с обозначением Успенско-

54 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22724; Д. 22723 (1800 г.); РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 12. Л. 1 (1816? г.).

го кладбища, которое показано севернее оборонительного вала на плато между Спасским и Успенским оврагами (периметр около 450 м, площадь - около 1,12 га). Согласно экспликации того же плана (литера С) на кладбище стояла часовня, а в описании отдельным абзацем отмечено: «Кладбища чтоб были за городом, расстоянием от жилья, как узаконено». Данное местоположение Успенского кладбища подтверждают и более поздние планы[55]. В оригинале «План губернскому городу Уфе» 1785 г. также включал нереализованный проект расширения города, предложенный архитектором И. Тоскани.

Густая овражная сеть препятствовала созданию сплошной городской застройки Уфы, а одной из наиболее заселённых в конце XVIII в. была слобода Казанская (будущая улица Большая Казанская / Октябрьской революции), прямо за которой, через глубокий овраг, и лежит «плато», на котором примерно в 1770 г. и было заложено новое городское кладбище. Его расположение вполне логично – вне города, за оборонительным валом (он, вероятно, существовал и ранее, при защите Уфы от пугачёвских шаек) в верхней, наиболее ровной части отрезанного оврагами плоскогорья. Согласно плану-схеме после подавления Пугачёвщины отдельные домовладельцы начали застраивать эту территорию, и усадьбы возникали вдоль дороги, по которой открылось довольно оживлённое «движение»: похоронные процессии, видимо, в основном поднимались именно по этой трассе, позднее превратившейся в улицу Кладбищенскую.

Ситуация кардинально изменилась в начале XIX в., когда по планам 1803 и 1819 гг. было решено начать строительство нового, «регулярного» города по образцу Санкт-Петербурга на возвышенных частях уфимского

55 РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 13. Л. 1 (1803 г.); Научная библиотека УНЦ РАН. Карта № р 8 К-Г-2387 (1819 г.) и др.

полуострова вокруг будущей Верхне-Торговой площади. Современники отмечали, что «в улицах Казанской, Ильинской и Голубиной Слободке… обитает главная часть жителей города Уфы»[56]. Уфимцам, тем более что многие из них пострадали от бывших тогда пожаров, выдавались ссуды на строительство домов. Но власти поощряли не только переселение в «верхнюю» часть, за нынешние улицы Цюрупы и Ленина, поддерживалось освоение пустых плато между оврагами.

Так, в комиссию «для раздачи всемилостивейше пожалованных в ссуду уфимским жителям денег» 29 октября 1820 г. обратился отставной унтер-офицер Иван Степанович Скорняков. Он уже потратил собственных 1,5 тыс. руб. и просил у комиссии ещё 500 руб. «на окончание недостроенного деревянного дома по вновь прожектированному на город Уфу плану, строящего близ кладбища в 4 части под № 907-м»[57]. А коллежский секретарь Пётр Ветошников не мог выплатить взятую покойной женой Анной Ивановной ссуду под застройку в 900 руб. (половина списывалась по манифесту от 22 августа 1826 г.). Ветошникову пришлось выставить на продажу свой дом «в Кладбищенской улице»[58].

Именно летом 1820 г. власти решили приступить к планировке новых районов города: «от перевоза через реку Белую, называемого ногайским, вверх по реке по набережной улице до Кафедрального собора, от оного вверх по Казанской улице, доходя близ стрелки, где назначен по плану поворот для соединения с улицей, называемой Ильинской, отколь, отступя, до вновь выстроенного дома Спасской церквы священником, от оного вверх же по улице до дома, купленного Оренбургским Приказом общественного призрения у губернского секретаря Базилевского под аптеку, от коего, поворотя

56 ЦИА РБ. Ф. И-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 217.
57 Там же. Л. 114.
58 Там же. Д. 2. Л. 167 и об.

к дому, принадлежащему Приказу же и занимаемого Г. Гражданским Губернатором»[59].

Сохранился план Уфы примерно 1816 г.[60] (рис. 2), составленный губернским землемером титулярным советником В.К. Сметаниным для разработки генерального плана, известного как план В. Гесте и утверждённого в 1819 г. Согласно данному плану периметр Успенского кладбища достигал около 660 м, а площадь приблизительно можно определить в 2,5 га.

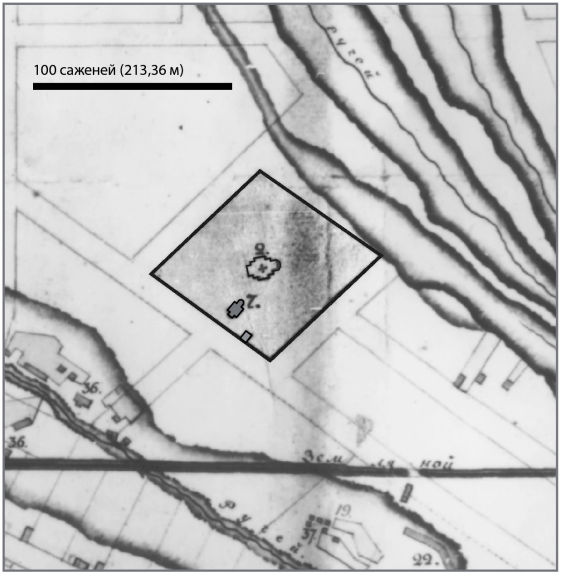
Линиями на фрагменте плана обозначены проектируемые кварталы и улицы. Любопытно, но первоначально напротив входа в ещё деревянную Успенскую церковь собирались провести небольшой переулок к самому оврагу. Важно также заметить, что план 1816 г. зафиксировал уже существующие постройки вдоль оврага на современной чётной стороне Коммунистической, значит, уже до официального распланирования городской застройки здесь обосновались люди. В то же время за Кладбищенской / Коммунистической улицей никто не селился в начале XIX в.

Ниже храма на плане видна часть земляного оборонительного вала конца XVIII в., отметим также, что уже тогда планировали новую Успенскую церковь в середине кладбищенского квартала. Улица, ведущая к Успенскому кладбищу из южной части Уфы, в первой половине XIX в. получила название Кладбищенская, затем Большая Успенская и Малая. Добавим, что похоронный маршрут не заканчивался здесь. Дальше, выше по улице, лежало Божедомское кладбище для самоубийц, которое обслуживал причт именно Успенского храма. Можно даже выдвинуть гипотезу, что Божедомское и было первым загородным кладбищем для уфимцев, не случайно оно так далеко располагалось от жилых кварталов. А когда при Екатерине Великой было запрещено

59 Там же. Д. 1. Л. 32, 53 об. – 54.
60 РГИА. Ф. 1293. Оп. 168. Д. 12. Л. 1.

погребать умерших в черте города и старое кладбище у стен Смоленского собора закрыли, участок для нового подыскали по хорошо изученному направлению.

Рис. 2



Фрагмент плана Уфы (примерно 1816 г.)

7 - приходская церковь «Успения Пресвятой Богородицы с колокольною над оной, деревянная и при ней кладбище»;

2 (в центре плана) - предложенная к проектированию приходская церковь.

В период распланировки «новой» Уфы в начале XIX в. власти предприняли крайне важную для всего будущего развития города попытку «справиться» с многочисленными оврагами путём постройки мостов и дамб. Уже в апреле 1822 г. среди намеченных для этого мест значились: «4-е, противу дома коллежского советника Веригина засыпать вершину оврага; 5-е, по-

зади сего дома на большом овраге в Казанской улице большую плотину с срубленным спуском и мостом; 6-е, от сего места на овраг к Кладбищенской улице также плотину с срубленным спуском и мостом соорудить»[61]. В сентябре 1828 г. указывали: «Установленную плотину против Спасской церкви доделать»[62].

Выбор мест для земляных дамб и мостов определялся набором факторов – рельефом, важностью для будущего развития города, наличием средств, взглядами инженеров, руководивших работами. И в числе наиболее значимых и успешно реализованных проектов оказалась дамба у Спасской церкви. Сейчас это пониженный отрезок улицы Новомостовой, соединяющий улицы Октябрьской революции (Казанскую) с Пушкина (Голубиной слободкой). В июле 1830 г. уфимский полицеймейстер уговаривал Гражданского губернатора: «Будучи убеждён отдалённым переездом города Уфы жителей из одной улицы в другую, как то: из Казанской в Кладбищенскую, Ильинскую и Фроловскую, которые, хотя и имеют между собою сообщение, но весьма от настоящего центра, где оные могли бы иметь близкое сообщение, далеки. Причина сему, что нет мостов. Против Спасской церкви, хотя и начат деревянный мост, соединяющий улицы Ильинскую, Фроловскую и Голубину слободку, но не окончен, а потому и проезда иметь не возможно; кроме моста сего необходимо, нужно устроить каменные мосты: первый, [в] проходе мимо Спасской церкви вниз чрез проток речки в Кладбищенскую улицу; второй, [в] проходе мимо Уфимской Градской Аптеки чрез овраг к дому Ветошникова, которые будут стоить не весьма значительной для казны суммы, но много сделают для города пользы: ибо множество улиц чрез то соединятся»[63].

---

61 ЦИА РБ. Ф. И-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 512.
62 Там же. Д. 3. Л. 74.
63 Там же. Д. 2. Л. 31.

В просьбе полицеймейстера скрывалась идея сквозной магистрали через весь город, прорезавшей бы все овраги и напрямую соединившей уфимские улицы. И таковым главным уфимским «прошпектом» он выбрал направление современной Новомостовой (от Фрунзе / Валиди на север). Обратим внимание: кроме строившегося деревянного моста перед Спасской церковью, уфимский полицеймейстер предлагал построить мост и за ней, через овраг к улице Коммунистической, где ныне пешеходы спускаются по железным мостикам-лестницам. В этом случае, предположим, сквозная магистраль прошла бы мимо Успенской церкви по современной улице Худайбердина и далее на север. Здесь бы возник уфимский мейнстрим. Полицеймейстер ошибся не намного, функцию главной транспортной артерии возьмут соседние улицы Цюрупы и Ленина, лежащие на более ровной местности. Тогда же они представляли собой полупустынные края и современники не могли предвидеть их грандиозного будущего.

Зато идея «пробить» мосты через ненавистные овраги была воспринята, тем более что качество первых строительных работ было низкое, требовалось постоянно всё переделывать, выделять новые средства, и это стимулировало власти продолжать возведение «переходов». Уже 14 июля 1830 г. решили «плотину, основанную чрез овраг от Спаской церкви, согласно заключению Гражданского Губернатора Действительного Статского Советника Дебу, сломать и вместо её построить на надлежащем, по Высочайше утверждённому плану, месте новый мост под наблюдением Губернского Архитектора»[64]. Планировочный комитет отмечал 30 июля 1830 г., что выстроенные в Уфе семь мостов приходят в негодность, но, самое главное, «к вышепоименованным мостам вдобавок для необходимого сообщения улиц Казанской, Кладбищенской, Сибирской,

64 Там же. Л. 33 об.

Голубиной слободки, Ильинской и Фроловской должно устроить мосты. 1-й, против Спасской церкви, 2-й, позади оной» и др., «сверх того нужно выровнять поверхность земли в улицах: Кладбищенской …»[65]. То есть идея полицеймейстера получила поддержку Гражданского губернатора и стала воплощаться на практике.

Но вот с воплощением на практике замечательных проектов в нашем Отечестве всегда были проблемы. И через два года, в мае 1832, отмечалось, что «работы по устройству в городе Уфе каменной дамбы против Спасской церкви чрез овраг в Голубиную слободку… остаются без должного успеха»[66]. Тем более что овраг оврагу рознь. Менее романтично настроенный архитектор представил сметы всех мостов и дамб. Оказалось, мост (дамба) через овраг против Спасской церкви длиной 14 сажень, шириной 12 вершков и высотой в 3 вершка можно было возвести за 15 783 руб. В наличии именно на эти работы в строительном комитете имелось 4351,7 руб. А вот следующий мост через овраг «позади Спаской церкви» имел предполагаемую длину 66 сажень, ширину 12 вершков и высотою должен был быть в 7,5 вершков. Более того, на его постройку требовалось 130 491 рублей!!!

По смете архитектора это был самый дорогой из всех предполагаемых уфимских мостов! Общую сумму на все строительные проекты в Уфе рассчитали в 375 288 руб., ожидалось поступление 101 тыс. руб., а в наличии у местных властей находилось лишь 83 тыс. руб. На девятый же по нумерации мост позади Спасской церкви не было выделено ни копейки[67]. И до сих пор овраг между улицами Коммунистической и Октябрьской революции остаётся самым широким в Уфе. Если сейчас многие овраги успешно засыпаются, то на дне

---

65 Там же. Л. 48 и об.

66 Там же. Л. 271.

67 Там же. Д. 3. Л. 134 об. – 135.

этого давно разместилась целая улочка коттеджей. «Справиться» с ним в начале XIX в. тем более было совершенно немыслимо. Сама природа остановила проект бравого полицеймейстера.

И в дальнейшем на протяжении веков овраги создавали проблемы уфимцам. Так, в 1902 г. был отремонтирован мостик от Малой Успенской в тупик Солдатской слободы (перестлали настил, заменили перила за 67,05 руб.), исправили обвалившийся свод кирпичной кладки трубы между Большой Казанской и Успенской за 285,15 руб., а также занимались деревянной сточной трубой по Телеграфной и Успенской, где заменили три звена, поправили мост и очистили трубу «от снега и от мусора, и грязи, протекающей с площади»[68]. Советская власть тоже занималась оврагами. В 1924 г. провели текущий ремонт моста по Телеграфной улице: новую трубу там сделали меньшего размера (9 погонных сажен), труба была устроена по Спасской улице[69].

В 1903 г. домовладельцы по Большой Успенской и Большой Казанской улицам просили Городскую Думу «об укреплении сторон оврага». Но городские власти из-за отсутствия средств отказались финансировать эти работы, а также по устройству желоба «по дну его для стока вод». Городской же архитектор А.А. Деев философски замечал, что «главною причиною размывания усадеб надо считать слабый и водопроницаемый грунт, размываемый большею частью водой, стекающей с дворов от дождя и таяния снега»[70]. В 1913 г.

---

68 Смета доходов и расходов города Уфы на 1902 год. Уфа, 1901. С. 52, 54, 239–240, 242.

69 Отчёт о деятельности Президиума Уфимского Городского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов и его исполнительных органов на 1923–1924 бюджетный год. Уфа, 1924. С. 78.

70 Журналы Уфимской Городской Думы. 1903 г. Уфа, 1904. С. 478.

врач Е.Л. Песис констатировал, что овраги «представляют большое санитарное зло в Уфе», все они заселены, включая «овраг между Пушкинской и Успенской улицами». Овраги служат «естественными канализационными сооружениями и потому в них сваливают как домашние отбросы, мусор, навоз и т. д., так и всевозможные сточные воды», включая отработанные банные воды из бани Котеневой[71].

А взявший под свой контроль работы в Уфе Оренбургский военный губернатор в марте 1831 г. отдал команду приехавшему сюда полковнику Андреянову строить плотины или дамбы «чрез уфимские овраги... только в двух местах, а именно: одну – противу Спасской церкви, и под названием аптечной - к дому Ветошникова.., прочие отложить до будущего времени»[72].

Возведённую Спасскую дамбу власти уже не могли забросить, она постоянно ремонтировалась. В августе 1831 г. против Спасской церкви разобрали ветхий деревянный мост, разложили старую гать и расчистили наносы ила «от бывшей плотины». Вместо них ставили каменную дамбу для проведения поперечной улицы в Голубиную слободку и Ильинскую[73]. В августе 1832 г. полковник Андреянов представляет подробный отчёт о постройке Спасской дамбы[74], а в марте 1833 г. уфимский полицеймейстер рапортует, что Спасская дамба, «в прошлом году построенная», сильно размывается тающим снегом, одна сторона каменной стены развалилась, пришлось снова ремонтировать[75]. В 1833 г. рабочие «возвышали» Спас-

---

71 Врачебно-Санитарная Хроника. (Сведения о медико-санитарной и санитарно-ветеринарной организациях города Уфы). 1911. № 9–11. Уфа, 1911. С. 24.

72 ЦИА РБ. Ф. И-399. Оп. 1. Д. 3. Л. 136 и об.

73 Там же. Л. 218–219, 231, есть смета на Спасскую дамбу (Л. 290).

74 Там же. Л. 314–315.

75 Там же. Л. 370, 384.

скую дамбу на 3 фута, привезли 5 куб. сажен камня, отсыпали землю, боковые откосы выложили плитняком, сделали трубу для стока воды, но качество оставалось неудовлетворительным и в 1834 г. опять исправляли боковую стенку[76]. Работу эту в мае делал подрядчик Кузьма Фёдоров «со товарищи», получив 70 руб.[77] В 1837 г. «землёй и хрящем были засыпаны выбоины на Спасской дамбе»[78]. Непрерывные ремонтно-строительные работы на относительно несложной Спасской дамбе, по которой до сих пор улица Новомостовая проходит с понижением, подтверждают сложность инженерно-технического решения проблемы. Что уж говорить о несравненно более глубоком и широком следующем овраге в сторону нынешней улицы Коммунистической.

Но возведение Спасской дамбы и проекты уфимского полицеймейстера получили неожиданное продолжение, правда, в обратную сторону, в сторону мечети, что привело к возникновению современной улицы Новомостовой (Спасской). В июле 1832 г. губернский землемер отправил рапорт Гражданскому губернатору И.Л. Дебу с предложением изменить первоначальные планы возведения дамб и мостов. Он отмечал, что «сообщение по улице, разделяющей город на две половины, начиная от мечети с домом высокостепенного муфтия, мимо Спасской церкви, где уже каменная дамба устраивается, чрез все продольные улицы до черты города, есть самое главное и необходимое» решение. Землемер предложил устроить дамбу / мост «от саду попечительного Комитета о бедных, то есть от дамбы ныне строющейся, к дому Г. Березовского, а за ним - к дому Господина муфтия»[79]. Строительство пошло в обратном направлении, на юг; дамбы соединили улицы Большую

76 Там же. Д. 4. Л. 58, 72, 225–226.
77 Там же. Д. 5. Л. 460, 462.
78 Там же. Д. 8. Л. 93 об.
79 Там же. Д. 3. Л. 297 и об.

Казанскую и Голубиную слободку (за ней и возник пруд на месте современного Сада им. С.Т. Аксакова) и далее - улицы Ильинскую (Валиди) и Воскресенскую (Г. Тукая). Видимо, именно поэтому из-за обилия мостиков / дамб уже в советское время этой улице и присвоили неожиданное имя *Новомостовая.*

А в сентябре 1834 г. Гражданский губернатор Н.В. Жуковский требовал от губернского архитектора: «С наступлением весны 1835 года должны быть перестроены мосты, находящиеся здесь в городе, чрез Сутолоку, - Ногайский, и на втором овраге противу Демидовской дамбы для соединения Ильинской улицы; также мост от Спасской дамбы к мечети»[80]. В отчёте о работах командированных в Уфу мещеряков 3-го кантона летом 1836 г. отмечено:

«2) сделана в овраг за домом Г. Сенатора Дебу земляная дамба с деревянными стенами, и уровнена вновь открытая Садовая улица, идущая от дамбы сей к Архиерейскому дому и в Старую Кладбищенскую улицу.

3) исправлен мост на Старой Кладбищенской улице.

4) выровнена улица, идущая от мечети к Спасской церкви, с насыпью в трёх местах около мостиков земли и с положением фашинника…

8) уровнена площадь близ мечети и Архиерейского дома, идя от оных к почтовой конторе, где и насажен Городовой Сад»[81].

Таким образом, усилия по соединению улиц через овраги привели лишь к соединению Большой Казанской и Голубиной слободки (Окт. революции и Пушкина), в сторону же Большой Успенской (Коммунистической) «пробиться» не удалось. Но зато строители продолжили проведение улицы Спасской (Новомостовой) до мечети, а затем и обратно, минуя овраги, далеко на север до со-

80 Там же. Д. 6. Л. 38, 58.

81 Там же. Д. 8. Л. 49–50. Улица Садовая – современная Матросова.

временной улицы Айской.

В результате этих градостроительных усилий окончательно сложилась схема расселения в районе Успенской церкви, почти без изменений сохранившаяся до нашего времени (рис. 3).

Рис. 3

План-схема Успенской церкви и кладбища в 1850–1910-х гг.

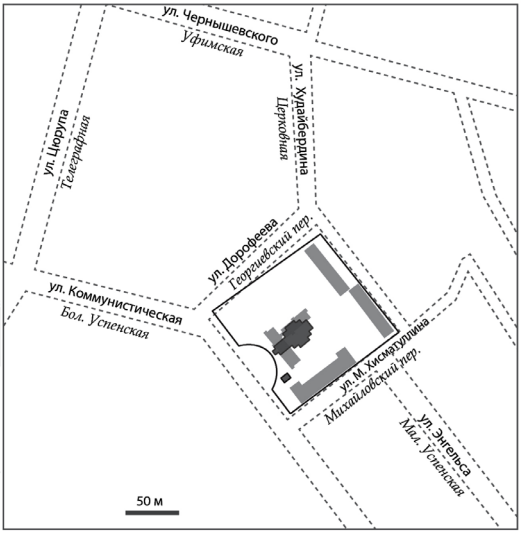


Схема составлена на основе плана города 1852 г. и карты Главархитектуры Уфы[82]. Сплошными линиями обозначены план Успенской церкви и границы Успенского кладбища на 1852 г. Светлой краской показаны планы зданий на 2008 г., пунктиром – современные улицы. К началу XX в. периметр ограды Успенского кладбища составлял примерно 537 м, площадь – около 1,5 га. Успенская церковь была разрушена в 1931 г. В 1936 г. на её месте выстроен жилой Дом старых большевиков (ул. Коммунистическая, 75), архитекторы: Н.Ю. Лермонтов, Л.Н. Пестрякова.

82 Национальный музей РБ. ОФ. 19849; ufakarta.ru.

Е.А. Детинина

Анализ данных метрической книги Успенской церкви города Уфы за 1840 год

Работа в жанре микроистории, когда объектом изучения становится семья, отдельный человек или небольшая группа людей, требует своих особых источников. Одним из таких источников, чрезвычайно значимых в подобных исследованиях, являются метрические книги, которые православные (и не только) священнослужители вели при каждом храме. В дореволюционный период именно духовенство всех религий исполняло функции современных ЗАГСов. Прежде чем обратиться к метрической книге Успенской церкви Уфы, необходимо охарактеризовать сам этот источник.

В метрическую книгу в хронологическом порядке заносились, то есть удостоверялись события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц. Эти записи имели (и имеют до сих пор) значение юридического акта, по которому в Российской империи устанавливались принадлежность к определённому сословию, факты усыновления, установления отцовства, развод, перемена фамилии. «Правила ведения метрических книг в православных церквях складывались постепенно с конца XVII в., но лишь в 1838 г. государством был установлен единый формуляр, просуществовавший до революции 1917 г.»[83]

Повсеместное введение метрических книг было установлено для православного духовенства в 1722 г. указом Петра I главным образом для того, чтобы рекруты не отклонялись от службы, называя неверную дату рождения. Однако оформление метрических книг оказалось делом нелегким, священники допускали мно-

83 *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Метрические книги России XVIII – начала XX веков. М., 2006. С. 24, 26.

жество ошибок. Синод периодически издавал указы по этому вопросу, пока в 1838 г. не были установлены единые правила. Причт ежемесячно должен был свидетельствовать и подписывать книги, обозначая, сколько в истекшем месяце умерло, родилось и сочеталось браком. Родители, восприемники и свидетели обязывались подписями скреплять верность записи[84].

Незаполненные бланки, собранные в метрические тетради, выдавались приходским священникам из консисторий (коллегиального церковного органа управления при епархиальных архиереях). Правильность заполнения метрик контролировалась благочинными (старшими священниками в церковном округе). Во избежание подлогов, ошибок, упущений ответственность за каждую запись возлагалась на весь церковный причт.

Метрические книги заполнялись в двух экземплярах: один направлялся на хранение в архив консистории, второй оставался в церкви. Консисторский экземпляр (он чаще и сохранялся в архивах) включал сшитые метрические тетради рождения, брака, смерти за один год по приходам одного уезда или города, достигая в объеме 1000–1200 листов. Уфимские консисторские экземпляры были меньше и включали по 700–800 листов.

Рассмотрим стандартный консисторский экземпляр метрической книги Уфимской Успенской церкви за 1840 г. Она состоит из трёх частей, фиксирующих рождение, вступление в брак, умерших. В первой графе раздела «О родившихся» указана дата рождения (со слов родителей, что предполагает возможную неточность), во второй – дата крещения. Будем считать её точной, так как священнику не было смысла дезинформировать власть. В среднем промежуток между рождением и крещением составлял два-три дня, но иногда крестили в тот же день, а иногда через неделю и более, причину, к сожалению, не указывали. По церковным же правилам

84 http://www.vgd.ru/ENGLISH/metrika.htm.

крещение должно было совершаться на восьмой день, это правило редко соблюдалось родителями из-за огромного риска смерти ребёнка в первые дни жизни. Смерть некрещёного ребёнка – большой грех для родителей, так как некрещёный младенец автоматически попадает в ад, крещёный же становится ангелочком.

В качестве примера приведём записи о рождении за 1840г. Так, 27 мая родился и 3 июня был крещён младенец «Владимир Оренбургской межевой конторы землемера помощника, канцеляриста Василия Андреева Несмелова и законной жены его Наталии Феодоровой, оба православного исповедания. Восприемниками [крёстными родителями] явились: учитель приходского училища Александр Иванов Несмелов и Александро-Невской церкви протоирея Петра Григорьева Несмелова дочь, девица Евлампия Петрова. Таинство крещения совершил Успенской церкви священник Иоанн Евфорицкий и дьячок Варфоломей Фанелов»[85].

Важное значение имел вопрос о законности рождения, который определял будущий сословный статус, наследственные и иные права. Законность или незаконность рождения устанавливалась путём простого подсчёта – в отсутствии мужа или после его смерти был зачат ребенок. Например, 1 марта родился, а 3 марта был крещён «у солдатки Пелагеи Александровой, по мужу Порфирьевой, незаконнорожденный сын Герасим. Восприемниками были: уфимский мещанин Александр Иванов и солдатка Прасковья Андреева по мужу Фарафантова».

Если же ребенка подкинули, то записывали его так: рождён 19, крещён 21 февраля /Алексей/ «сей младенец найден у дома титулярного советника Михайлы Андреева Таганкаева, коему при крещении наречено имя. Восприемники: 1-го оренбургского казачьего полка из дворян казак Осип Михайлов Сопин и титуляр-

85 ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 17а (далее все данные по Успенской церкви за 1840 г. приведены из этого дела).

ного советника Таганкаева жена Матрена Никитина». Обычно подкидывали к домам тех, у кого недавно тоже родился ребенок или просто не бедных, чтобы была возможность выкормить. К подкидышам отношение было несколько иным. Их воспринимали как Божий подарок, и если не брали на воспитание, то становились крестными родителями, как в данном случае.

В разделе метрической книги «О родившихся» учитывали не только родившихся младенцев, но и людей старшего возраста, кто решил креститься. Упоминаются новокрещены из киргизов (казахи), тептярей, евреев. Если один из родителей, отец или мать ребёнка, католического или иного исповедания (это отмечалось особо), ребёнка всё равно крестили по православному обряду. Священник подводил итоги за каждый месяц: сколько родилось отдельно мальчиков, отдельно девочек и общее количество родившихся обоего пола, сколько крестилось взрослых людей.

Вторая часть книги посвящена бракосочетанию. Первая графа фиксировала дату венчания, затем указывалось сословие жениха, вероисповедание, какой брак по счёту, возраст жениха; затем - сословие невесты по отцу, её возраст; затем перечислялись поручители с каждой стороны, не менее двух, и только мужчины. Своей подписью они заверяли венчанный брак. Но иногда поручителей (свидетелей) могло быть и трое или вовсе не быть, что не являлось причиной для священника не венчать молодых.

Приведём пример брачной записи: женился «11 февраля уфимский мещанин Феодор Андреев сын Александров православного вероисповедания, первым браком 20 лет», невеста – «девица Мария Петрова, дочь Уфимского уезда удельного крестьянина деревни Байбаковой Петра Николаева Князева, православного вероисповедания, 21 года». В качестве поручителей выступили: «по жениху - уфимские мещанине Михаил Андреев

и Захар Андреев Александровы. По невесте - деревни Байбаковой Уфимского уезда удельный крестьянин Семен Ларионов Санников и города Бирска купеческий сын Николай Савватеев Позолотин». Православной церковью допускались три венчанных брака, но второй и третий воспринимались с оттенком осуждения к человеческой слабости, хотя для вдовы или вдовца с маленькими детьми повторный брак становился единственным выходом из сложной жизненной ситуации.

Государство постепенно повышало возраст вступления в брак. В рассматриваемое время невеста должна была быть не младше 16 лет, юноша 18 лет (по указам от 19 июня 1830 и 23 декабря 1833 гг.)[86]. Как правило, девушки выходили замуж в промежутке от 18 до 20 лет. Если молодожёны не достигали предписываемого законом возраста, их могли разлучить до достижения совершеннолетия или же венчали только с устного или письменного разрешения епископа. В это время нередкими становились межсословные браки не только между купцами и мещанами (чиновниками), но и дворянами и мещанами и т. п. При этом духовенство предпочитало не выходить за рамки своего сословия в выборе спутника жизни. Из материалов по Успенской церкви за 1840 г. видно, что в большинстве случаев молодожёнам было до 30 лет. При заключении браков учитывались посты и нежелательные по церковному календарю дни для венчания.

Третья часть метрической книги отведена умершим. Первая графа в ней обозначает дату смерти, опять же со слов родственников, вторая – дату погребения, третья – сословие, фамилию, имя, отчество умершего, четвёртая – возраст, пятая – причину смерти, шестая – кто исповедовал и приобщал (причащал), седьмая – кто совершал погребение и где похоронен.

---

86 *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 8.

Например, в метрической книге Успенской церкви за 1840г. указано, что 9 января скончалась от старости, а 12 января была похоронена жительница слободы Нижегородской господина Шереметева (то есть крепостная) вдова крестьянка Анна Иванова Фукина 98 лет. Эта женщина принадлежала к секте беспоповцев, поэтому указано, что «христианского отпевания не удостоена». Священник Успенской церкви лишь зарегистрировал факт кончины, старушку, скорее всего, похоронили на старообрядческом кладбище, находившемся на спуске в Нижегородку.

Нужно отметить, что причины смерти в метрических книгах записывались условно, священники, естественно, не имели медицинского образования и приблизительно определяли причину смерти прихожанина. Поэтому все пожилые люди старше 50 лет, исключая смерть от водянки, горячки и т. п., умирали исключительно от старости, а младенцы до 7 лет – «от родимца или младенческой», которые, по сути, не разграничивались. Среди людей старшего возраста обоего пола нередки были случаи чахотки, женщины от 30 до 40 лет часто умирали во время родов. Но большую часть умерших составляли младенцы. В летние месяцы вместо «младенческой» причиной смерти обычно указывали понос, вызванный, вероятно, ненадлежащей гигиеной. Стариков умирало больше в холодное время года.

В конце метрической книги за каждый год проводился подсчёт по всем трём упомянутым категориям. Ниже в таблицах показаны итоги за 1840 г. по Успенской церкви.

Родившиеся	**Муж.**	**Жен.**
Законнорождённые	103	117
Незаконнорождённые	7	11
Найденные	5	2
Иноверцы	6	–
Итого	121	130

Мы видим, что в 1840 г. в приходе Успенской церкви родилось больше девочек, чем мальчиков, причём как законнорождённых, так и нет.

Между кем заключены браки	**Количество**
Холостой + девица	33
Холостой + вдова	6
Вдовец + девица	5
Вдовец + вдова	–
Между разведёнными	–
Итого	44

Большинство браков заключалось между молодыми неженатыми людьми. Среди повторных браков обычно преобладали союзы вдовцов с девицами, но в указанном году больше вдов смогли обрести семейное счастье. Браков между разведёнными не зафиксировано, так как разводы являлись очень редким случаем, разрешаемым всего по нескольким причинам, например, по причине сумасшествия.

Умершие			
В возрасте	**Муж. – жен.**	**В возрасте**	**Муж. – жен.**
От 1 дня до 1 года	66 – 44	От 40 до 45 лет	7 – –
От 1 года до 2 лет	5 – 4	От 45 до 50 лет	4 – –
От 2 до 3 лет	1 – –	От 50 до 55 лет	3 – 3
От 3 до 4 лет	2 – 1	От 55 до 60 лет	5 – 1
От 4 до 5 лет	1 – –	От 60 до 65 лет	1 – 3
От 5 до 10 лет	2 – 2	От 65 до 70 лет	3 – 1
От 10 до 15 лет	– – 1	От 70 до 75 лет	3 – 2
От 15 до 20 лет	1 – 4	От 75 до 80 лет	2 – 2
От 20 до 25 лет	7 – 3	От 80 до 85 лет	2 – 1
От 25 до 30 лет	5 – 4	От 85 до 90 лет	нет
От 30 до 35 лет	7 – 3	От 90 до 95 лет	– – 1
От 35 до 40 лет	4 – 3	От 95 до 100 лет	1 – 1
Итого – 132 мужчины и 84 женщины			

Более половины всех умерших приходится на детей до одного года, мальчиков умирало больше, т.к. девочки, согласно современным сведениям медицины, более жизнеспособны. Далее пик мужской смертности приходился в 1840 г. на период от 20 до 25, 30–35, 40–45 лет, то есть на самый работоспособный возраст. Женская смертность зафиксирована почти в два раза меньше мужской, стабильная смертность наблюдается в детородном периоде от 20 до 40 лет. Несмотря на тяжелые условия жизни, немало людей обоего пола перешагнуло 60–70-летний рубеж, что исключительно зависело от крепости самого организма, так как никакой системы здравоохранения ещё не существовало.

В конце метрической книги стояли подписи духовенства, совершавшего обряды, по которым можно восстановить состав причта Успенской церкви на 1840 г.: протоиерей Иоанн Орлов, священник Иван Евфорицкий, диаконы Сильвестр Рукин и Иван Орловский, дьячок Варфоломей Фенелонов, пономари Николай Дубровский и Стефан Будрин.

Изучая метрические книги, можно получить огромный массив разнородной ценной информации, в том числе о межличностных и ментальных особенностях православного населения Уфы. Институт восприемников и поручителей позволяет увидеть «бытовые и дружественные» связи между различными категориями населения, а простой подсчёт количества родившихся и венчанных браков за определённые месяцы – узнать, соблюдались ли посты и церковные ограничения в мирской жизни. Историкам и краеведам, любителям генеалогии изучение метрических книг поможет получить большой объём уникальной и интересной информации.

И.Е. Златоверховников

Описание Успенской церкви

Успенская церковь. Место, где теперь Успенская церковь, в конце XVIII века было за чертой города; здесь было прежде кладбище, основанное, как полагают, с 1771 года (то есть со времени указа, воспрещавшего хоронить умерших в черте города). Успенская церковь построена помещицей Аничковой, которая в 1798 году купила от упразднённого мужского монастыря деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, находившуюся на месте нынешнего женского монастыря, и перенесла её на кладбище. Когда в 1824 году Успенское кладбище, уже вошедшее в черту города, было упразднено, – Успенская церковь стала приходской. Нынешняя каменная Успенская церковь построена была благодаря пожертвованиям прихожан и кружечным сборам, произведённым в разных местах в конце сороковых годов. В 1849 году церковь была окончена постройкой и освящена. В 1862–1864 годах к церкви пристроены два придела – во имя св. Архангела Михаила и св. Великомученика и Победоносца Георгия. В 1893 году в Успенской церкви поставлен новый изящной отделки иконостас. В настоящее время Успенская церковь по архитектуре и внутренней отделке принадлежит, наравне с Ильинской церковью, к числу лучших храмов Уфы. В церкви хранится антиминс, освящённый Преосвященнейшим Амвросием, Архиепископом Казанским и Свияжским, по благословению которого освящена она в 1798 году. На Успенском кладбище погребены многие именитые уфимские дворяне.

При Успенской церкви с 1862 года находится школа для детей обоего пола. В 1896 году построен прекрасный дом под эту школу, освящённый 8 сентября. При церкви существует с 7 декабря 1880 года попечитель-

ство. Причт, состоящий из двух священников, диакона и двух псаломщиков, получает проценты с капитала в 6205 руб. и доход, простирающийся до 2500 руб. в год; помещается в церковных домах. Приход состоит из части города с 2048 душами обоего пола (999 муж. и 1049 жен.), в том числе раскольников 16 душ и католиков 3 души.

(*Златоверховников Иван.* Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. Уфа, 1899. С. 68–69 // Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ.-путеводитель / авт.- сост. Егоров П.В., Рудин Л.Г. М., 2005)

Обобщающая работа И. Златоверховникова по Уфимской епархии, составленная как свод из предыдущих трудов с добавлением собственных данных, длительное время была единственным исследованием по истории православной церкви в крае. В популярной брошюре А.А. Гуляева 1914 г. пересказывается текст И.Е. Златоверховникова с добавлением: «Успенская церковь окружена большим тенистым садом и в настоящее время славится пением… В большие праздники она выглядит очень хорошо благодаря разноцветным электрическим лампочкам, украшающим иконостас»[87].

И после краха коммунистического режима в первой послесоветской работе текст И. Златоверховникова с некоторыми исправлениями и добавлениями стал основой для статьи об Успенской церкви сотрудницы уфимского архива О.И. Любимовой, который мы и приводим здесь.

---

87 *Гуляев А.А.* Иллюстрированная Уфа. (Уфа в прошлом и настоящем), Уфа, 1914. С. 95.

О.И. Любимова

Успенская церковь

Место, где стояла Успенская церковь (ул. Успенская, 73, ныне ул. Коммунистическая), в конце XVII века было за чертой города. По Указу Святейшего Синода от 24 декабря 1771 года было запрещено погребать умерших в черте города, поэтому под кладбище было отведено место за городом. Во время Пугачёвского восстания и осады Уфы, с октября 1773 года по 25 марта 1774 года, на этом кладбище стояла батарея, действовавшая против мятежников, нападавших со стороны Сибирской дороги. В конце XVIII столетия помещик Сергей Иванович Аничков перенёс на кладбище оставшуюся от упразднённого в 1764 году Успенского мужского монастыря деревянную церковь Успения Божией Матери, которая была освящена в 1798 году. С начала XIX века Уфа, сделавшись из провинциального города губернским, стала быстро расти, на пустырях возникали новые постройки, одна за другой появлялись новые улицы, и кладбище с церковью оказались в черте города. В 1824 году Успенское кладбище, на котором были погребены многие именитые уфимские дворяне, было закрыто, а Успенская церковь стала приходской. Улица Старо-Кладбищенская стала Успенской. В 1839 году деревянная церковь была разобрана и продана в село Авдон Уфимского уезда за 1000 рублей ассигнациями.

Каменная церковь Успения Божией Матери была заложена в 1840 году. Храм строился почти десять лет на пожертвования прихожан и кружечные сборы. Самое деятельное участие в его построении принимал настоятель Успенской церкви Иоанн Бреев. Церковь была полностью построена и освящена в 1849 году. В 1862–1864 годах были выстроены два придела: во имя Св. Архангела Михаила (освящён 30 ноября 1862 года) и Св. Вели-

комученика и Победоносца Георгия (освящён 11 апреля 1864 года). По этим приделам названы два параллельных переулка. В 1893 году в Успенской церкви поставлен новый, изящной отделки иконостас. По архитектуре и по внутреннему убранству этот храм, наряду с Ильинской церковью, был одним из лучших в Уфе.

С 1862 года при Успенской церкви действовала школа для детей обоего пола, для которой в 1896 году было построено прекрасное здание. С 7 декабря 1880 года открыто попечительство. Причт, состоявший из двух священников, дьякона и двух псаломщиков, помещался в церковных домах.

Постановлением БашЦИКа от 9 марта 1931 года церковь была закрыта и передана в ведение Уфимского горсовета для культурно-просветительских целей. Вскоре её снесли, и на этом месте был выстроен Дом старых большевиков.

(*Любимова О.И.* Успенская церковь // *Васильева О.В., Латыпова В.В. и др.* Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. С. 20–21)

Описание Успенской церкви по сведениям духовенства. 1883 г.

Церковь Успения Божия Матери, бывшая кладбищенская, на Успенской улице. Причта по штату 1873 года положено: настоятель, помощник его и два псаломщика. Причт содержится лишь доходами за исправление треб; усадебной земли 3603 кв. саж., два церковных дома: каменный, выстроенный в 1863 году на церковную сумму, и деревянный, приобретённый в 1870 году на церковную же сумму; в первом помещается помощник настоятеля с псаломщиком, а во втором настоятель церкви и псаломщик. Прихожан при Успенской церкви: чиновников, купцов, мещан, сол-

дат и жителей дер. Глумилино, - всего 1086 муж. 1187 жен., дворов 471.

(*Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел II. С. 25)

Далее в справочной книжке в статье Павла Желателева «Монастыри Уфимской епархии» говорится на стр. 30, что Успенский мужской монастырь был закрыт, «утварь же оставлена при церквах, сделавшихся приходскими. Из этих церквей одна – Успенская перенесена потом на городское кладбище».

К. Херувимов

К столетию епископской кафедры и консисториального управления в Уфе Епархии Оренбургской и Уфимской (с 4-го Марта 1800 г. по 21 Марта 1859 г.), Уфимской и Мензелинской (с 21 Марта 1859 г. по 4 Марта 1900 г.)

(фрагмент)

Успенская кладбищенская деревянная церковь возникла в 1798 г. на месте нынешней каменной Успенской церкви, где было устроено кладбище вследствие указа Императрицы Екатерины II, от 24 Дек. 1771 г., так как сим указом воспрещалось погребение умерших при городских и сельских приходских церквах[88]. На

88 В статье «О состоявшем в городе Уфе каменном соборе» (Оренбург. Губ. вед. 1852 г. № 21) говорится, что при протопопе Иване Лаврентьеве, 1-й пол. XVIII в., было в обычае погребать знатных лиц внутри собора – *прим. К. Херувимова.*

это кладбище Уфимская помещица Аничкова, на пожертвованные её мужем, Сергеем Аничковым, деньги, купив после упразднённого в 1764 г. в Уфе мужского Успенского монастыря его деревянную церковь в честь Успения Богоматери, перенесла её в означенном 1798 г.[89]; а в 1799 г. Февр. 22 она была освящена (Оренбург. Губерн. ведомости 1852 № 21).

(Уфимские епархиальные ведомости.
1899. № 19. 1 октября. С. 777)

89 Оренбург. Губ. вед. 1852 г. № 21; Соч. Златоверховникова стр. 68 – *прим. К. Херувимова.*

Я.С. Свице
М.Ю. Ергин

Священник градо-уфимской Успенской церкви Виктор Степанович Константиновский (1868–1937)

Священник, в 1920–1930-х гг. протоиерей, Виктор Степанович Константиновский с 1894 г. более 40 лет прослужил в уфимской Успенской церкви. Практически вся его жизнь была связана с этим храмом и приходом, он являлся настоятелем в последние, трагические годы его существования, став свидетелем закрытия и разрушения церкви. В 1937 г. был необоснованно репрессирован и погиб, разделив судьбу многих православных священнослужителей своего поколения.

Виктор Константиновский родился в Уфе 3 марта 1868 г., а 5 марта был крещён в Успенской церкви. Его родителями были священник Успенского храма Стефан Яковлевич Константиновский (1827–1899) и Анна Петровна Константиновская. Восприемниками стали священник Уфимского Благовещенского женского монастыря Михаил Максимович Светловзоров и старшая сестра новорожденного Татьяна[90]. Отец, священник Стефан Константиновский, являлся сыном диакона из Рязанской епархии, в 1852 г. принят на службу в Уфимскую епархию, в 1853 г. рукоположен в сан священника и затем служил в сельских приходах Белебеевского уезда. В 1867 г. по прошению был перемещён в Уфу к Успенской церкви, в 1886 г. возведён в сан протоиерея и являлся одним из самых уважаемых градских священников, известным церковным и общественным деятелем. Имея многочисленную семью, всем своим детям он

90 ЦИА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 9.

сумел дать приличное воспитание и образование[91].

Виктор Степанович Константиновский в 1882 г. окончил мужское духовное училище[92], в 1889 г. Уфимскую духовную семинарию и, как было принято, первоначально определён псаломщиком к градо-уфимской Спасской церкви[93]. В феврале 1890 г. рукоположен в сан священника к Вознесенской церкви села Караилга Мензелинского уезда[94]. В сентябре 1894 г. протоиерей Стефан Константиновский, прослуживший в Успенском храме 27 лет, согласно прошению был уволен за штат, а на его место был перемещён сын – Виктор Константиновский[95]. До 1917 г. о.Виктор служил вторым священником при храме, а настоятелем был протоиерей Александр Семёнович Надеждин.

Священник Виктор Константиновский унаследовал от отца не только дар пастырского служения, но и литературный талант, призвание педагога и общественного деятеля. С 1890-х гг. на страницах «Уфимских епархиальных ведомостей» регулярно появлялись его проповеди, поучения и статьи. Как и большинство приходских священников, о. Виктор являлся законоучителем в церковных и светских учебных заведениях. Сразу же после окончания духовной семинарии с 30 июня 1889 г. он был зачислен на службу по ведомству Оренбургского учебного округа[96]. После перевода в Уфу с 1894 г. священник Виктор Константиновский стал заведующим Успенской церковно-приходской школой, считавшейся одной из лучших в городе. При о. Викторе для школы

---

91 Уфимские епархиальные ведомости. 1893. № 3. С. 92; № 6. С. 290.

92 Там же. 1882. № 14. С. 432.

93 Там же. 1889. № 16. С. 487.

94 Там же. 1890. № 7. С. 227.

95 Там же. 1894. № 19. С. 642.

96 Оренбургский учебный округ. Памятная книжка на 1915 год. Уфа, 1915. С. 455, 458.

было выстроено новое прекрасное здание. В отчётах о деятельности церковно-приходских школ он не раз удостаивался похвальных отзывов. Так, в отчёте за 1907–1908 учебный год отмечено, что по личной инициативе заведующего Успенской церковно-приходской школой о. Виктора Константиновского в июле 1908 г. были устроены месячные повторительные курсы для детей, окончивших приходские училища г. Уфы и намеревавшихся поступить в одно из средних учебных заведений. На средства, выделенные Епархиальным братством Воскресения Христова, приглашены были два учителя. Сам заведующий преподавал закон Божий бесплатно. Детей набралось до 40 человек. В приходских школах учились в основном дети из бедных крестьянских и мещанских семей. Благодаря дополнительным занятиям они смогли получить достаточную подготовку для дальнейшего образования[97]. Кроме заведования и преподавания в Успенской церковно-приходской школе о. Виктор с 1899 г. состоял законоучителем в Уфимском втором высшем начальном училище, в 1915 г. также являлся законоучителем и на трёхгодичных педагогических курсах при названном училище[98].

В предреволюционные годы о. Виктор Константиновский несколько раз избирался депутатом епархиальных собраний духовенства. В 1902 г. награждён наперсным крестом[99], в 1914 г. орденом св. Анны 3-й степени. У о. Виктора и его супруги была большая семья: пять сыновей и три дочери[100]. Жили Константиновские в причтовом доме Успенской церкви по адресу Боль-

97 Уфимские епархиальные ведомости. 1909. № 14. С. 647–648.

98 Оренбургский учебный округ. Памятная книжка на 1915 год.

99 Уфимские епархиальные ведомости. 1902. № 11. С. 671.

100 Оренбургский учебный округ. Памятная книжка на 1915 год.

шая Успенская, 84 (снесён в начале 1960-х гг.) [101].

Вероятно, во время гражданской войны один из его сыновей был расстрелян «как активный контрреволюционер», сам же о.Виктор, по всей видимости, в 1919 г. временно уходил из Уфы с белыми. Тогда вместе с отступающими частями Колчака епархию покинуло не менее трети духовенства. В 1920 г. священник Виктор Константиновский арестовывался ВЧК и находился под арестом 17 дней «за сокрытие золотых вещей»[102].

В 1920-х гг. о. Виктор служил в Успенской церкви, в 1926 г. являлся настоятелем храма. В этот период в Уфе, как повсюду в стране, в приходах развернулась острая борьба между обновленцами и последователями патриарха Тихона. В Уфимской епархии, кроме того, сложилось третье течение последователей епископа Андрея Ухтомского. Из-за недостатка источников сложно судить об обстановке сложившейся в Успенском приходе. Согласно «Списку молитвенных зданий в г. Уфе с указанием верований» (видимо, 1926–1927 гг.) к православно-синодальному (обновленческому) течению отнесены общины Воскресенская кафедральная, Вознесенская, Александро-Невская, Покровская, Рождественско-Богородская. К Тихоновско-Сергиевской ориентации (последователи патриарха Тихона и митрополита Сергия Страгородского) отнесены общины: Свято-Троицкая, Иверская, Сергеевская, Спасская, Никольская, Иоанно-Предтеченская, Пророко-Ильинская, Скорбященская. К Тихоновской автономной Андреевской ориентации: Благовещенская, Семёновская, Всехсвятская, Крестовоздвиженская. Особняком в списке значится Успенская община как «автономная без церковной ориентации»[103]. Также сохранилось обращение в Баш-

101 Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 172, 203.
102 Архив УФСБ по Республике Башкортостан. ДВ. 5978. Л. 34, 44 об.
103 ЦИА РБ. Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 527. Л. 449.

наркомвнутдел епископа Тихоновского течения Иоанна Пояркова от 13 мая 1926 г. с просьбой о разрешении проведения крестных ходов к Новому кладбищу для встречи иконы св. Николая Берёзовского из подведомственных ему церквей: Никольской, Крестовоздвиженской, Иоанно-Предтеченской, Скорбященской, Спасской, Ильинской, Троицкой, Сергиевской и Иверской[104]. По крайней мере, в 1926 г. Успенский приход сохранял некоторый нейтралитет, не примкнув ни к одному из церковных течений. Вероятно, как и во всех действовавших уфимских приходах, в Успенском проходили бурные собрания верующих, на которых обсуждалась сложившаяся церковная ситуация. Об этом свидетельствует заявление властям о. Виктора Константиновского.

«В Народный комиссариат внутренних дел.

Заявление

Ввиду усиливающегося брожения в церковных общинах г.Уфы, не дающего общине возможности спокойного обсуждения выдвигаемых жизнью церковных вопросов, прошу БНВД дать Успенской г. Уфы общине разъяснение:

1) Какое количество членов приходского совета, а равно и общего приходского собрания, обеспечивает законность их постановлений?

2) Имеет ли право председатель совета лично от себя, без ведома совета, или кто-либо из членов его приглашать на эти заседания посторонних лиц, сведущих по намеченным в повестке дня вопросам?

3) Имеет ли место в повестке дня неопределенность в формулировке вопросов, а также выражения «и прочих вопросов» без обозначения их характера и содержания?

4) Можно ли собрание приходского совета вести

104 Там же. Д. 775. Л. 12.

закрыто от публики вообще, и особенно ввиду присутствия при этом посторонних лиц, как не принадлежащих к данной общине, так и членов общины, не состоящих, однако, в совете, а тем более нарушающих спокойное обсуждение вопросов?

5) Допустима ли агитация против служителей культа по домам членов общины и, вообще, вне открытого обсуждения вопросов на церковных собраниях, кем бы эта агитация не проводилась, и какие бы цели она не имела?

6) Так как на общие приходские собрания, а за последнее время даже на собрания совета, являются лица из чужих приходов с целью дебоша, то возможно ли просить милицию о принятии мер к предупреждению беспорядков, а если возможно, то при каких условиях?

Настоятель Успенской церкви г. Уфы Виктор Константиновский».

(Ул. Егора Сазонова д. № 84).
1926 г. 28 июля, № 24[105].

7 августа 1926 г. из административного отдела БНКВД поступил следующий ответ Константиновскому: «На Ваше заявление от 28 июля с. г. за № 24 адм. отдел БНКВД разъясняет: 1) Количество членов приходского совета для вынесения постановления на общих собраниях должно быть не менее 2/3 всего состава совета. 2) Приглашение или участие лиц, не состоящих членами данного общества, может производиться с согласия членов общества, без права решающего голоса. 4) Все поставленные вопросы на повестку дня должны быть определены и для всех членов общества ясны и понятны. Прочие вопросы без обозначения содержания их – не разрешаются. 5) Вполне ясно указано в п. 8 § 4 устава религиозных общин о том, как собрания должны вестись. 6) На основании ст. 13 Консти-

105 Там же. Д. 508. Л. 389.

туции РСФСР, раздел 11, глава 5-я «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». 7) Органы милиции обязаны явиться по вызову любого лица, любой государственной и частной организации для восстановления общественного порядка, где таковой кем бы то ни было не нарушался»[106].

Через несколько лет, в 1929 г., будет издан закон, запрещавший религиозным объединениям устраивать любые собрания даже в стенах храма, а также любую религиозную деятельность вне церковных стен. С этого времени были запрещены крестные ходы и хождение с иконами, в том числе и в Успенском приходе. По сведениям «Летописи уфимской Успенской церкви» С.Я. Константиновского (1885–1886 гг.) в Успенской церкви находилась почитаемая прихожанами икона Божией Матери «Утоли моя печали». В 1920-х гг. несколько лет существовал многодневный крестный ход с этой иконой, установленный в память избавления от страшного голода 1921 г. Сохранилось заявление от 6 июля 1926 г. Успенского церковно-приходского совета, написанное священником Виктором Константиновским начальнику уфимской милиции, где говорится: «Успенский церковно-приходской совет просит разрешить причту Успенской церкви хождение с иконой Божией Матери “Утоли моя печали” по домам верующих прихожан Успенской церкви по примеру прежних лет, сроком с 12 по 24 июля с. г. Означенный ход установлен в память избавления от голода 1921 года»[107].

Следующим этапом наступления на Церковь стало повсеместное закрытие и разрушение храмов. Успенская церковь была закрыта постановлением Президиу-

106 Там же. Л. 388.
107 Там же. Д. 775. Л. 24.

ма БашЦИКа от 9 марта 1931г. В выписке из журнала заседания Президиума Башкирского центрального исполнительного комитета от 9 марта 1931 г. записано: «Слушали: Постановление президиума Уфгорсовета о закрытии Успенской церкви в г. Уфе.

Постановили: Принимая во внимание, что здание Успенской церкви, требующее капитального ремонта, приходит в разрушение, а группа верующих отказывается от материального участия в ремонте, Успенскую церковь в г. Уфе закрыть и передать в распоряжение Уфимского горсовета для культурно-просветительских целей с производством необходимого переоборудования и ремонта»[108]. Вскоре Успенский храм был разрушен и на его месте выстроен так называемый Дом старых большевиков (Коммунистическая, 75), существующий до сего времени.

После закрытия Успенской церкви о. Виктор Степанович Константиновский в сане протоиерея служил в уфимской Скорбященской церкви на Ново-Ивановском кладбище. В апреле 1933 г. протоиерей Виктор Константиновский указан в составе причта этого храма. Наряду с Никольской церковью (с 1924 г. ставшей кафедральным собором) и Сергиевской церковью Скорбященский храм принадлежал к течению последователей митрополита Сергия (Страгородского) и в 1933 г. находился в подчинении епископа Софрония (Арефьева)[109]. После закрытия в 1933 г. Никольского собора и Скорбященской церкви протоиерей Виктор Константиновский служил в Сергиевском храме.

Летом-осенью 1937 г. властями было сфабриковано дело так называемого контрреволюционного уфимского повстанческого центра церковников, начались массовые аресты клириков, монашествующих и мирян всех религиозных течений в Уфе, Бирском, Стерлита-

108 Там же. Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 1850. Л. 2.
109 Там же. Д. 2886. Л. 3.

макском, Белебеевском районах. После формального следствия практически все священнослужители были расстреляны. Осенью 1937 г. был арестован, а затем расстрелян причт Сергиевской церкви. Протоиерея Виктора Константиновского арестовали 20 ноября 1937 г. В это время он уже жил не в доме Успенской церкви, а по адресу: ул. Крестьянская, д. 40, кв.1, недалеко от церкви Рождества Богородицы. Был вдов и жил один, но трое из его детей проживали в Уфе[110].

Протоиерею Тихоновского течения Виктору Степановичу Константиновскому было предъявлено обвинение, что он «являлся активным участником контрреволюционной повстанческой организации церковников, в которую был завербован членом повстанческого центра бывшим епископом Козловым. Вёл среди населения активную контрреволюционную повстанческую и пораженческую агитацию». Через десять дней после ареста 30 ноября 1937 г. решением Тройки НКВД о. Виктор Константиновский был приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 10 декабря 1937 г. в 2 часа 34 минуты[111].

Так закончился земной путь одной из самых ярких личностей среди уфимского градского духовенства конца XIX – начала XX вв. протоиерея о. Виктора Константиновского. Только сейчас начинается изучение его творческого наследия и деяний на поприще духовного просвещения, в чьей судьбе отразились все высокие и трагические страницы истории православного духовенства в один из переломных моментов истории России.

В 2000 г. А.А. Вольмут, сын известного уфимского купца, подарил музею Уфимской епархии фотографию о. Виктора Константиновского, сделав следующую со-

---

110 Архив УФСБ по Республике Башкортостан. ДВ. 5978. Л. 44 об.

111 Там же. Л. 353, 354.

проводительную надпись: «Я, Вольмут Александр Александрович, 1912 года рождения, дарю эту фотографию в церковно-краеведческий музей Уфимской епархии. Этот священник, отец Виктор Степанович Константиновский, служил около 40 лет в Уфимской Успенской церкви. Он был ярким проповедником и богословом. Он венчал моих родителей и крестил меня, моих братьев и сестер. И оставался другом близким нашей семье. Жил на Успенской улице, № 84 – напротив церкви. В 1937 году был расстрелян. У о. Виктора было 9 детей. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Виктора».

Успенская церковно-приходская школа, которой заведовал о. В. Константиновский

М.И. Роднов

По страницам прошлого

С середины XIX в. в жизнь образованного российского общества вошла газета – новый и надолго, до появления телевидения, главный источник информации. До возникновения регулярной прессы события местной жизни становились достоянием лишь различных хроник и летописей. В Уфе подобные записи велись в отдельных семействах, носили они неофициальный характер, а достоверность сведений целиком зависела от добросовестности авторов. Особое место занимают дневники Ребелинских. В самом начале XIX в. (между 1808 и 1828 гг.) была составлена погодная запись исторических событий под названием «Краткое описание губернского города Уфы с начала его построения и до сего 1808 года, собранное из разных древних летописей и достоверных описаний и приведённое в порядок 1808-го года. Уфа»[112].

Небольшую по объёму, но важную информацию здесь можно найти по району Успенской церкви, например: «В 1770 году в тёплом соборе [Смоленском] переделан иконостас и утверждено вне города кладбище». Далее указано, что «1799 года февраля 22 дня построенная на городском кладбище, в проименование Успения Божия Матери, церковь пожертвованием и попечением помещика Сергея Аничкова освящена»[113]. Эта семейная хроника свидетельствует о датах возникновения кладбища и освящения Успенской церкви. Но подобные источники были крайне редки из-за узкого

---

112 *Гвоздикова И.М.* Несколько страниц из «Краткого описания губернского города Уфы» // Башкирский край. Вып. 1. Уфа, 1991. С. 14 и др.

113 ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 708. С. 101, 103. Сведения любезно предоставлены И.М. Гвоздиковой.

круга образованного слоя общества. Ситуация изменилась в середине XIX в., когда возник стабильный источник информации – периодика.

В Уфе – гражданской столице обширной Оренбургской губернии - издавались «Оренбургские губернские ведомости» (с 1865 г. – уфимские). И среди всевозможных публикаций на её страницах можно найти сведения по Успенской церкви. Так, в декабре 1849 г. не осталось без внимания редактора неофициальной части «Ведомостей» Ивана Прокофьевича Сосфенова окончание строительства и освящение уже каменной Успенской церкви. По оценке С.Ю. Семёновой, Успенская церковь может быть отнесена «к кубическим одноглавым в сочетании с колокольней ("кораблём") и с планировочной схемой (гранёные купола и многоярусные колокольни)» храмам, к подобному стилю в Уфе принадлежали Покровская, Ильинская, Сергиевская и Александро-Невская церкви[114].

Вот что было напечатано в газете в 1849 г.: «В 18 день текущего ныне Декабря было совершено освящение нового каменного храма во имя Успения Божией Матери, в Кладбищенской улице, Преосвященным *Иоанникием*, Епископом Кавказским и Черноморским (что прежде Оренбургский и Уфимский[115]), в присутствии самого многочисленного собрания жителей Уфы всякого звания.

Во время совершения литургии, при малом выходе, произведён в Протоиереи соборный Священник *Порфирий Ласточкин*. – Храм сей, созданный на сумму доброхотных дателей, особенною заботливостью маститого и всеми уважаемого Протоиерея *Иоанна Бреева*,

114 *Семёнова С.Ю.* Как строилась и жила губернская Уфа (конец XVI – начало XX вв.): Очерки. Уфа, 2004. С. 46.

115 Епископ Иоанникий получил новое назначение, он уедет из Уфы 29 декабря 1849 г. (Оренбургские губернские ведомости. 1850. 7 января, часть неофициальная), но перед отъездом успел освятить Успенский храм.

имеет иконостас небогатый, но весьма приличный и со вкусом расположенный. Иконы писаны известным нашим живописцем *Серебрениковым*; своды алтаря расписаны масляными красками тем же живописцем Серебрениковым»[116]. В 1855 г. в газете безымянный автор опубликовал красочное описание храма и пасхальной заутрени в статье «Храм Успения Пресвятой Девы в Уфе в ночь на 27 марта»[117].

В 1863 г. скромный уфимский храм неожиданно получил всероссийскую известность. Настоятель, священник Иоанн Темперов, принёс в местные «Ведомости» большую статью под названием «Из Успенской школы в Уфе». Ранее он публиковал маленькую заметочку, где просил помочь своей недавно открытой при церкви школе. Невеликих доходов от небогатой паствы не хватало даже на покупку учебников и карандашей. Но это была эпоха Великих реформ, эпоха гласности, ожидания свобод, а уфимские «Ведомости» под редакторством активного «шестидесятника» Петра Николаевича Чоглокова (его дом до сих пор стоит в нашем городе, правда, под «партийной кличкой» Дом-музей Ленина) были хорошо известны в стране. Просьбу рядового священника услышали по всей России, и в Успенскую церковь просто хлынул поток пожертвований. Среди благотворителей были Её Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна, отправившая в Уфу 30 руб., от министра просвещения Ивана Давидовича Делянова поступило 20 руб., бирский купец Д.А. Балаев прислал рубль, князь С.Н. Урусов – 12 церковных книг, Комитет Грамотности при Императорском Вольном Экономическом Обществе отправил 160 разных книг и три дюжины карандашей, уфимский купеческий сын Н.Л. Бондаренко – четыре дюжины карандашей[118] и

116 Оренбургские губернские ведомости. 1849. 24 декабря.
117 Там же. 1855. 30 апреля.
118 Там же. 1863. 30 марта.

т. д. И это было только начало!

В августе 1863 г. священник Иоанн Темперов вынужден был нести в газету новую статью «Из Успенской школы в г. Уфе», так как поток пожертвований не прекращался. Её Превосходительство супруга уфимского губернатора Софья Александровна Аксакова, чей портрет можно видеть в Доме-музее С.Т. Аксакова в Уфе, пожертвовала школе 25 руб., уфимский дворянин Пётр Степанович Листовский «подарил 10 сажен ольховых однополенных дров», уфимский торгующий мещанин Кондратьев принёс одну «стопку серой бумаги». Дары шли со всей империи. Из Тверской губернии Карчевского уезда села Кузнецова некая «тётка Наталья» прислала разных книг на 5 руб.[119] Отцу Иоанну пришлось затем даже подготовить большую статью по проблемам народной грамотности[120], таков был общественный резонанс.

Священник Успенской церкви о. Темперов состоял членом петербургского Комитета Грамотности, общественной организации, которая книги и учебники распространяла через склады по очень низким ценам, книготорговцы шли на большие скидки. Такой склад, устроенный священником Темперовым и при Успенской церкви, действовал в 1863–1864 гг. В марте 1863 г. он благодарит комитет «за подаренные ему в 1862 г. книги и представляет печатный отчёт об основанной им в Уфе в 1862 г., с разрешения местного епископа Филарета, безплатной школе»[121]. В 1866 г. в трудах комитета даже напечатали статью Темперова «Материалы для статистики распространения грамотности в среде крестьян» (по Уфимскому уезду, селу Красный

119 Там же. 10 августа.

120 Там же. 7 декабря.

121 Занятия Комитета Грамотности. Прибавление к «Трудам Императорского Вольного Экономического Общества». Вып. I–IV. СПб., 1864. С. 135, 168; Там же. СПб., 1865. С. 22.

Яр, перепечатка из местных «Ведомостей»)[122].

В 1864 г. с циклом статей на страницах «Оренбургских губернских ведомостей» выступил педагог уфимского уездного училища Михаил Митрофанович Сомов, коллежский асессор. В его работе «Описание Уфы» есть интересные строки и по Успенской церкви. От восточной стороны Верхне-торговой площади, «кроме упомянутой Казанской, идут ещё следующие две улицы: Успенская и Голубиная слободка [современная Пушкина]. На первой, такой же длинной, как и Казанская, и ведущей до Сутолки, только меньшей ширины, существует каменная церковь Успения Божией Матери простой, но прочной постройки. На местности, занимаемой ею, было прежде кладбище, первое в Уфе, основанное в 1782 году, что ещё заметно и ныне по неровностям почвы, изрытой могилами, и по некоторым сохранившимся памятникам и надгробным плитам, находящимся внутри и около церковной ограды. В 1798 году здесь сооружена была дворянином Серг. Ив. Аничковым деревянная церковь, тоже Успенская, обращённая потом, по перемещении кладбища за черту города, в приходскую; настоящая же каменная основана только в 1849 году. В 1772 году, во время Пугачёвского бунта, на этом месте, тогда ещё пустом и незаселённом, стояла одна из городских батарей, действовавшая против скопищ казака Губанова, который осаждал тогда город со стороны села Богородского... Все три описанные улицы отделяются между собою двумя длинными оврагами, соединёнными посредством земляных дамб, очень удобных для проезда, из которых некоторые, впрочем, попортились и требуют исправления»[123].

Далее, говоря о Сибирской улице (совр. Мингажева) и Покровской церкви, М.М. Сомов отмечает, что «Успенская улица, идущая, как сказано выше, от Тор-

122 Там же. СПб., 1866. С. 49–51.

123 Оренбургские губернские ведомости. 1864. 2 мая.

говой площади, оканчивается у речки Сутолки; тут поворот направо ведёт к старому рынку у реки Белой, а налево – через мост, носящий историческое название Ногайского, к небольшой церкви Покрова Богоматери, которая находится уже на Сибирской улице»[124]. Не забыл М. Сомов и о церковной школе: «Сверх того, в Уфе существуют с недавнего времени при некоторых церквах школы, где обучаются вместе девочки и мальчики, дети преимущественно бедных родителей; лучшие из школ Успенская и Спасская, особенно первая»[125].

Сообщает Сомов сведения об осаде Уфы шайками Пугачёва. Защитники поставили против бунтовщиков пять артиллерийских батарей - «четыре неподвижных и одну лёгкую конную». Четвёртая батарея из 8 орудий «находилась на том самом месте, где теперь старое кладбище около Успенской церкви. Эта батарея устроена была против скопищ Губанова, расположенных, как сказано, в селе Богородском, и могла защищать въезды Казанский и Сибирский»[126]. Эта батарея сыграла важную роль во время штурма Уфы 21 ноября 1773 г., когда утром с северо-восточной стороны города появились отряды Губанова. Руководители обороны «тотчас распорядились послать из подвижной батареи два орудия на Казанский и Сибирский въезды на подкрепление батареи, устроенной на месте нынешней Успенской церкви; войска разделились на две части, чтобы быть в готовности встретить неприятеля, подступающего с двух сторон... Отразив Чику, обратились против Губанова. Городская конница, зашедшая в тыл врагам, положила много убитыми и захватила 15 человек в плен»[127].

---

124 Там же. 30 мая.

125 Там же. 26 сентября.

126 Там же. 12 декабря.

127 Там же. 19 декабря. Р.Г. Игнатьев тоже сообщал, что третья батарея «(8 орудий) на кладбище» была установле-

Отдельные сведения об Успенском храме и его окрестностях изредка встречаются на газетных страницах и в дальнейшем. Так, в 1880 г. анонимный корреспондент сообщал в сентябре, что «ещё до 18 начались пожары в городе. Между прочим, сгорел один из лучших каменных домов на Большой Успенской улице, только что отстроенный, принадлежащий приказчику купца Мамина, заявившему претензию к страховому обществу на 10000 руб. сер. Дом этот был построен так хорошо, что первый этаж его не пострадал нисколь-

---

на (*Игнатьев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 156). По сведениям уфимского коменданта, полковника Сергея Мясоедова, руководившего обороной города, с ноября 1773 г. на Сибирской улице стоял пятый пикет (две пушки, 45 человек под командой секунд-майоров Степана и Николая Аничковых) и «за Сибирскими воротами» шестой (одна пушка, 44 человека под командой отставного капитана Ивана Суровцева) (Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И.Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. (подготовил Р.В. Овчинников) // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 303–304). Самый серьёзный штурм мятежники предприняли 25 января 1774 г., когда «злодеи» подошли к Сибирскому пикету с 4 пушками (Там же. С. 320) и открыли «против нашей отправленной партии» пушечную пальбу (*Гвоздикова И.М.* Несколько страниц из «Краткого описания губернского города Уфы» // Башкирский край. Вып. 1. С. 24). Руф Игнатьев так обрисовал ситуацию на 25 января: «Губанов занял Сибирскую улицу, взяв также стоявшие там пушки… Между тем на Сибирской улице кипел бой с Губановым и туда сейчас же послана была та же подвижная батарея, которая теперь кончила своё дело с Чикой. Несколько картечных выстрелов – и Губанов бежал на Сибирскую дорогу, потеряв много убитыми и ранеными и бросив отбитые пушки, в том числе 3 свои, поставленные на полозья» (*Игнатьев Р.Г.* Указ. соч. С. 173–174).

ко, во втором же не прогорели сквозь даже потолки. Пострадали только мезонин и второй этаж в тех местах, где было дерево. 22 случилось три пожара одновременно: в Архиерейской Слободке, на Старой Уфе и за Успенской улицею, но убытки ещё не приведены в ясность». Автор отмечал слухи о поджогах: «Молва указывает на необычайный наплыв к нам каких-то подозрительных личностей, именующих себя «сербиянцами», до крайности нахальных в вытребовании подачек, в чём особенно отличаются «сербиянки»»[128].

А в 1893 г. любопытный материал опубликовал уфимский краевед и археолог А.В. Черников-Анучин. В статье «О древних обитателях Уфимского края» он сообщал, что «в конце второй половины прошедшего [XVIII] столетия на месте бывшего городского Уфимского Успенского кладбища при копании могил, застройке домов на Большой и Малой Успенских улицах, когда рылись подпольные ямы, погреба и колодцы, находили необыкновенно большие человеческие черепа и кости, части чешуйчатых кольчуг, обломки мечей, изломанные круги с остатками истлевшей кожи, напоминающими остатки ратного щита, наконечники от стрел и разные, неопределённого назначения вещи из бронзы»[129]. Православное Успенское кладбище было заложено на месте древнего могильника.

В номере «Уфимских губернских ведомостей» за 16 октября 1894 г. вышла заметка С. Катанского «Исторический вал в г. Уфе». Во время пугачёвщины наш город осаждали с севера и уфимцам пришлось возводить искусственные преграды. «Остатки одной из таких преград сохраняются и доселе. В самом начале Малой Успенской улицы, на дворе Шергиной и Нарбышевой, при спуске к ручью, отделяющему М. Успенскую от Большой Сибирской улицы, можно видеть продолгова-

128 Казанский биржевой листок. 1880. 2 октября.
129 Уфимские губернские ведомости. 1893. 6 февраля.

тое углубление, идущее поперёк всего двора параллельно течению ручья. Это, по словам старушки Нарбышевой, родившейся и выросшей в этом доме, и есть остаток того окопа, которым была обведена Уфа во время пугачёвщины для защиты от неприятеля с суши. В самом деле, видно даже и с первого взгляда, что углубление это едва ли могло образоваться естественным путём. Если бы оно образовалось от течения воды, то шло бы перпендикулярно или наклонно, а никак уже не параллельно течению ручья. Кроме того, оно лежит очень высоко, в самом начале спуска к ручью, а местность, занимаемая двором Нарбышевой, едва ли не высшая точка всей части правого берега оврага, лежащая в начале этого квартала. Мать Нарбышевой первая приобрела в собственность от города это дворовое место в 1832 году. В то время окоп этот проходил и через соседние дворовые места. Но теперь на соседних местах его едва-едва можно заметить, а в некоторых так он и не заметен совсем, потому что местность выровнена домохозяевами под огороды. Нарбышевы же, с самого 1832 года, никогда не выравнивали своего дворового места; оно у них до сих пор сохранилось в том самом виде, в каком было при первоначальном отводе, – оттого-то на их дворе и уцелел этот исторический вал, насколько только он мог уцелеть в 120 лет. Говорят, что в старые годы тут находили даже картечь». Автор затем добавлял, что почти напротив двора Нарбышевой на Большой Сибирской улице стоит «маленькая часовенка», возможно, там, где во время осады была сибирская застава защитников города. К этой любопытной информации редактор газеты Н.А. Гурвич добавлял, что в 1872 году они с Р.Г. Игнатьевым предлагали назвать это место «Засецкою улицею, так как здесь была засека», что совпадает со сведениями автора.

Осенью 1910 г. служивший в Уфимской губернии писатель Сергей Рудольфович Минцлов в своём днев-

нике оставил краткую запись от 23 октября: «Снегу за ночь намело горы; тротуары в Уфе чистят только на двух главных улицах – Успенской и Центральной, на остальных пешеходы протаривают себе, по усмотрению, тропочки и балансируют и падают на них, как кому угодно»[130]. Отдельные сюжеты, связанные с окрестностями Успенской церкви, можно найти в воспоминаниях уфимцев[131].

Внимательный поиск по газетным, журнальным и книжным страницам в дальнейшем поможет найти ещё немало новых интересных материалов даже о небольшом районе нашей любимой Уфы, что раскинулся вокруг древнего Успенского кладбища.

---

130 *Минцлов С.Р.* Уфа. Из кн. «Дебри жизни». Уфа, 1992. С. 83.

131 *Штехер С.Г.* Хроника нашей семьи / ред.-сост. П.И. Фёдоров. Уфа, 2009. С. 43, 49, 64.

М.И. Роднов

Район Успенской церкви на рубеже XIX – XX веков

В 1860-е гг. в крае постепенно складывается статистическая служба, которая активно исследует состояние губернского центра – Уфы. Так, 24 октября 1864 г. в нашем городе прошла однодневная перепись, но в её итогах, к сожалению, приведены лишь обобщённые данные[132]. Возникшее в Уфе в 1871 г. новое городское самоуправление активно занялось благоустройством и также публиковало сведения о состоянии города: «В 1875 г. была капитально возстановлена приходившая в разрушение дамба, соединяющая Успенскую и Казанскую улицу в центре города, близ торговых бань; работа эта произведена подрядным способом и обошлась в 1400 руб.» Данная дамба является ныне частью улицы Цюрупы, по которой проходит один из основных транспортных маршрутов Уфы.

Кроме того, «капитально исправлена в 1875–1876 гг. разрушавшаяся дамба против Спасской церкви, соединяющая Казанскую улицу с Голубиной, причём устроен был спуск скопившейся при дамбе воды, образовавшей в средине города болото и грозившей разрушением самой церкви. Исправление это обошлось в 380 руб.», из которых 300 руб. пожертвовал «для этой цели» купец М.М. Гирбасов[133].

Одновременно проводилось шоссирование главных

---

132 См.: *Гурвич Н.А.* Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг. Уфа, 1868.

133 Вестник Уфимского Земства 1881 г. Вып. 4. Уфа, 1881. Отдел III. Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. С. 31.

улиц города, и в их числе Успенской. «Шоссирование почти на всех этих улицах было произведено по вновь принятому способу чрез насыпку и утрамбовку дробленого камня, так как практиковавшийся до того времени способ шоссирования песком и галькой во многих случаях оказался неудобным по условиям местности и крайне непрочным, так что вскоре по окончании работ на отшоссированных таким образом улицах появлялось множество выбоин и ям и затем чрез немного лет почти исчезали всякие признаки шоссирования». Одновременно «на большей части шоссировавшихся улиц устроены выложенные камнем канавы; в остальной же части тех улиц капитально исправлены канавы, прежде существовавшие».

В условиях сплошной частной («коттеджной») застройки домовладельцы обязывались следить за порядком на прилегающей к их усадьбе проезжей части улицы. Уфимская городская Дума 6 марта 1872 г. издала обязательное постановление (затем в расширенном виде повторено 19 января 1873 г.), где грозно объявлялось, что «жители города Уфы обязываются на проезжих улицах ухабы ровнять; при таянии весною снега с шоссированных улиц навоз очищать и вывозить за город на указанное место; по улице Казанской до площади, около площади к присутственным местам, на улицах: Александровской, Почтовой, Ильинской, Успенской и Больничной снег очищать и с тротуаров, и чтобы на улицы со дворов снег и нечистоты не вываливались»[134].

Подробные материалы были опубликованы по результатам следующей однодневной переписи Уфы в 1879 г. Например, указан полный состав причта Успенской церкви: настоятель священник Стефан Яковлевич Константиновский, помощник настоятеля священник

134 Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. Уфа, 1881. С. 17, 31–32, 354.

Александр Семёнович Надеждин, состоящие в должностях псаломщиков диаконы Григорий Иоаннович Жилин и Владимир Философович Виноградов[135].

Дано также точное описание прихода Успенской церкви, который «граничит: к северу улицей Лазаретной, начиная от Базарной площади до выезда к степи; с западной стороны улицей Большой Успенской до дома г-жи Мещериной; с южной - от дома Мещериной, чрез овраги, до улицы Новосибирской, а с восточной, начиная от Лазаретной улицы, по протяжению по улицам: Богородской, Степной и Новосибирской до оврагов, отделяющих Успенский приход от Покровского.

В районе Успенского прихода состоят следующие улицы: Лазаретная, Старо-Жандармская, Телеграфная, Большая Успенская, малая Успенская, малая Кладбищенская, Колмацкая, Приютская, Богородская, Степная, Новосибирская[136] и Солдатская слободка»[137].

В описании города Уфы по улицам сказано: «Следующая *Большая Успенская улица* или *Кладбищенская* (последнее название официально отменено в 1864 г.), начинается от Посадской поперечной улицы и кончается Верхне-торговою площадью; продолжение этой улицы за торговою площадью называется *Сенною*; она кончается сенной площадью за городом». К этому тексту в сборнике сделано примечание. Улицы в Уфе официальные названия получили в 1864 г. решением Губернского статистического комитета. Тогда же было решено, «по примеру того, как это установлено в других городах, оставить без названия те части улиц, которые пролегают

---

135 *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные. Относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел I. С. 49.

136 Ново-Сибирская, потом Иркутская, ныне Пархоменко.

137 *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Отдел IV. С. 26.

с 4-х сторон параллельно верхней торговой площади по длине и ширине её, и принято обозначать их следующим образом… [на торговой площади] между улицами Большою Успенскою и Сенною, например, дом Фокерода и другие». После пересечения Лазаретной (Ленина) Большая Успенская (Коммунистическая) своё имя «теряла».

Далее указывалось, что «между Большою Успенскою и Кузнецкою (Чернышевского) улицами помещается ещё *Средняя Успенская улица* (неправильно называемая *Малою Успенскою*, потому что это название относится к улице, поперечно идущей под углом от неё до края города) и *Солдатская слобода*»[138]. То есть в конце XIX в. в Уфе было две Малых Успенских улицы. Одна из них, начинавшаяся поперечно к Большой Успенской, позже получила название Церковной (ныне Худайбердина). Возможно, современная улица Энгельса, поворачивавшая на Худайбердина, воспринималась как единая улица. Видимо, с разными наименованиями одной, изогнутой улицы, и связано упоминание о малых Кладбищенской и Успенской (см. выше).

Самое же ценное в сборнике 1883 г. заключается в точных сведениях по каждому кварталу города. Совершим своеобразное путешествие по Большой Успенской (Коммунистической) от пересечения с улицей Телеграфной (Цюрупы) вниз, оказавшись в далёком 1879 г.

Слева будет квартал № 39 (см. схему 1), лежавший между улицами Телеграфной (Цюрупы), Большой Успенской (Коммунистической), Малой Успенской (Худайбердина) и Калмацкой (Чернышевского). Схема изображена в виде квадрата, хотя на самом деле квартал представлял собой пятиугольник. Современная улочка Дорофеева считалась тогда простым проездом перед Успенской церковью.

Расположение домов по номерам: 1) Угол Желтоуховой Авдотьи, 2) Панкрушина Егора, 3) Лиханова Васи-

138 Там же. 18–20.

лия, 4) Карсакова Дмитрия, 5) Феликсова Ивана, 6) Наследников Ироиды Ширяевой. Угол их же, 7) Угол Озерецковской Натальи. Её же угол, 8) Озерецковской Варвары[139], 9) Севастьянова Антона. Угол его же, 10) Королёва Ивана, 11) Церковный дом, 12) Петровой Авдотьи, 13) Петрова Николая, 14) Угол, забор Успенской церкви.

Схема 1

Всего в квартале располагалось 16 домов и 17 дворовых мест (церкви принадлежали дом и дворовое место). Имелся один каменный, крытый железом дом, остальные - деревянные (3 покрыты железом, прочие деревом). Во всех зданиях насчитывалось 32 квартиры (143 комнаты, считая передние и кухни), у всех имелись дворовые службы (различные постройки) и колодцы, в 8 домах были пристроены флигели, имелись 10 садов и 12 бань. В квартале одно здание было занято под учебное заведение, одно – под торговлю, там на-

139 На Большой Успенской в доме поручика Озерецковского находилась контора адвоката (лица, имеющие «хождение по делам») Николая Александровича Пашкина (Там же. Отдел I. С. 108).

ходились бакалейная лавка и «ренсковый погреб» (продажа виноградных вин, рейнских, отсюда сам термин).

На момент переписи 17 июня 1879 г. в квартале проживало 166 чел. (80 муж., 86 жен., один мужчина временно) в 28 семействах, четверо одиноких (3 муж., 1 жен.). По сословиям население состояло из дворян и чиновников (64 чел.), купцов и мещан (60 чел.), сельских сословий - крестьян и башкир (25 чел.), служивших и отставных военных (15 чел.), прочих - 2 женщины. За исключением 7 магометан (6 муж., 1 жен.), все православные.

Справа от угла Большой Успенской и Телеграфной располагался большой квартал № 48, выходивший через овраг на Большую Казанскую (Октябрьской революции) и тянувшийся вниз до улицы Спасской (Новомостовой). Вдоль Большой Успенской от пересечения с Телеграфной лежали домовладения: 1) Смехова Ильи, 2) Андреева Якова, 3) Васильева Василия, 4) Сахарова Василия, 5) Сипайловой Елизаветы, 6) Веригина Николая, 7) Успенской церкви, 8) Ивановых Андрея и Владимира, 9) Бикшанцевой Ольги, 10) Прохорова Кузьмы, 11) Чикова Павла, 12) Агрызковой Акулины, 13) Шутовой Фионы, 14) Калмацкого Павла, 15) Кондратьевой Евгеньи, 16) Наследников Татьяны Масловской, 17) Польянова Василия, 18) Наследников Лаврентьева, 19) Волкова Осипа[140], 20) Ивановой Зиновьи, 21) Угол Кожевникова Петра[141]. Его же угол. Последняя, угловая, усадьба уже граничит со Спасской церковью. Такое

---

140 На улице Большой Успенской в собственном доме уфимского мещанина Фёдора Осиповича Волкова находилась мастерская мужского платья (Там же. С. 100).

141 На Большой Успенской в собственном доме уфимского мещанина Петра Фёдоровича Кожевникова располагалась его мастерская «медных дел» и там же находилась сапожная мастерская уфимского мещанина Александра Сырцова (Там же. С. 101).

обилие домовладений (21) показывает, что среди них преобладали сравнительно небольшие дома деревенского типа.

Вниз по Большой Успенской по левой стороне, в квартале между совр. улицей Дорофеева и переулком им. М. Хисматуллина /бывш. Детским располагалась сама Успенская церковь с прилегающим остатком старинного кладбища. Летом 1879 г. эти улица с переулком ещё не имели никакого названия, а просто являлись проездами вокруг храма. Там, где сейчас лежит маленький бульвар, начинался следующий квартал № 40 внутри улиц Малая Успенская (Худайбердина), Калмацкая (Чернышевского), а с других сторон лежали проулки без названия. Первый безымянный переулок (внизу схемы 2) – ныне им. М. Хисматуллина/бывш. Детский, второй отделялся оврагом от Солдатской слободы, не случайно там в 1879 г. не было вообще домов (схема 2).

*Расположение домов по номерам (**Схема 2**)*

1) Угол Нагибиной Надежды. Её же угол, 2) Деменевой Екатерины. Её же угол, 3) Белобородовой Аксиньи,

4) Филипповой Пелагеи, 5) Трофимова Андрея, 6) Семёнова Матвея. Угол его же, 7) Берштейн Петра. Угол его же, 8) Угол Трофимова, 9) Ивановой Прасковьи.

Здесь стояли только деревянные дома (12 квартир, 28 комнат, 60 чел. жителей).

Сразу за Успенской церковью лежал квартал № 49 (схема 3), ниже от совр. переулка им. М.Хисматуллина/ бывш. Детский, который на схеме указан «без названия». Этот квартал окружали улицы Большая Успенская (Коммунистическая), Средняя Успенская (Энгельса) и Спасская (Новомостовая).

Схема 3

Расположение домов по номерам в 49-м квартале было следующим: 1) Филипповой Серафимы. Угол её же, 2) Гладышевой Марьи, 3) Гладышевой Марьи, 4) Красавцевой Аграфены, 5) Сокорова Николая, 6) Лосенко Ивана, 7) Ивановой Варвары, 8) Суханова Николая, 9) Анисимовой Лукерьи, 10) Голубевой Ирины, 11) Беляевой Надежды, 12) Алексеевой Лидии, 13) Елисеевой Прасковьи. Угол её же. Угол её же, 14) Круторожиной Елизаветы, 15) Транпнау Любови, 16) Уваровой Татья-

ны, 17) Аладина Александ[ра], 18) Богинской Музы, 19) Ахмаметьевой Татьяны, 20) Емельянова Фёдора, 21) Ешковой Александ[ры], 22) Вышенского Петра, 23) Сорокина Матвея, 24) Угол Дмитриева Дмитрия.

Так как этот квартал непосредственно прилегает к Успенскому храму, приведём его описание полностью: «Дома принадлежат: привилегированному сословию - 10, купцам - 2, мещанам - 10, других званий - 1, церквам - 1. Домов деревянных, крытых железом - 2, деревом - 22. По числу квартир (считая и занимаемую самим домовладельцем): домов об одной квартире - 11, о 2-х - 11, о 3-х - 4, о 4-х – 1; всего 40 квартир; всех печей - 99. Квартир об одной комнате - 4, о 2-х - 7, о 3-х - 8, о 4-х - 6, о 5-ти - 5, о 7-ми - 3, о 8-ми - 3, о 10-ти - 2, об 11-ти – 2; всего комнат - 178. Квартир с окнами на улицу и во двор - 29, только во двор - 11. Домов со службами деревянными - 24, с флигелями деревянными, крытыми деревом - 6, с колодцем - 21, с садом - 15, с баней чёрной - 1, с баней белой - 18.

В квартале занято торгово-промышленными учреждениями 3 дома, где находятся: ренсковый погреб и 2 бакалейные лавки.

1) Общее число жителей в квартале было, 17 июня 1879 года, муж. 130, жен. 120, обоего пола 250, все постоянные жители.

2) Это общее число жителей размещено было на 40 квартирах, в которых было всего комнат (считая и передние, и кухни) 178.

3) Это общее число жителей составляло 40 отдельных семейств. Состав семейств о двух членах: 1 м. 1 ж. (4); о 3-х членах: 1 м. 2 ж. (3); 2 м. 1 ж. (4), 3 ж. (1); о 4-х членах: 1 м. 3 ж. (1), 2 м. 2 ж. (6), 3 м. 1 ж. (1); о 5-ти членах: 2 м. 3 ж. (3), 3 м. 2 ж. (2), 4 м. 1 ж. (1); о 6-ти членах: 3 м. 3 ж. (1), 1 м. 5 ж. (3), 4 м. 2 ж. (1); о 7-ми членах: 4 м. 3 ж. (3); о 8-ми членах: 5 м. 3 ж. (1), 7 м. 1 ж. (1); о 9-ти членах: 5 м. 4 ж. (1); о 10-ти членах: 6 м.

4 ж. (1); о 12-ти членах: 9 м. 3 ж. (2). Всего в 40 семьях 110 м. 94 ж.

4) По сословиям: привилегированного (дворян и чиновников) - 48 м. 46 ж., городских сословий (купцов и мещан) - 68 м. 58 ж., сельских сословий (крестьян и башкир) - 7 м. 4 ж., военного сословия (служащих и отставных) - 7 м. 12 ж. Итого 130 м. 120 ж.

По вероисповеданию: православного - 125 м. 115 ж., римско-католического - 2 м. 3 ж., магометанского - 3 м. 2 ж.»

Напротив, через совр. улицу Энгельса, лежал квартал № 50 (схема 4), середину которого прорезал овраг, только недавно засыпанный. На схеме левый проулок, что «названия не имеет»,- ныне дорожка и далее спуск в овраг к улице Добролюбова, а правый – какой-то не заселённый проход до улицы Спасской (Новомостовой), теперь застроен домами.

Схема 4

Приведём также все данные по кварталу № 50. Расположение домов: 1) Поповой Афимьи, 2) Ефимовой Татьяны, 3) Алексеевой Аксиньи, 4) Андреевой Алексан[дры]. Угол её же, 5) Родыгина Никифо-

ра, 6) Зубчениновой Аксиньи, 7) Непейцевой Марьи, 8) Угол Ваткеева Николая, 9) Поспеевой Прасковьи, 10) Погорельской Елены, 11) Никитиной Пелагеи, 12) Зубчениновой Алекс[андры], 13) Худяковой Анны, 14) Курчеевой Татьяны, 15) Воронова Николая, 16) Ладыгиной Юлии, 17) Лахтиной Дарьи,18) Медведева Петра, 19) Николаева Романа, 20) Киржацкой Татьяны, 21) Тарпанова Петра, 22) Шергиной Екатерины, 23) Угол Мартыновой Пелагеи.

Обратим внимание, что современная нечётная сторона улицы Энгельса (Средней Успенской) была плотно застроена, - на сравнительно небольшом пространстве располагалось 16 усадеб.

Далее в материалах переписи говорилось: «Дома принадлежат: привилегированному сословию - 12, мещанам - 8, военному сословию - 3; все деревянные. По числу квартир (считая и занимаемую самим домовладельцем): домов об 1-й квартире - 17, о 2-х - 5, о 3-х - 1, всего квартир 30; всех печей 49. Квартир об 1-й комнате - 8, о 2-х - 8, о 3-х - 10, о 4-х - 2, о 6-ти - 2, всего комнат 74. Квартир с окнами на улицу и во двор - 16, только во двор - 14. Домов со службами деревянными - 12, с флигелями деревянными, крытыми деревом - 7, с колодцем - 15, с садом - 10, с баней чёрной - 5, с баней белой - 7.

В квартале занят торгово-промышленным учреждением 1 дом, находится бакалейная лавочка.

1) Общее число жителей в квартале было, 17 июня 1879 года, муж. 62, жен. 72, обоего пола 134. Все постоянные жители.

2) Это общее число жителей размещено было на 30 квартирах, в которых было всего комнат (считая и передние, и кухни) 74.

3) Это общее число жителей распределялось по 37 отдельным семействам. Состав семейств об одном члене: 1 м. (1), 1 ж. (4); о двух членах: 1 м. 1 ж. (9), 2 ж. (2); о

3-х членах: 2 м. 1 ж. (2), 1 м. 2 ж. (3), 3 ж. (1); о 4-х членах: 3 м. 1 ж. (1), 1 м. 3 ж. (2); о 5-ти членах: 3 м. 2 ж. (2), 2 м. 3 ж. (2), 1 м. 4 ж. (2); о 6-ти членах: 3 м. 3 ж. (1), 2 м. 4 ж.)1); о 7-ми членах: 4 м. 3 ж. (1); о 8-ми членах: 7 м. 1 ж. (1), 5 м. 3 ж. (1); о 9-ти: 7 м. 2 ж. (1).

4) По сословиям: привилегированного (дворян и чиновников) - 26 муж. 28 жен., городских сословий (купцов и мещан) - 24 м. 32 ж., сельских сословий (крестьян и башкир) - 4 м. 4 ж., военного сословия (служащих и отставных) - 8 м. 8 ж. Итого 62 м. 72 ж.

5) По вероисповеданиям: православного - 61 м. 71 ж., раскольничьего - 1 м. 1 ж.»[142].

Таким образом, перепись 1879 г. показала, что окрестности Успенской церкви были, в общем, тихим, «спальным» районом, где проживали семьи со средним достатком (многочисленные сады и бани, высокая обеспеченность комнатами), отсутствовали какие-либо крупные торгово-промышленные заведения. Встречаются представители старинных дворянских уфимских фамилий Курчеевых, Киржацких, Ахмаметьевых, Вышенских и др.

Хотя во время следующих переписей район Успенской церкви также обследовался, но таких подробных публикаций не было. Летом 1886 г. статистики обошли кварталы по Большой и Малой Успенским улицам[143]. Летом 1898 г. прошло очень детальное изучение доходности городских имуществ, из 10 районов, на которые разделили Уфу, был выделен третий, «Северный» (кварталы вдоль Малой Успенской улицы). Он находился на 6-м месте по ценам на квартиры в городе, которая здесь колебалась от 52,2 руб. до 169 руб. в год[144].

---

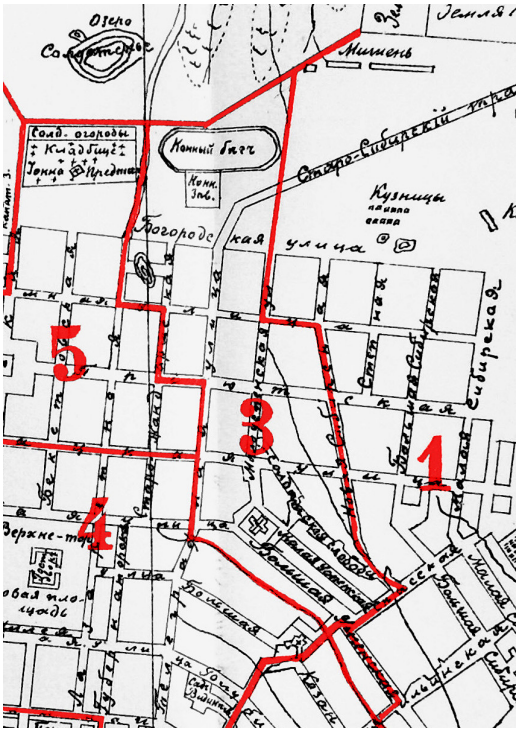
142 Там же. Отдел IV. С. 102–104, 113–117.

143 Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. I, вып. 1. Города. Казань, 1887. С. 3 и др.

144 Там же. Т. IX. Доходность городских недвижимых имуществ. Уфа, 1901. С. 3, 8–9.

Во время этой переписи собрали массу статистических данных о доходности домовладений и иных имуществ в Уфе, но сведений по конкретным улицам нет. Также не сохранились материалы переписи домовладений, квартир и населения Уфы от 8 марта 1912 г.[145] и переписи 1916 г., которую провело городское самоуправление (поэтому в 1917 г. в Уфе не состоялась перепись городских жителей)[146].

В начале XX в. уфимской полицией были составлены три списка домовладений по всем частям города. Первый появился в 1904 г. Его издание, видимо, было связано с обязательным постановлением вице-губернатора Богдановича от 7 мая 1904 г. «О нумерации домов в г. Уфе». Приведённые выше сведения переписи 1879 г. показывают, что единой нумерации тогда ещё не существовало, город был относительно невелик, жители и так знали, где и кто проживает. Лишь с бурным ростом численности населения Уфы появилась по-



145 Врачебно-санитарная хроника. (Сведения о медико-санитарной и санитарно-ветеринарной организациях города Уфы). 1913. № 1. Уфа, 1913. С. 3, 46.

146 См.: Материалы по учёту населения гор. Уфы 1916 года. Уфа, 1916.

требность пронумеровать все домовладения.

В постановлении говорились, что «все владельцы недвижимых имуществ гор. Уфы обязаны на принадлежащих им имуществах иметь однообразные дощечки с обозначением на таковых №№ домов.

Примечание: нумерация домов производится на основании следующих правил:

а) Каждая улица должна иметь свою отдельную нумерацию, причём на правой стороне улиц прибиваются нумера чётные, а на левой нечётные». Вот с этих пор и до нашего времени в Уфе северные и западные стороны улиц – нечётные, южные и восточные – чётные. Далее в постановлении отмечено:

«б) Каждое отдельное владение должно иметь особый нумер, почему два или несколько домов на одном месте должны иметь один нумер.

в) Нумер должен прибиваться на видном месте, преимущественно на воротах, а там, где их нет, - над главным входом в дом.

г) Нумер должен быть для всех домовладельцев однообразный, по образцу, утверждённому Городской Управой.

д) Нумер, попортившийся или вылинявший от времени, должен заменяться новым»[147]. Обратим внимание, что нумеровались домовладения, а не строения. На усадьбе могло находиться несколько зданий, в том числе жилых (их могли сдавать под квартиры). Это было естественно, так как почти у всех уфимских хозяев имелись бани, сараи, конюшни и иные постройки.

При составлении списка 1904 г. домовладения разделялись по левой стороне (нечётной) и правой (чётной). К этому времени проезды вокруг Успенской церк-

---

147 Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / Составили и проверяли: Пристав 1 уч. города Уфы А.Ф. Сильвестров и Помощник Пристава 2 уч. В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. III.

ви получили статус переулков, названных по именам приделов: Георгиевский (совр. ул. Дорофеева) и Михайловский (переулок им. М.Хисматуллина/бывший Детский). Далее приводим список домовладельцев / домовладений по номерам[148]. Земля была в частной собственности, принадлежала домовладельцу, а не городу.

Георгиевский переулок

левая сторона		*правая сторона*	
1	Павлов Павел Варфоломеевич, мещанин	2	Владение Успенской церкви
3	Сотников Степан Иванович, мещанин		
5	Дом Успенской церкви		

В доме № 3 по Георгиевскому переулку снимал квартиру делопроизводитель акцизного управления Виктор Евграфович Коровкин. Возможно, и другие домовладельцы пускали жильцов, но в справочнике указаны только должностные лица на государственной службе и общественные деятели. По остальным улицам квартиранты показаны внутри таблиц в скобках (кв.:...).

Михайловский переулок

левая сторона		*правая сторона*	
1	Успенская церковь	2	Пермезский Осип Андреевич, надворный советник
3	Сурнин[1] Дмитрий Кузьмич, мещанин, наследники	4	Дмитриев Дмитрий Семёнович, наследники
5	Савинская Александра Казимировна, дворянка	6	Пуртов Пётр Фёдорович, мещанин
		8	Ермолаев Кузьма Ермолаевич, отставной унтер-офицер
		10	То же
		12	Шарон Оше-Гершков, отставной унтер-офицер[2]
		14	Белов Иван Трофимович

148 Там же. С. 84–85, 184–185, 332–333, 335–338, 367, 368, 370, 371, 373–375, 378–381, 383–388.

Далее приводим список домовладений по Большой Успенской улице (со временем её начали именовать просто Успенской) от перекрестка с Телеграфной (Цюрупы) до перекрёстка со Спасской (Новомостовой).

Успенская улица

левая сторона		***правая сторона***	
67	Платонов Родион Петрович, директор тюремного комитета и директор общества взаимного кредита	70	Катенев Фёдор Иванович (кв.: *Шестаков Вас. Вас., делопроизводитель сирот. суда*)
69	Булгакова Софья Васильевна	72	Домовладение Уфимского ремесленного общества
71	Павлов Павел Варфоломеевич	74	Мерзляков Гавриил Иванович
73	Успенская церковь	76	Васильев Николай Васильевич (кв.: *Афромович Мих. Мих., губернский ветеринарный инспектор*)
75	Пермезский Иосиф Андреевич, надворный советник, губернский казначей (кв.: *Каменский Мих. Влад., член окружного суда*)	78	Сахарова Прасковья Савельевна (кв.: *Ненастьев Мих. Иван., секретарь губернского присутствия*)
77	Гладышева Мария Ильинишна (кв.: *Попов Анатолий Алексеевич, преподаватель Мариинской женской гимназии*)	80	Нагаткина Анна Александровна (кв.: *Долженко*[3] *Алексей Саввич, младший инженер губернского правления*)

79	Гладышев Константин Степанович (Гладышев Пётр Степ., секретарь комитета губернского музея)	82	Клементьева Антонина Ивановна, наследники
81	Сахаров Николай Авдеевич, наследники	84	Дом Успенской церкви (Константиновский Вик. Ст., законоучитель 2 городского 4-х классного училища)
83	То же	86	Каврайский Александр Михайлович
85	Сахарова Татьяна Александровна	88	Прохоров Кузьма Осипович (кв.: *Кувайцев Никита Григ., частный поверенный;* *Черниченков Алексей Мих., помошник секретаря окружного суда*
87	Лазарев Василий Зотович	90	Знаменский Сергей Парфёнович, врач городской больницы и 2 женской гимназии
89	Борзенкова Екатерина Николаевна	92	Новикова Наталья Платоновна (кв.: *Буткевич Викт. Вас., счетовод, чиновник контрольной палаты*)
91	Тетеревникова Надежда, наследники	94	Сергеев Кузьма Петрович

1 - Здесь и далее сноски №№ 1-5 смотри в конце книги.

93	Филиппова Ирина Николаевна	96	Шутова Хиония Авдеевна (Шутов Пав. Александр., столоначальник консистории)
95	Васильев Василий Павлович	98	Кондратьева Евгения Петровна (кв.: *Митюшин Фёдор Вас., помощник архивариуса губернского правления*)
97	Сазонов Меркурий Лазаревич, наследники	100	Казаринов Дмитрий Николаевич
99	То же	102	Мелькичов Пётр Егорович
		104	Долженко Алексей Саввич
		106	Волкова Евдокия Степановна
		108	Каковихина Мария Николаевна
		110	Бабина Евдокия Динисовна (кв.: *Кадыргулов Суфиан Абд., переводчик магометанского духовного собрания*)
		112	Кожевников Пётр Фёдорович

По правой (чётной) стороне Большой Успенской, примыкавшей к оврагу, находилось значительно больше домовладений меньшего размера и более низкого уровня жизни. Если по левой стороне всего в двух домах жили квартиранты-чиновники, то справа – в восьми. Напомним, что жильцы, не состоявшие на службе, в списке 1904 г. не учитывались. Квартирантов наверняка пускали многие из здешних домовладельцев.

Интересно сравнить состав собственников участков на Большой Успенской в 1904 и в 1879 гг. (см. выше).

За прошедшие четверть века участки могли как дробиться, так и объединяться. Но разница между левой и правой (нечётной и чётной) сторонами Большой Успенской видна воочию. Слева к 1904 г. сменились почти все владельцы, кроме двух фамилий: Гладышевы и Сахаровы (в данных за 1879 г. упоминается Сокоров Николай, скорее всего, это Сахаров Николай Авдеевич). Все прочие – это новые семейства (смена фамилий у женщин не учитывается). Усадьбу Озерецковских на углу Успенской и Телеграфной купил богатый купец Р.П. Платонов, выстроивший там внушительный особняк из красного кирпича, до сих пор возвышающийся над улицей революционера Цюрупы.

Зато справа за 25 лет, с 1879 по 1904 гг., сохранились семейные усадьбы Васильевых, Сахаровых, Прохоровых, Шутовых, Кондратьевых, Волковых и Кожевникова Петра. Наверняка цена на земельные участки с правой стороны Большой Успенской была значительно ниже из-за соседства с оврагом, собственность же на левой (нечётной) стороне стоила выше, поэтому тут обосновались солидные персоны - от преуспевавшего предпринимателя Р.П. Платонова до губернского казначея И.А. Пермезского, а внизу, на углу с улицей Спасской (Новомостовой), возникло огромное владение купцов-старообрядцев Сазоновых.

Успенская малая улица

левая сторона		***правая сторона***	
1	Пуртов Пётр Фёдорович	2	Дмитриев Дмитрий Семёнович
3	Паспеев (Поспеев) Павел Михайлович, помощник кассира 3 разряда госбанка (Поспеев Аркад. Мих., бухгалтер 1 разряда губернского казначейства)	4	Мышкина Антонина Ивановна, дочь священника

5	Погажельская Елена Константиновна, дворянка	6	Петрова Вера Парамоновна
7	Петрова Евдокия Александровна, мещанка (кв.: *Зябкин Тимоф. Алек, помощник бухгалтера 2 разряда поземельного банка*)	8	Калугина Елизавета Лаврентьевна, жена штабс-капитана
9	Веретенников Александр Яковлевич, статский советник	10	Якушев Иван Игнатьевич (Якушев Александр Ив., кассир казначейства; Якушев Ив. Ив., бухгалтер общества взаимного кредита)
11	Курчеева Александра Ефимовна	12	Иванова Анастасия Александровна
13	Гордеева Наталья Фёдоровна	14	Траппер Александр Карлович, дворянин
15	Осинцева Матрёна Николаевна (кв.: *Соболев Никол. Иван., помощник правителя канцелярии губернатора*)	16	Аладьин Александр Андреевич
17	Благин Степан Семёнович	18	Кабанова Прасковья Алексеевна
19	То же	20	Трампнау Любовь Ивановна, жена надворного советника (кв.: *Фролов Ив. Ал-ев., помощник бухгалтера госбанка*)
21	Бочков Андрей Фёдорович	22	Сазонов Сергей Лазаревич, наследники
23	Минеева Софья Ивановна	24	Завадская Евгения Яковлевна

25	Николаева Ирина Романовна	26	Сазонов Сергей Лазаревич, наследники
27	Катеринкин Сергей Дмитриевич		
29	Гребеньщикова Серафима Петровна		
31	Катанская Елена Николаевна (кв. *Сушков Ив. Григ., судебный пристав окружного суда*)		
33	Сушкова Раиса Григорьевна		

На тихой Малой Успенской жил народ со средним достатком, квартирантов пускали, видимо, меньше. За прошедшие 25 лет, с 1879 по 1904 гг., многие семейства никуда отсюда не уехали (Поспеевы, Погажельские(?), Курчеевы, Николаевы, Дмитриевы, Аладьины и Трампнау), бухгалтеры и кассиры, статские советники и офицерские жёны имели средства, чтобы проживать в тихом уединённом уголке Уфы. Примерно к началу 1880-х гг. здесь обосновался А.К. Траппер[149]. В 1876 г. он возглавил межевой отдел Уфимской губернской управы, под его руководством была измерена вся территория края, составлялись бесчисленные карты и планы, собирались сведения как раз по частной земельной собственности. Власти в 1891 г. отмечали, что межевой отдел во главе с землемером А.К. Траппером «находится в образцовом порядке»[150].

149 А.К. Траппер, титулярный советник, бирский уездный землемер (Адрес-календарь лиц, служащих в Уфимской губернии. (К Памятной книжке Уфимской губернии) / Сост. П.Г. Резанцовым. Уфа, 1873. С. 62).

150 *Григорьев П.Н.* Систематический сводный сборник постановлений Уфимского Губернского Земского Собрания за 35-летие 1875–1909 гг. Т. I. Уфа, 1915. С. 603–605. См. также: История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т. I. Уфа, 2006. С. 109–110 (автор Г.Б. Азаматова).

В 1908 и 1911 гг. уфимская полиция вновь собрала информацию обо всех уфимских владельцах земельных имуществ. В Георгиевском переулке всё оставалось по-старому, только в 1911 г. владельцем участка № 1 стал Феодор Павлович Павлов. Среди квартирантов 1908 г. были диакон Успенской церкви Пётр Степанович Колокольцов (снимал жильё в доме № 5, то есть при самом храме, что зафиксировала и перепись 1911 г.), а частный поверенный Никита Григорьевич Кувайцев принимал нуждавшихся в юридических услугах в доме № 3. В 1911 г. в доме № 3 проживала также Бочкарёва Евгения Петровна – учительница 6-го приходского училища.

В Михайловском переулке домовладение под № 3 с 1908 г. принадлежало уже Максиму Дмитриевичу Сурнину. Пуртов к 1911 г. уступил свой участок Евфимовой Елизавете Алексеевне, домовладения № 8 и № 10 к 1908 г. оказались в руках Пахомовой Дарии Сильвестровны, 12-е домовладение в 1908 г. числилось за наследниками А.С. Иванова, а в 1911 г. принадлежало Петру Ивановичу Иванову. Хозяин 14-го домовладения И.Т. Белов скончался к 1908 г. (земля была у наследников), в 1911 г. единоличной собственницей стала Анна Максимовна Белова.

Сведения за 1908 и 1911 гг. о проживавших на улице Успенской приведены в таблице и последующих комментариях[151].

151 Справочная книга г. Уфы с приложением плана. Уфа, 1908. С. 38, 93, 160–162, 178, 181–183, 185–191, 193–197, 199, 201–202, 205–206, 208–209, 215, 217, 220; Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 41, 98–99, 172–174, 191–192, 194, 196–197, 199–200, 202–203, 208–213, 216, 219, 222–223, 226, 228, 230, 232, 235, 238, 241, 243, 246, 249, 251, 253; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. Уфа, 1908. С. 23–25, 27, 29, 30, 32–40, 41, 43–46, 49, 51, 59, 83; Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа, 1911. С. 25, 30, 33, 35, 38, 40, 43, 46, 50, 51, 53; Адрес-календарь Уфимской

Успенская улица

нечётная сторона		чётная сторона	
67	Платоновы Р.П. и А.Е. (кв.: *Удалов Н.И., 1908–1911 гг.*)	70	Катенева Юлия Николаевна
69	Филиппович Елизавета Егоровна (Георгиевна в 1911 г.)	72	Помещение Уфимского ремесленного общества
71	Павлов Феодор Павлович (Павлова Надежда Константиновна, фельдшерица, 1908–1911 гг.)	74	Мерзляков Гавриил Иванович
73	Успенская церковь (Катанский Александр Феодорович, диакон Успенской церкви, 1908 г.)	76	Васильев Николай Васильевич (кв.: *Григорьев А.Ф.* – в 1908 г., *Степанов Александр Михайлович* – в 1911 г.)
73[1]	Водоразборная будка[4]		
75	Пермезский Осип (Иосиф) Андреевич (кв.: *Девятов В.И.; Каминский М.В. – в 1908 г.; Гладышев П.С., Ивановский Е.А.- в 1911 г.*)	78	Сахарова Прасковья Савельевна (кв.: *Есипов П.В. - в 1908 г.*)
77	Гладышев Порфирий Степанович – в 1908 г. Пискунов Григорий Васильевич – в 1911 г.	80	Попов Александр Иванович, штабс-капитан 243 златоустовского резервного батальона

губернии на 1914 год. Уфа, 1914. С. 70, 83, 86; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917. С. 69, 82; *Гуляев А.А.* Иллюстрированная Уфа. (Уфа в прошлом и настоящем). Уфа, 1914. С. 149, 154, 155, 159, 177, 181.

79	Гладышев Константин Степанович	82	Клементьева А.И., наследники (кв.: *Листовский П.С. – в 1908 г.; Новиков Л.А.; Обухов С.Н., Обухова О.В. – в 1911 г.)*
81	Сахарова Татиана Александровна	84	Дом Успенской церкви (Константиновский В.С.)
83	То же (кв.: *хлебопекарня Н.С. Макарова в 1911 г.*)	86	Каврайский Александр Михайлович
85	То же (кв.: *Басеник Т.И. - в 1908 и 1911 гг.; Буткевич В.П. - в 1911 г.*)	88	Прохоров К.О. наследники (кв.: *Кринари А.П., Сухотина А.А. – в 1908 г.; Кувайцев Н.Г. – в 1911 г.*)
87	Лазаревы В.З. и А.М.- в 1908 г., Лазарева Анна Васильевна - в 1911 г.	90	Знаменский Сергей Парфёнович (кв.: *Шипова О.Е.; Канаев Л.И. – в 1911 г.*)
89	Тавлинова Александра Степановна	92	Новиков Леонид Акимович
91	Цибульский Осип Иванович	94	Сергеев Кузьма Петрович
93	Филиппова Ирина Николаевна- в 1908 г., в 1911 г. - её наследники (кв.: *Мерзляков Николай Мих., помощник делопроизводителя отдела уездной земской управы - в 1908 и 1911 гг.*)	96	Шутова Хиония Авдеевна (Шутов Пав. Александр., столоначальник духовной консистории – в 1908 г.)

95	Васильев Василий Павлович	98	Кондратьева Евгения Петровна (кв.: *Словохотов В.А. – в 1908 и 1911 г..; Петров А.К. - 1911 г.*)
97	Сазоновы М.С. и И.М. - 1908 г., Сазонов Сергей Лазаревич- в 1911 г. (кв.: Губернская землеустроительная комиссия – в 1911 г.)	100	Казаринов Дмитрий Николаевич
99	Сазонов Сергей Лазаревич и наследники Сазонова А.Л. (Акилины Логиновны Сазоновой(?))- в 1908 г., Сазоновы Мария Савельевна и Иван Маркелович - в 1911 г. (кв.: *Ведерников Д.А.*)	102	Мелькичев Пётр Григорьевич (кв.: *Орлов Александр Петрович, уездный землемер*)
		104	Гирш Николай Николаевич, в 1911 г. добавлено[5]
		106	Волков Виктор Осипович (Иосифович)
		108	Каковихина Мария Николаевна - в 1908 г., Бабина Евдокия Дионисьевна – в 1911 г.
		110	Бабина Евдокия Дионис.
		112	Кожевников Пётр Фёдорович

Хотя в начале XX в. на Большой Успенской происходили немалые изменения в составе владельцев участков (купля-продажа, переход по наследству и пр.), основная часть собственников сохранила свои (или внутри семьи) владения. Некоторые жители приобретали участки соседей (Сахарова, Бабина), за скупой информацией чувствуются ожесточенные распри родственников за об-

ладание недвижимостью. Отметим рост по сравнению с 1904 г. количества сдачи квартир в аренду. Даже состоятельные лица (Пермезский и др.) пускают квартирантов, среди которых много интеллигенции - судьи, бухгалтеры. Они снимали не одну, а сразу несколько комнат. Тихий уголок в центре Уфы становится привлекательным для «инвесторов», и владелица трёх участков г-жа Т.А. Сахарова сдает один дом под хлебопекарню, второй под жильё. И это без учёта неслужащих и не попавших в справочник семей, которых, без сомнения, было больше, чем перечисленных квартиросъёмщиков. Кроме того, в начале XX в. происходит рост этажности-как грибы растут двухэтажные «доходные» дома. До сих пор еще стоят деревянные, в два этажа, здания № 99 и 101 (дома Прохоровых, современная нумерация), такие же - на противоположной стороне Коммунистической, один сохранился на Энгельса.

Итак, тёплым весенним днем отправимся на прогулку вниз по Большой Успенской от перекрёстка с улицей Телеграфной (Цюрупы) и пойдём по нечётной, «богатой» стороне, от внушительного краснокирпичного особняка Платонова, где нынче обосновались служители Фемиды. Обратим внимание, что к 1908 г. земля находилась в собственности обоих супругов Платоновых, а не одного Родиона Петровича (В конце XIX в. на усадьбе проживало семейство Озерецковских. Приехавший из Рыбинска В.И. Озерецковский в 1870–1878 гг. служил губернским инженером)[152]. Есть сведения, что супруги имели отдельный бизнес. Выше от этого перекрёстка (по Коммунистической) кипела и бурлила жизнь, там вплотную располагались гостиницы и магазины, конторы и различные заведения. Постепенно этот предпринимательский мир «сползал» вниз по Успенской, где земля была дешевле. В огромном особняке Платоновых размещалась «конфектно-пряничная» фабрика и

152 *Семёнова С.Ю.* Указ. соч. С. 39.

«винно-колониальная» торговля. Старожилы ещё помнят большой зал магазина (овощного – во второй пол. XX в.), куда заходили с торца здания. По рассказам краеведов, когда в конце 1990-х гг. нынешние хозяева делали ремонт, с чердака было выброшено много дореволюционной документации (накладные и т. д.).

Сам же Родион Петрович Платонов был не только успешным предпринимателем, за что избирался одним из директоров Общества взаимного кредита (небольшой уфимский банк), но и активным общественным деятелем. Он состоял членом Городского по квартирному налогу присутствия, занимался благотворительностью, что в те времена подтверждало принадлежность к правящей элите. Уфимский купец являлся членом комитета Попечительного общества о тюрьмах (вдруг посадят, - шутка), а также одним из директоров приютов Губернского попечительства о детских приютах. Но, несмотря на большие доходы, Платонов пускал квартирантов. В эти годы у него снимал жильё коллежский регистратор, делопроизводитель Губернского распорядительного комитета Николай Иванович Удалов.

Улица Телеграфная (Цюрупы) до перекрёстка с Большой Успенской была выложена булыжником, дальше, в сторону Богородской (Революционной), ее стали мостить с 1910 г.[153] На углу Телеграфной и Успенской примерно с 1903 г. «арендаторша городских колонн, витрин и киосков» Н.И. Богомазова поставила железную колонну для расклейки рекламных афиш и объявлений[154]. Вдоль домов в начале XX в. существовали каменные тротуары. Так, 20 мая 1900 г. подрядчику Хакимову было «выдано 28 р. за мощение тротуара на

---

153 Журналы Уфимской Городской Думы. 1910 г. Уфа, 1911. С. 319.

154 Журналы Уфимской Городской Думы. 1903 г. Уфа, 1904. С. 220–221.

Мало-Успенской ул.»[155]. Для мощения уфимских улиц город получил право собирать особый сбор с транзитных грузов, которые шли через р. Белую по плашкоутному мосту. Среди замощённых улиц значились Большая Успенская на участке от Телеграфной до Посадской (770 погонных сажен, стоимость мощения 46 200 руб.), Церковная и Георгиевский переулок, Михайловский переулок от Большой Успенской до Церковной (70 саж., 1750 руб.), а также Малая Успенская от Михайловского переулка до Спасской (210 саж., 5250 руб.)[156].

Миновав усадьбу Е.Е. Филиппович, представительницы славного дворянского рода, восходившего к знаменитому семейству Осоргиных, мы достигаем углового владения Ф.П. Павлова. И сюда проникла жажда чистогана. В рекламных объявлениях за 1911 г. находим: «Феодор Павлович Павлов, торговля дровами и кирпичом своего завода, Успенская, 71». Кроме того, тут принимала больных фельдшерица Н.К. Павлова, а в 1914 г. по данному адресу указан Д.Н. Попов: «Внутренние, детские болезни, приём с 4 до 6 часов вечера. Телефон № 361». На Успенскую пришла современная связь.

Пересекаем Георгиевский переулок, и перед нами окружённая разросшимися деревьями Успенская церковь, куда уже пришло электричество. В планах городских работ на 1914 г. значилось: «освещение лампочкой накаливания» ряда улиц, в том числе «и около Успенской церкви»[157]. Все эти годы, вплоть до рокового семнадцатого, здесь служил протоиерей (главный священник) Александр Семёнович Надеждин. Жил он по улице Церковной-3, а недалеко, на Церковной-7,

---

155 Там же. С. 342.

156 Справочник по Уфимскому Городскому Общественному Управлению. Уфа, 1915. С. 4–5.

157 Смета доходов и расходов гор. Уфы на 1914 год. Уфа, 1914. С. 158.

находилась церковно-приходская школа Успенской церкви[158]. В 1908 г. Надеждин являлся членом и казначеем Епархиального училищного совета. Вторым священником был Виктор Стефанович Константиновский, игравший в 1908 г. значительную роль в жизни местного духовенства. Он исполнял обязанности благочинного приходских церквей Уфы, председателя Уездного отделения Епархиального училищного совета и преподовал закон Божий во втором четырёхклассном училище. В 1917 г. третьим священником в Успенском храме служил о. Вениамин Пинегин.

Переходим Михайловский переулок и «натыкаемся» на водоразборную будку. Сейчас на подобный «декор» городского ландшафта никто и внимания не обратит, а тогда это был чрезвычайно важный объект. Испытывавшая постоянные проблемы с водой Уфа вздохнула с облегчением, когда в 1898–1899 гг. Городская Дума решила вести водопровод из Белой. По улице Успенской тоже запланировали прокладку трассы, а возле Успенской церкви спроектировали одну из четырёх в Уфе будок бочечного водоразбора (остальные были ручные). «Будки бочечных водоразборных кранов должны быть каменные, – планировала водопроводная комиссия. –

158 В марте 1910 г. заведующий Успенской церковно-приходской школой обратился в Уфимскую Городскую Думу с ходатайством «об оказании пособия на содержание» школы в размере 370 руб. Гласный (депутат) Думы И.Е. Иванов – староста Успенской церкви – добавил, что ему «хорошо известно, что определённых средств у Успенской церковно-приходской школы нет и не было». Однако Дума выяснила, что «Успенская школа имеет обеспечение от церкви и приходского попечительства 91 р., от сада и огорода 50 р. и от катафалка с лишком 50 р.» (на 1908 г.), а «в настоящее время при школе учреждено братство, в которое поступило на содержание школы в текущем году более 200 руб.». Дума посчитала Успенскую школу обеспеченной и денег не дала (Журналы Уфимской Городской Думы. 1910г. С. 86, 96–97).

В них помещается кранщик дневного разбора воды. В ночные часы бочечные водоразборы закрыты»[159]. Трасса водопровода шла по улице сверху. Линию в 156 сажень провели от дома Сырцова (Успенская, 68, выше перекрёстка с Телеграфной) до Успенской церкви в 1902 г. Работу исполнил подрядчик Гутман (трубы в 6”)[160]. Здесь не случайно поставили будку, а не обычную колонку. Т.к. дальше, вниз по Успенской, водопровод не проложили, жители нижних кварталов запасали здесь воду большими объёмами (бочками).

Сразу за Михайловским переулком нашему взору открывается угловая усадьба самого Иосифа Андреевича Пермезского. Служил статский советник, пятый чин в табели о рангах, не где-нибудь, а в Губернском казначействе, и самим Казначеем, руководителем то бишь. Казённое финансирование региона, все финансовые «потоки» проходили через его руки. Про жалование можно не упоминать. Как всякий представитель тогдашней элиты, занимался благотворительностью и по «специальности»: являлся членом-казначеем Попечительного о бедных комитета Императорского Человеколюбивого общества, казначеем-распорядителем комитета Дамского отделения Попечительного о бедных комитета.

Домовладение Пермезского, скорее всего, представляло собой либо двухэтажный дом, либо комплекс строений, так как у такого состоятельного чиновника постоянно жили квартиранты. И не простые. В 1908 г. здесь снимали жильё члены Окружного суда - надворный советник Виктор Иванович Девятов (по 1911 г.) и статский советник Михаил Владимирович Каминский с супругой Верой Николаевной. Каминский ещё преподавал законоведение в Уфимском землемерном учи-

---

159 *Кирпичников С.М.* Об источниках для водоснабжения города Уфы и об анализах воды. Уфа, 1899. С. 51, 59–60.
160 Журналы Уфимской Городской Думы. 1903 г. С. 157.

лице и там же состоял членом Общества вспоможения нуждающимся ученикам данного учебного заведения. Влиятельные юристы получали хорошее жалование и наверняка арендовали обширные апартаменты у Пермезского.

Через три года освободившуюся жилплощадь занял другой член Окружного суда надворный советник Евгений Алексеевич Ивановский, а рядом скромно поселился… сосед, живший буквально через забор, Порфирий Степанович Гладышев. Несмотря на немалые доходы, главный казначей Уфимской губернии не отказывался от дополнительной ренты с квартирантов.

Спускаемся далее вниз по Успенской. Перед нами неказистые заборы и скромные обветшалые особняки под номерами 77 и 79. Славный дворянский род Гладышевых ведёт свою уфимскую летопись аж с XVII в., но к началу 1900-х гг. его представители не преуспевали: поместья давно распроданы, и среди уфимских чиновников они не значатся. Лишь Порфирий Степанович вёл активную деятельность. Он был членом губернского статистического комитета, занимал важный пост члена-секретаря комитета Уфимского губернского музея, чей преемник – Национальный музей РБ – гордо красуется по улице Губернаторской (Советской). Музейный комитет в основном состоял из «свадебных генералов», местных тузов, благодетельствовавших культуре время от времени. А вся конкретная работа по содержанию музея (он находился на Верхне-Торговой площади, здание сохранилось и ныне находится на улице Пушкина, выше театра) лежала на секретаре. Во второй половине XIX в. это место занимал знаменитый в уфимской культурной среде Николай Александрович Гурвич. А в последние мирные годы все музейные хлопоты лежали на Порфирии Степановиче: отопление и жалование сторожам и смотрителям, приём экспонатов, работа с посетителями, - должность как раз для

бедного дворянчика, готового «вкалывать за бесплатно». Именно этим и объясняется казус, что в 1911 г. музейщик переехал жить к богатому соседу. Свой дом он продал Г.В. Пискунову. В книжке Гуляева встречаем рекламу: «Торговля Пискуновой – дорожные вещи» (адрес: Большая Успенская).

Миновав «фазенду» его более приземлённого и скупого брата К.С. Гладышева, упираемся в хозяйство домовладелицы, прибравшей к рукам целых три усадьбы подряд. Сахаровы – тутошние, «коренные» жильцы, а Татьяна Александровна «вырвала» у родни после 1904 г. ещё два участка. Можно предположить, что в доме под № 81 она проживала сама, остальные сдавала внаём. В 1911 г. в доме № 83 появилась даже хлебопекарня Н.С. Макарова, единственное «предприятие» на всю округу. Следующий дом был заселён квартирантами. С 1908 г. известен один постоянный обитатель – Трофим Иосифович Басеник, регент (руководитель церковного хора) Успенского храма, остальные, видимо, были людьми нечиновными, в справочники не попадавшими (и с доходами поскромнее). В 1911 г. появился более-менее состоятельный жилец - надворный советник Василий Павлович Буткевич, младший контролёр акцизного управления, являвшийся членом, секретарём и казначеем отделения Попечительства о слепых. Судя по персоналиям, дом № 85 был из рядовых.

Чем ниже спускаемся по Успенской, тем ниже падает стоимость участков, и обитатели этих мест ничем в истории не «засветились» - пока. Но это обманчивое впечатление. Даже за перекрёстком со Спасской (Новомостовой) можно было найти крупные купеческие владения. Здешние усадьбы привлекали любителей более уединённого образа жизни, вдали от шума городского. Улица Успенская была спокойная, потоков транспорта почти не было, с одной стороны кругом овраги, а внизу выход на Посадскую и речку Сутолоку, чего

туда ездить-то. Так, маршруты курсировавших в начале XX в. по Уфе 6–8-местных дилижансов пролегали по соседней Большой Казанской, но не по Успенской, остановка была возле Спасской церкви.[161]

Про усадьбы Лазаревых, Тавлиновой, Цибульского, Васильева сказать нечего. У Филипповых квартировал скромный уездный чиновник Н.М. Мерзляков. Наверняка другой Г.И. Мерзляков, обитавший на противоположной стороне Успенской, рекомендовал ему здесь поселиться. От усадьбы В.П. Васильева поныне сохранились два деревянных жилых дома (современная нумерации 99 и 101).

А на углу со Спасской две усадьбы принадлежали влиятельному клану купцов-старообрядцев Сазоновых. Это были огромные владения, занимавшие всё пространство до улицы Энгельса. Сейчас на их землях, кроме уцелевшего кирпичного особняка Сазоновых, разместилось несколько высотных зданий. Место как раз для любителей старинной, несуетной жизни, подальше от табашников и долгогривых никониан.

Видимо, к 1911 г. внутрисемейные разборки Сазоновых закончились, и обе усадьбы сдавались внаём. В доме № 97 обосновалось даже учреждение - Губернская землеустроительная комиссия. По стране семимильными шагами шла Столыпинская реформа, чиновничий аппарат был большой, требовались помещения. Из дома № 97 и летели депеши: «Хутора, хутора и ещё раз хутора!»

А непременным членом (постоянно состоящий в штате чиновник) этой самой Губернской землеустроительной комиссии являлся коллежский советник Дмитрий Аполлонович Ведерников. Чтобы на работу далеко не ходить, он и снял в аренду жильё в соседнем доме № 99. Лицо это было не просто важное, а прибли-

161 Журналы Уфимской городской Думы. 1902 г. Уфа, 1903. С. 52.

жённое к самому тогдашнему уфимскому губернатору А.С.Ключарёву, большому поклоннику Столыпинской реформы и модернизации вечно отсталого сельского хозяйства. Возле Юматово был заложен хутор Ключарёво, позже рядом возникла железнодорожная станция Ключарёво (ныне Пионерская). Там была организована Практическая школа огородничества и пчеловодства имени А.С. Ключарёва - вот так скромно нарекли. Попечителем школы, не надо ходить к гадалке, – любимого детища «первого» лица региона и являлся Д.А. Ведерников. Ну, а зарплаты, чтобы снять особняк купцов Сазоновых, кто бы сомневался, хватало.

Разобраться в хитросплетениях землевладельцев Сазоновых помогает присутствие в этой семье… террориста. «15 июля 1904 г. в Петербурге, на Измайловском проспекте, молодой человек, одетый в форму железнодорожного служащего, бросил бомбу в карету, в которой ехал министр внутренних дел, статс-секретарь В.К. фон Плеве. Министр был убит на месте. Сам же, бросивший бомбу, – тяжело ранен и арестован». Убийцей оказался сын уфимского купца Егор Сергеевич Созонов[162]. Он являлся боевиком печально знаменитой Боевой организации партии эсеров (социалистов-революционеров), во главе которой стоял Борис Савинков. Именно Егору Сазонову (фамилию писали и через «о»), известному под кличкой «Авель», поручили совершить теракт. Он подбежал к карете и швырнул внутрь бомбу, разорвавшую министра на куски[163].

Егор Сазонов (1879–1910) был одной из самых известных фигур революционного террора в России начала XX столетия. Ещё в Уфе он «спутался» с революционерами, в 1901 г. был арестован за хранение неле-

---

162 *Козьмин Б.* Е.С. Созонов и его письма к родным // Письма Егора Созонова к родным 1895–1910 гг. [М.,] 1925. С. 7.
163 *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917 гг. / Пер. с англ. Е. Дорман. М., 1997. С. 79.

гальной литературы и сослан в Восточную Сибирь, но бежал с дороги, оказался за границей. После теракта – каторга, на которой он и покончил жизнь самоубийством 28 ноября 1910 г. в знак протеста против избиений заключённых.

Как вспоминала мать боевика - Акилина Логиновна, «простая, малообразованная, бесхитростная женщина», когда сыну «исполнилось 10 лет, мы переехали в Уфу»[164]. Выходцы из крестьян-старообрядцев Вятской губернии Сазоновы занимались лесным делом (заготавливали и сплавляли вниз по Белой на Волгу лесные материалы), поэтому в 1889 г. и прибыли в Уфу. Облик отца – Сергея Лазаревича Сазонова оставил адвокат, защищавший террориста на суде: «Рослый, статный, пятидесятилетний крепыш, в сапогах «бутылками» и длиннополом сюртуке, с красивым смуглым лицом иконописного склада, – на него нельзя было не обратить внимание. Он тотчас выделялся из толпы, производя впечатление силы и выдержки»[165]. Но в Уфу перебралась не только семья Сергея Лазаревича. По данным за 1904 г., угловая усадьба на перекрёстке Большой Успенской и Спасской принадлежала Меркурию Лазаревичу Сазонову, надо полагать, родному брату лесоторговца, который прикупил на Малой Успенской два соседних участка.

В письме из Уфы брату Зоту 11 ноября 1895 г. гимназист Егор Сазонов сообщал, что «для кабинета заказали диван и два кресла, через неделю сделают. Купили также гардероб ильмовый, под дуб, лучше тётенькинова. Буфет Антон ещё и сейчас не сделал. Купили Алексеевский дом за 6000 р. Не знаю, кто-то в нём будет жить, или Меркурий, или Антон»[166]. В Уфе обосновался

---

164 Егор Сергеевич Созонов по воспоминаниям его матери // Письма Егора Созонова к родным 1895–1910 гг. С. 47.
165 *Козьмин Б.* Указ. соч. С. 10.
166 Письма Е. Созонова 1895–1910 гг. // Письма Егора

целый «клан» родственников. Обратим внимание, что в 1904 г. все четыре усадьбы братьев Сергея и Меркурия Сазоновых считались собственностью наследников. Возможно, предприниматели оформляли землю на детей и жён с какой-то целью.

Между 1908 и 1911 гг. совершился родственный размен. Отцу террориста – Сергею Лазаревичу - досталась единственная усадьба по Большой Успенской, 97, а остальные участки по Большой (№ 99) и Малой (№ 22, 26) Успенским улицам оказались в руках Марии Савельевны и Ивана Маркеловича Сазоновых. Возможно, сказалась семейная драма – преступление, арест и гибель сына Сергея Лазаревича. Постаревший отец отходит от бизнеса, и основное дело уходит к родне.

Семья Сазоновых была совершенно нормальная. Жандармы, характеризуя облик Егора-Авеля, рапортовали, что «отец его - местный лесопромышленник, личность здесь известная, пользуется большим уважением в обществе, и как он, так и вся семья – высоких нравственных качеств; политическая же благонадёжность вне всяких сомнений». Да и сам террорист в письме отмечал: «Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца». После самоубийства Егора Сазонова Сергей Лазаревич обратился к главе правительства за разрешением «похоронить на родине прах сына по старообрядческому обряду религии предков наших», что «одно может спасти убитых горем родителей». П.А. Столыпин отказал[167]. Лишь после февральской революции 1917 г. останки боевика привезут в Уфу и торжественно захоронят. В советское время факт проживания этого юноши на Большой Успенской «увековечат» переименованием её в улицу Егора Сазонова. Террорист «дожил» в топонимике Уфы до наших дней. В «старой» Уфе существует другая улица Егора Сазонова.

Созонова к родным 1895–1910 гг. С. 70.

167 *Козьмин Б.* Указ. соч. С. 10, 43.

Она идёт параллельно Сочинской слева от моста через Сутолоку. В стародавние времена сия улочка называлась Будановской в честь атамана уфимских казаков.

Ссыльного писателя-народовольца С.Я. Елпатьевского удивляли уфимские купцы, в большинстве «пришлые и сами себя сделавшие… была в них доля вольного духа. Я потом узнал, что уфимские купцы укрывали у себя террористов, которых разыскивали по всей России, и не мешали своим сыновьям и дочерям идти в революционное движение. Из детей этих купцов образовался впоследствии кружок революционеров-террористов, из этой среды вышел Сазонов, Прокофьевы и др.»[168] (Мария Алексеевная Прокофьева – невеста Егора Сазонова).

Акилина Логиновна Сазонова вспоминала, что сын сначала «учился год в частной гимназии, а потом сдавал экзамен во 2-й класс правительственной, но провалился, и его приняли в 1-й, где он просидел два года. Егор страшно горевал и плакал, но один из учителей ему сказал: «Не плачь, Созонов, просидишь 2 года, тебе потом легче будет». И правда: с каждым годом ему было учиться всё легче и легче. Увлекался он чтением. Спрячется с книгой и сидит тихонько целыми часами. Долго приходилось его искать, найдёшь где-нибудь на сеновале и отберёшь книгу. Учился Егор всегда без репетиторов и учителей, хотя ученье ему давалось трудно, но он был усидчив и прилежен и не отставал от других. В гимназии вёл себя тихо, за что учителя его любили и ставили в пример другим. С 4 класса Егор стал учиться лучше и потом всё время был первым учеником. В старших классах он готовил бедных учеников бесплатно, но не говорил об этом нам. Гимназию окончил в 20 лет. Тогда ещё он не интересовался ни революционной литературой, ни самой революцией, а думал о путеше-

168 *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа, 1984. С. 94.

ствиях в далёкие страны. Егор в это время был очень весёлым и живым, и в то же время ласковым и отзывчивым человеком, жалел и помогал бедным знакомым деньгами и советами. На следующую зиму после окончания гимназии он поехал учиться в Москву. За неимением мест на медицинском факультете он поступил на юридический с тем, чтобы на следующий год перейти на медицинский. На лето и рождество он приезжал к нам в Уфу. У нас была лесная торговля, и он иногда ездил по делам в Саратов или Чистополь. Из Москвы он привозил корни цветов и ягодные кусты. В Уфе он развёл сад, ухаживал сам за ним целыми днями, по вечерам он мне часто читал вслух»[169].

С каторги в Забайкалье 31 мая 1908 г. Егор Сазонов писал на Большую Успенскую: «Мысленно обхожу каждый уголок нашего дома, наших роскошных садов, да, роскошных! Только теперь понял всю их прелесть. Веришь ли, я отсюда слышу запах наших сиреней, погружаю своё лицо в ароматное море жасминов. И всюду, всюду я чувствую присутствие моей милой мамочки. Вот я рву цветы, взлелеянные моей собственной рукой, и несу их тебе в дар, моя горячо любимая мама!»[170].

Постояв на перекрёстке с Новомостовой (Спасской) и подумав о бренности нашей жизни, дальше вниз не пойдём, а вернёмся к началу нашего маршрута и перебежим через Коммунистическую на светофор у дома Платонова. Мы оказались возле большой угловой усадьбы, где находились знаменитые в Уфе торговые бани. Основательно упершись в землю, они простояли вплоть до 2013 г. Здесь мылись и парились, хлестались веником и пили янтарное видинеевское пиво с красными жирными раками из самой Дёмы. В эти годы хозяйкой бизнеса и земли под ним являлась Юлия Николаевна

---

169 Егор Сергеевич Созонов по воспоминаниям его матери // Письма Егора Созонова к родным 1895–1910 гг. С. 47–48.
170 Письма Е. Созонова 1895–1910 гг. // Там же. С. 175.

Котенева (Телеграфная, 32/ Большая Успенская, 70).

Общественные бани играли очень важную роль. Проблема медико-санитарного состояния города обострилась к началу XX в., когда население Уфы достигло 100 тысяч жителей. Так, на Большой и Малой Успенской отмечались случаи заболевания малярией и брюшным тифом[171], в августе – сентябре 1911 г. врачи обошли 168 дворов по Большой Успенской, делая детям прививки от оспы. Но наиболее успешно это мероприятие проводилось в школах. В октябре 1911 г. «в Успенской церковно-приходской школе из 148 учеников сделаны прививки против оспы у 136, прочих не было в классах»[172].

Теперь представим, что строителей и грязи, как нынешней весной, нет, и двинемся не спеша по чётной, «бедной» сторонке нашей Успенской. Тут тоже хватает всякого любопытного, тем более что дореволюционная нумерация домов в общих чертах дожила до наших дней. По чётной стороне Большой Успенской, примыкающей к оврагу, количество домовладений было значительно больше и, следовательно, они были меньшего размера. Действительно, на планах Уфы за большой угловой усадьбой шли узкие, несколько скошенные к оврагу «полоски» земельных участков. Постройки по эту сторону выглядели более скромно, но уже следующая усадьба № 72 была необычна. Здесь располагалась сословная и профессиональная организация – Ремесленная управа, к 1911 г. – Общество взаимопомощи лиц, занимающихся ремёслами. Тут базировалось правление под председательством Б.И. Полетаева (до 1917 г.), которое пыталось как-то сорганизовать уфимских кустарей-ремесленников. Известно, к примеру, что «ремесленники собирали деньги на устройство памятника

---

171 Врачебно-Санитарная Хроника. (Сведения о медико-санитарной и санитарно-ветеринарной организациях города Уфы). 1913. № 4. Уфа, 1913. Табличные данные. С. 1–3.
172 Там же. 1911. № 9–11. Уфа, 1911. С. 78–80.

своему коллеге живописцу Перлину, убившемуся при работах в Успенской церкви»[173]. Но, как обычно случается с подобными «профсоюзами», средств хронически не хватало, и в 1911 г. в этом доме разместилось слесарно-кузнечное заведение Данилова. Адрес Большая Успенская, 72 чрезвычайно интересен также тем, что в 1908–1911 г. здесь находилась театральная сцена (помещение) при ремесленном обществе. Уфимские ремесленники занимались культурно-просветительской деятельностью, и вечерами сюда шли зрители посмотреть на Вильяма нашего, Шекспира, или, скорее, на какой-нибудь легкомысленный водевиль.

В следующих усадьбах наблюдалась повышенная концентрация жильцов в военных мундирах. Так, в доме № 76 в 1908 г. числился проживающим Александр Феодорович Григорьев – капитан 8 пехотного Эстляндского полка. Этот полк прибыл в Уфу в разгар революции 1905 г. и участвовал в её подавлении, но к 1908 г. воинскую часть из нашего города вывели. Присутствие Григорьева непонятно. У следующей хозяйки П.С. Сахаровой в 1908 г. состоял в жильцах конный офицер полицейской стражи поручик Пётр Васильевич Есипов, хотя по справочнику он нёс службу в Мензелинском уезде. Владельцем дома № 80 являлся поручик нестроевой команды 243-го Златоустовского резервного батальона А.И. Попов. Жалование у российского офицерства при всех режимах было не ахти, поэтому оно и селилось на этих непрезентабельных склонах оврага.

С домовладения № 82 качество жилья повышается. Изучив топографию местности, можно увидеть, что улица здесь немного отходит от края оврага, появляется пространство для двухэтажных доходных домов или более комфортабельных особнячков. 82-й дом стабильно сдавался внаём. В 1908 г. усадьбу, вполне вероятно, целиком снимал действительный статский советник

173 *Семёнова С.Ю.* Указ. соч. С. 88.

Пётр Степанович Листовский, представитель одной из самых известных уфимских дворянских фамилий. На 1895 г. ему в пригородной Богородской волости принадлежало большое поместье площадью около 1 тыс. десятин с обширной усадьбой. Связи Листовского выявляются через его участие в благотворительности: он был одним из директоров Комитета Попечительного общества о тюрьмах, «Высочайше утверждённых в сём звании», то есть лично император одобрил его кандидатуру, а также членом отделения Попечительства о слепых и депутатом от дворянства Стерлитамакского уезда. Правда, судя по уменьшавшейся площади его имений, дела П.С. Листовского не особенно процветали и с Большой Успенской, 82 тоже пришлось съехать.

В 1911 г. здесь обосновались два средней руки чиновника: губернский секретарь Леонид Акимович Новиков, старший помощник делопроизводителя Управления земледелия и государственных имуществ, а также коллежский асессор Семён Николаевич Обухов – непременный член Уфимского губернского по земским и городским делам присутствия с супругой Ольгой Васильевной. Следующий дом № 84 принадлежал Успенской церкви, и там проживало семейство потомственного местного священнослужителя Виктора Стефановича Константиновского.

Про Каврайского ничего узнать не удалось, а далее вниз по Успенской домовладение № 88 также отдавалось в аренду (двухэтажный дом Прохоровых существует в наши дни). Видимо, это было весьма комфортабельное по требованиям той эпохи жильё. В 1908 г. здесь квартировал действительный статский советник, с таким чином губернаторами становились, Андрей Петрович Кринари. Он служил председателем Межевой комиссии, государственной структуры, отвечавшей за все измерения в крае. И соответственно своему статусу занимался благотворительностью – был членом мест-

ного Управления Российского общества Красного Креста. Рядом проживала учительница 6-го приходского училища Аделаида Аристарховна Сухотина. В 1911 г. апартаменты в доме № 88 снимал частный поверенный (адвокат) Никита Григорьевич Кувайцев.

Следующее домовладение № 90 принадлежало широко известному в Уфе доктору Сергею Парфёновичу Знаменскому. Он служил врачом при Городской управе, одновременно будучи лекарем при Попечительстве о слепых. За активную деятельность в 1908 г. избирался гласным (депутатом) городской думы. В рекламных объявлениях находим, что он был специалистом по внутренним болезням, имел частную практику, принимая больных с 4 до 6 вечера. В 1914 г. Знаменский заведовал городской, так называемой Чижёвской больницей на улице Телеграфной (Цюрупы), чьи корпуса снесены совсем недавно. В его усадьбу на Успенской, кстати, был проведен телефон (абонентский номер 246). Сюда шли за медицинской помощью заболевшие соседи. В 1911 г. у Знаменского квартировали жильцы: Ольга Емельяновна Шипова, учительница 12-го приходского училища, и коллежский асессор Леонид Иванович Канаев, влиятельный юрист, член Окружного суда.

Миновав усадьбы Новикова, Сергеева и Шутовой (двухэтажный дом сохранился по адресу - Коммунистическая, 96), оказываемся возле 98-го домовладения. Здесь многие годы квартировал преподаватель мужской гимназии, учитель русского языка и словесности Владимир Александрович Словохотов. Уфимским краеведам эта фамилия много чего говорит. Её носила в девичестве уфимская «мадам Бовари», Елена Александровна Поносова-Молло, детство которой прошло в этом районе. С матерью она проживала в Георгиевском переулке «в небольшом доме в три окна»[174]. В 1911 г. компанию

174 *Краснова Р.Г.* Первая дама уфимского бомонда // Река времени. 2004. Уфа, 2005. С. 136.

учителю составлял мелкий служащий Контрольной палаты коллежский регистратор Александр Кузьмич Петров.

Далее, до самого пересечения с улицей Спасской, стоят небольшие дома, дожившие до нашей эпохи (среди них памятник архитектуры – дом Н.Н. Гирш, Коммунистическая, 104).

Рост стоимости земли и аренды жилья в этом районе в 1900-е гг. сказался и на самой тихой Малой Успенской улице.

Успенская малая улица

нечётная сторона		***чётная сторона***	
1	Пуртов Пётр Фёдорович – в 1908 г., Евфимова Елизавета Алексеевна – в 1911 г. (кв.: *Орехов Ал-др Николаев., старший помощник столоначальника казённой палаты и в 1911 г. Огородников Василий Хрис., помощник делопроизводителя губернского правления*)	2	Дмитриев Никифор Дмитриевич
3	Поспеевы Ар. и П. Мих.[1]	4	Мышкина Антонина Ивановна
5	Погажельская Елена Константиновна	6	Петрова Вера Парамоновна
7	Петрова Евдокия Александровна	8	Зайцева Мария Флегонтовна (кв.: *Петров В.П.*[2] *-в 1911 г.*)
9	Веретенников Александр Яковлевич, статский советник	10	Якушев Иван Игнатьевич[3] *(Якушев Владимир Ив.*[4]*, поручик 243 Златоустовского резервного батальона)*

1. Аркадий Михайлович Поспеев – бухгалтер губернского казначейства, Павел Михайлович Поспеев – бухгалтер 1 разряда в Государственном банке, оба коллежские регистраторы.

11	Пискунов Дмитрий Ант.	12	Епифанов Василий Михайлович (кв.: *Кочуновский В.Н.*[5]- *в 1908 г.; Владимирова Любовь Антон., учительница 1-го приходского училища - в 1911 г.*)
13	Гордеева Наталия Феодоровна (кв.: *Дегтярёв В.В.*[6] *– в 1908 г.; Вахрушев Иван Лукич, смотритель губернского дома – в 1911 г.*)	14	Голли Ветда Иосифовна (Голле А.Г.[7]) (кв.: *Невзоров М.А.*[8]*; Есипов П.В., конный офицер полиции, оба - в 1911* г.)
15	Осинцевы М. и А.Н., наследники (кв.: *Соболев Н.И.*[9])	16	Аладьин А.А., наследники
17	Благин Степан Семёнович[10], в 1911 г. – заведующий городским ломбардом (кв.: *Кожевников П.Е.*[11] *– в 1908 г.; Володин И.И.*[12] *– в 1911 г.*)	18	Држевецкий Фома Емилианович
19	То же	20	Трампнау Сергей Михайлович (кв.: *Гребеньщикова С.П., см. Малая Успенская, 29*)
21	Скарга Лариса Александровна (Скарга Констант. Феликсов., младший помощник бухгалтера городской управы) – в 1908 г., Бабкина Наталия Петровна – в 1911 г.	22	Сазоновы М.С. и И. Мер.

23	Минеева Софья Ивановна (Минеев Пётр Иван., бухгалтер городской управы) – в 1908 г., Харин Николай Николаевич – в 1911 г.	24	Овчинникова Елена Степановна (кв.: *Завадский Мих. Станисл., учитель частной женской прогимназии; Пресс Лев Афанасьев., инспектор обоза вольно-пожарного общества, оба - в 1908 г.*)
25	Николаева Ирина Романовна	26	Сазонов Сергей Лазаревич и наследники Сазонова А.Л. (Акилины Логиновны Сазоновой?)- в 1908 г., Сазоновы Мария Савельевна и Иван Маркелович - в 1911 г.
27	Катеринкин Сергей Диомидович		
29	Гребеньщикова Серафима Петровна[13]		
31	Катанская Елена Николаевна		
33	Сушкова Раиса Григорьевна, - в 1908 г. Сушков Иван Григорьевич, судебный пристав		

2. Губернский секретарь Владимир Петрович Петров – делопроизводитель отделения Крестьянского поземельного банка.
3. Потомственный почётный гражданин И.И. Якушев – в 1908 г. бухгалтер Общества взаимного кредита, в 1911 г. – один из директоров Общества взаимного кредита.
4. Поручик Владимир Иванович Якушев – в 1908 г. батальонный адъютант 243-го Златоустовского резервного батальона, в 1911 г. – заведующий оружейной частью 190-го пехотного Очаковского полка.
5. Виктор Николаевич Кочуновский – преподаватель и надзиратель мужского Духовного училища.
6. Коллежский асессор Владимир Васильевич Дегтярёв, секретарь Контрольной палаты.
7. В 1911 г. коллежский секретарь Адольф Густавович Голле – делопроизводитель в отделении Крестьянского поземельного банка.
8. Коллежский советник Митрофан Андреевич Невзоров – Уфимский уездный исправник.
9. Титулярный советник Николай Иванович Соболев, младший помощник правителя канцелярии губернатора А.С. Ключарёва.
10. В 1910 г. С.С. Благин являлся гласным (депутатом) Уфимской городской думы.
11. Надворный советник Пётр Евлампьевич Кожевников – делопроизводитель Управления Уездного воинского начальника.
12. Иван Иванович Володин – помощник делопроизводителя отделения Крестьянского поземельного банка.
13. В 1908 и 1911 гг. С.П. Гребеньщикова – учительница приготовительных классов Мариинской женской гимназии.

В «замкнутом» пространстве по Малой Успенской числилось 30 домовладений. Из них за период с 1904 по 1908 г. в девяти сменились собственники, причём большинство (семь) на нечётной стороне улицы. За 1908–1911 гг. ещё в четырёх усадьбах поменялись хозяева. Даже в такой тихой «заводи», как Малая Успенская, в начале XX в. более трети (13 из 30) собственников по разным причинам продали (лишились) земельные участки. Также наблюдается повышение частоты сдачи квартир в аренду. А население (включая съёмщиков) Малой Успенской по социальному составу оставалось чиновничье-интеллигентским (от полицейских и пожарных до учителей, бухгалтеров и служащих Крестьянского поземельного банка), в общем, район «среднего» класса.

Кроме списков домовладельцев Уфы, составлявшихся в 1904, 1908 и 1911 гг., городская полиция ещё раз собрала такие же данные, но издать их не смогла (они хранятся в архиве) - грянула Первая мировая война. 10 июля 1914 г. Уфимский полицеймейстер получил сведения от приставов всех участков (граница проходила как раз по Большой Успенской; чётная сторона относилась к третьему, а нечётная – к первому участку). Приведём список владельцев с указанием номеров домов на 1914-й год[175], имена и фамилии приводятся как в источнике.

Георгиевский переулок

№ 3 – Евгения Александровна Балаева
№ 5 – Дом Успенской церкви

Михайловский переулок

№ 5 – Эммилия Матвеевна Лобинтович
№ 2 – Иосиф Андреевич Перлязский
№ 8 – Дарья Сельверстовна Похомова
№ 12 – Пётр Иванович Иванов

175 ЦИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1341. Л. 1–3, 6–7.

Большая Успенская

№ 70 – Юлия Николаевна Катенева
№ 72 – Дом уфимского ремесленного общества
№ 74 – Степан Павлович Давыдов
№ 76 – Александр Михайлович Степанов
№ 78 – Прасковья Савельевна Сахарова
№ 80 – Александр Иванович Попов
№ 82 – Городского банка
№ 84 – Успенской церкви
№ 86 – Иван Никитич Шамов
№ 88 – Наследники К.И. Прохорова
№ 90 – Сергей Парфёнович Знаменский
№ 67 – Родион Петрович Платонов
№ 69 – Елизавета Егоровна Филиппович
№ 71 – Фёдор Павлович Павлов
№ 73 – Дом Успенской церкви
Водопроводная будка № 4
№ 7? – Григорий Васильевич Пискунов
№ 79 – Анастасия Викторовна Курчеева
№ 81 – Татьяна Александровна Сахарова
№ 83 – Её же
№ 85 – Её же
№ 87 – Анна Матвеевна Лазарева
№ 89 – Александра Степановна Тавлинова
№ 91 – Осип Иванович Цибульский
№ 93 – Иосиф Феофилактович Филиппов
№ 93[1] – Галиева и Рахманкулова
№ 95 – Фёкла Михайловна Васильева
№ 97 – Наследники Меркурия Лазаревича Созонова
№ 99 – Сергия Лазарева Созонова

Малая Успенская

№ 1 – Елизавета Алексеевна Ефимова
№ 3 – Братьев Поспеевых
№ 5 – Марьян Ксаверович Погожельский
№ 7 – Евдокия Александровна Петрова

№ 9 – Аделаида Адольфовна Веретенникова
№ 11 – Дмитрий Антипович Пискунов
№ 13 – Наследников Гордеевых
№ 15 – Наследников Осинцевых
№ 17 – Степан Семёнович Благин
№ 19 – Он же
№ 21 – Наталья Петровна Бабкина
№ 23 – Николай Николаевич Харин
№ 25 – Ирина Романовна Николаева
№ 27 – Сергей Демидович Катеринкин
№ 29 – Серафима Петровна Гребеньщикова
№ 31 – Елена Николаевна Катанская
№ 33 – Лариса Григорьевна Сушкова
№ 2 – Антонина Яковлевна Каминская
№ 4 – Антонина Ивановна Мышкина
№ 6 – Вера Парамоновна Петрова
№ 8 – Мария Флегонтовна Зайцева
№ 10 – Иван Игнатьевич Якушов
№ 12 – Иван Иванович Гудовичев
№ 14 – Ванда Иосифовна Голле
№ 16 – Надежда Ивановна Аладина
№ 18 – Фома Емельянович Држевецкий
№ 20 – Александра Викторовна Трампнау
№ 24 – Иван Флегонтович Костерин

Район Успенской церкви перед Первой мировой войной продолжал процветать. Здесь покупают землю Уфимский городской банк, представители крупнейших купеческих фамилий Шамовых и Костериных. На соседней Церковной улице (Худайбердина) домовладения № 3 и 7 принадлежали Успенской церкви, в последнем размещалась школа. Солдатская слобода делилась в 1914 г. на Нижнюю Солдатскую и Верхнюю Солдатскую. Но тут, за грехи наши, что ли, обрушились сначала война с германцем, потом революция и снова война, теперь Гражданская, со своими.., и всё полетело

в тартарары. Частную собственность на землю отменили etc. etc.

А вообще много всякого происходило в районе Успенской церкви. Так, здесь в июле 1911 г. был арестован большевик-террорист, приговорённый к восьми годам заключения за участие в вооружённом восстании на Симском заводе и бежавший из тюрьмы в 1909 г., - Пётр Васильевич Гузаков. Он находился в розыске как особо опасный преступник, пока 11 июля не был замечен на улице Валентиновской в Восточной слободе, тогда она относилась к Уфимскому уезду[176]. За домом, расположенным на самой окраине, велось наблюдение: «20 сего июля из названного дома этот неизвестный вышел, направившись в город, когда и был проведён первоначально в дом № 20 по Мало-Успенской ул.[177], неоднократно проходивший по наблюдению за членами местной организации соц.-дем., и дом № 1 по Михайловскому переулку[178], тоже проходивший по наблюдению за членами той же организации; ко времени выхода неизвестного из последнего дома подоспел вы-

---

176 Восточная слобода – пригород Уфы, сложившийся в первые годы XX столетия в начале (нечётная сторона) современного проспекта Октября от территории завода «Гидравлика» и примерно до улицы Округ Галле. В то время это были земли Богородской волости Уфимского уезда, владения помещика Новикова. Улица Валентиновская, возможно, современная улица Степана Халтурина.

177 Улица Мало-Успенская, № 20 – домовладение С.М. Трампнау.

178 Михайловский (Детский) переулок, № 1 – вероятно, здесь ошибка. Домовладение № 1- это Успенская церковь. Видимо, речь здесь идёт об одном из соседних зданий, где П.В. Гузаков «пил чай вместе с Игнатием Мыльниковым, причём последний, выйдя на улицу вместе с Гузаковым, смешался с многочисленной толпой, шедшей смотреть полёт авиатора Кузнецова, и успел во время ареста Гузакова скрыться» (ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 342. Л. 696 об.).

сланный мною полицейский наряд с командированным вверенного мне управления унтер-офицером Герасимом Мурзиным; увидя наряд, неизвестный схватился за рукоятку «Маузера», бывшего у него за поясом брюк, под пиджаком, и, видимо, намеревался стрелять; но в этот момент был схвачен за руки филёрами Плаксиным и Храмцовым, неотступно наблюдавшими за этим лицом из-за близ находящегося забора»[179].

И чего только в жизни не случается. Так, 8 июня 1913 г. в ретирадном месте во дворе дома № 76 по Большой Успенской (А.М. Степанова) при очистке ассенизаторами был обнаружен разложившийся трупик младенца женского пола, по-видимому, брошенный туда вскоре после родов. Вероятно, матерью являлась крестьянская девица Пелагея Полтавцева, 17 лет, которая ранее проживала в этом доме. А 20 января собака диакона Колокольцова (Георгиевский пер., 5) искусала мальчика – разносчика газет Аркадия Михайлова, 14 лет. Пострадавшему была оказана медицинская помощь[180]. А 20 декабря 1906 г. сторожам Успенской церкви – крестьянам Пётру и Александру Алексеевичам Чучевым – пришлось вступиться за имущество храма «от вооружённых грабителей, причём они подвергали свою жизнь опасности». Прогнавших грабителей сторожей отметил сам Уфимский епископ Христофор, преподавший им «Архипастырское благословение»[181].

---

179 ЦИА РБ. Ф. И-187. Оп. 1. Д. 342. Л. 695–696.

180 Там же. Д. 518. Л. 171 и др.

181 Уфимские епархиальные ведомости. 1907. № 2. 15 января. С. 71–72.

В.Н. Буравцов

В округе Успенской церкви

История каждого уголка нашей любимой Уфы полна неразгаданных тайн и связана с неожиданными открытиями. К примеру, почти столетие тому назад в округе когда-то одной из старейших в городе Успенской церкви происходили важные, интересные, но, увы, забытые сегодня события, о которых мы узнали из документов, хранящихся в архиве.

О заведениях Приказа общественного призрения

Посетители детской поликлиники (до 2010 г.), а сегодня уже поликлиники ФСБ, находящейся на улице Худайбердина (ранее Церковной/Малой Успенской), даже не догадываются, что медицинские учреждения находились в этом районе очень давно. В 1862 г. на Приютской (Кирова) улице от угла с Малой Успенской в сторону Телеграфной (Цюрупы) были построены заведения Приказа общественного призрения, которые состояли из четырех добротных, обложенных снаружи кирпичом деревянных корпусов: двух богаделен, дома умалишённых, смирительного и рабочего дома. Внутри двора богоугодных заведений находилась построенная на средства казны церковь во имя иконы Богоматери Всех Скорбящих Радостей.

Мосты и дамбы

Успенская улица начинала застраиваться от речки Сутолоки и постепенно поднималась к Верхне-Торговой площади, хотя нумерация домов всех улиц этой части города шла в обратном направлении: с запада на восток. От начала Успенской, повернув направо, путник

попадал к старому рынку на Нижне-Торговой площади; пойдя налево через деревянный мост, соединявший Успенскую с Сибирской улицей, можно было выйти к Покровской церкви. Успенская улица отделялась от Казанской большим Спасским (сохранившимся до сих пор) и Демидовским оврагами. Для удобства проезда и прохода Планировочным комитетом в 1850- е гг. через эти овраги были возведены земляные дамбы, которые время от времени требовали надлежащего ремонта. Именно из-за отсутствия дамбы в районе пересечения Казанской и Спасской улиц городские власти отказались от постройки здания второй пожарной части за оврагом Спасской церкви на Кладбищенской улице[182].

Церковно-приходская школа при Успенской церкви

Успенский храм вошёл в историю города Уфы не только как очаг духовного благочестия, но и как один из центров народного просвещения. С 1860-х гг. функционировала Успенская церковно-приходская школа, содержавшаяся на скромные пожертвования прихожан и самих священнослужителей. Любопытно, но помимо педагогического процесса при школе по мере возможности организовывались праздничные мероприятия. Так, 3 января 1905 г. для учащихся Успенской церковно-приходской школы, многие из которых проживали в Солдатской слободке, была устроена ёлка. Материальную поддержку оказали несколько уфимских купцов. На празднике, где присутствовали и некоторые родители, учениками школы были прочитаны стихи и басни. Дети остались очень довольны ёлкой и бурно выражали свой восторг. Школой тогда заведовал священник отец Виктор Константиновский, который любовью, старанием и заботой давал ученикам необ-

182 ЦИА РБ. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 346. Л.42 об; Ф. И-144. Оп. 1. Д. 91. Л. 1.

ходимые для дальнейшей жизни знания. На 1910 г. в Успенской школе обучались 130 учеников при трёх преподавателях, без законоучителя[183].

Успенская школа была очагом знаний не только для детей. Здесь проводились народные чтения, аудиторией заведовал священник В.С. Константиновский. Комитет по устройству народных чтений в г. Уфе субсидировал расходы на их организацию. Так, в 1900 г. Успенской школе передали 95 руб., в январе – феврале 1901 г. ещё 60 руб.[184] Сохранились сведения за 1900 г. о программе народных чтений, носивших преимущественно религиозно-нравственный характер. 9 января 1900 г. читали «О храме Божием» из соч. П. Никольского и «О св. Иоанне Предтече» из сборника Дьяченко, в этот день присутствовали 67 человек. Через неделю, 16 января, уже 115 чел. слушали лекцию «О вере в Иисуса Христа» из журнала «Русский паломник» и рассказ «Сидорыч Безымянный»». А ещё спустя неделю, 23 января, в программе стояло - «О приготовлении себя к суду Божию», из того же журнала, и рассказ «Свет не без добрых людей»»; пришли 56 чел. Судя по программе, на народных чтениях действительно читали вслух как религиозную литературу, так и художественные произведения нравоучительного содержания.

В 1900 г. в народной аудитории при Успенской школе были прочитаны следующие лекции:

30 января – «Об обязанностях родителей» - из журнала «Русский паломник», и пересказ комедии «Бедность не порок» (44 чел.);

6 февраля – «Об обязанностях детей» и этюд «Русская правда» (69 чел.);

---

183 *Суханов А.И.* План школьной сети по введению всеобщего обучения в городе Уфе и план школьного строительства. Уфа, 1914. С. 86.

184 Отчёт о народных чтениях в г. Уфе, за 1900 год. Уфа, 1901. С. 4–5, 31–32.

13 февраля – «О врагах нашего спасения», из того же журнала, и рассказ Желиховской «Гордей Лесовик»» (60 чел.);

27 февраля – «О врагах нашего спасения (продолжение) и рассказ «Дед» из «Читал. нар. школы» (135 чел.);

5 марта – «О достоверности загробной жизни» и рассказ «Сиротка» (228 чел.);

12 марта – «О христианской кончине» и рассказ «Отомстил» (160 чел.);

19 марта – «О частном суде и мытарствах» и рассказ «День в римском цирке» (198 чел.);

26 марта – «О страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа» - из журнала «Воскресный День»» (215 чел.);

24 сентября – 1-я беседа по истории христианской церкви и статейка о сохранении силы и здоровья (196 чел.);

1 октября – 2-я беседа по истории христианской церкви и этюд Булгаковского «Что такое пьянство и как избавиться от него» (211 чел.);

8 октября – 3-я беседа по истории христианской церкви и рассказ «Генриетта Гарден» (55 чел.);

15 октября – 4-я беседа по истории христианской церкви и рассказ «Рядовой Саватьев» (211 чел.);

22 октября – 5-я беседа по истории христианской церкви и рассказ Погосского «Суд Провидения» (212 чел.);

29 октября – 6-я и 7-я беседы по истории христианской церкви и «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина (278 чел.);

5 ноября – 8-я беседа по истории христианской церкви и рассказ «Ни за грош погиб» (310 чел.);

12 ноября – 9-я и 10-я беседы по истории христианской церкви и рассказ «Генриетта Гарден» (260 чел.);

19 ноября – 11-я и 12-я беседы по истории христианской церкви и этюд «О домашних лечебных средствах

и зубной боли» (183 чел.);

26 ноября – 13-я беседа по истории христианской церкви и общедоступное чтение С. Соловьёва «О Петре Великом» (213 чел.);

3 декабря – 14-я беседа по истории христианской церкви и рассказ Островского «Первобытные леса» (228 чел.);

6 декабря – «Жизнь св. Николая Чудотворца» и рассказ «Назарыч» (114 чел.);

10 декабря – 15-я беседа по истории христианской церкви и рассказ Тютчева «Герои долга» (215 чел.);

17 декабря – «О Рождестве Господа нашего Иисуса Христа» - по соч. проф. Барсова и рассказ Ольги Н… «Звезда» (220 чел.).

Всего на 25-ти чтениях в Успенской школе побывали 4243 человек, в отдельные дни приходили до 300 жителей. Как видим, лекции о. Константиновского были популярны и пользовались успехом. В летние месяцы народная аудитория не работала. Среди посетителей преобладали подростки и дети – 36,3% от числа всех слушателей, женщин - 31,8%, мужчин – 31,9%. Видимо, родители приходили на лекции с детьми. Отец Константиновский организовывал мероприятие следующим образом: перед собравшимися окрестными жителями сначала выступало духовное лицо, потом брал слово кто-то из приглашённых светских лекторов.

Лекции по истории церкви читал, как правило, сам о. В.С.Константиновский. По одному разу выступили священники со стороны - К.А. Миславский и А.Д. Михайлов. Из светских лиц были приглашены: Н.Ф. Ахмаметев (1 чтение), И.Ф. Беллавин (1), Н.П. Беляева (2), С.В. Васильев (1), Н.В. Григорьев (1), Н.Ф. Евлампиев (5), С.П. Знаменский (1), И.Игн. Никитин (1), А.Ф. Ница (1), Н.П. Овчинников (1), Л.В. Рондзюнский (5), И.А. Трубников (1), А.Н. Унгвицкий (1), однажды свет-

скую лекцию прочитал сам о. Константиновский[185]. В тематике народных чтений всегда присутствовали животрепещущие проблемы, например, борьба с пьянством. Видимо, беседы на эту тему были постоянны. Так, весной 1914 г. в помещении Успенской школы был организован большой противоалкогольный вечер (материалы прилагаются в конце статьи).

15 октября 1917 г. в здании Успенской церковно-приходской школы состоялся праздник по случаю 55-летнего юбилея этого учебного заведения. Чувство радости испытывали присутствовавшие ещё и потому, что приходу Успенской церкви удалось сохранить школу от передачи её, согласно постановлению Временного правительства, в ведение министерства народного просвещения. Благодаря энергичным действиям прихожан, особенно священника В. Константиновского и председателя приходского совета А.М. Каминского, приход отстоял школу и «добился возможности продолжать дело воспитания своих детей в духе православной веры». Несмотря на то, что деньги, которые раньше выделялись Синодом на содержание школы, теперь не поступали, приходской совет сумел за один день собрать около 3000 рулей и не терял надежду на новые пожертвования.

Хорошему настроению собравшихся способствовало и высокое светлое помещение школы, построенное на пожертвования прихожан, украшенное специально для праздника, а также тщательно продуманная программа «литературно-музыкального утра». Высокое исполнительское мастерство каждого номера свидетельствовало о кропотливом и добросовестном труде педагогов, оживлённые лица детей, тёплое радушие прихожан церкви, которые на свои средства устроили чай для детей и посетителей, – всё это надолго запомнилось участникам торжества, устроенного в честь юбилея школы[186].

---

185 Там же. С. 17–20.

186 См.: Сборник статей из «Оренбургских губернских ведомостей».

После революции

Обширный земельный участок при церкви с бывшим кладбищем в самом центре города не мог не привлечь внимание новой власти. 20 июня 1926 г. состоялось открытие летнего клуба Башкирского объединенного союза строителей «Красный строитель», устроенного на усадьбе, ранее принадлежавшей Успенской церкви. Сад около церкви назвали «Коммунар». В нём оборудовали киноустановку, открыли читальню и библиотеку. «Прошло четыре года, – рапортовали газетчики, – а в усадьбе бывшей Успенской церкви открывается сад просвещенцев (работников просвещения – *В.Б.*) и строителей. При саде будут функционировать: кино, тир, читальня и проч. Организована и детская площадка»[187]. Сосуществование новой советской «культуры» и очага «опиума для народа», естественно, долго продолжаться не могло. Успенскую церковь закрыли в 1931 г. по постановлению БашЦИК, а позднее и снесли. В 1934 г. на её месте было начато строительство 4-этажного жилого дома «старых большевиков» (закончено в 1937 г.)[188].

Как менялись названия улиц близ Успенской церкви

На карте Уфы 1852 г. улица, находившаяся рядом с Успенским кладбищем, названа Старокладбищенской. В дальнейшем на картах и планах города название этой улицы неоднократно менялось: в 1883 г. нижняя часть до нынешней улицы Ленина именовалась как Большая Успенская, верхняя – от начала до пересечения с совр. Ленина – Сенная; в 1908 г. Большая Успенская имено-

1865; Оренбургские губернские ведомости. 1905. 5 января; Заволжский летописец (Уфа). № 22. 15 ноября 1917. С. 640–641.

187 Красная Башкирия. 1926. 20 июня; 1930. 15 мая.

188 Там же. 1934. 20 ноября; 1940. 29 июня; *Васильева О.В., Латыпова В.В. и др.* Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы. Уфа, 1993. С. 21.

валась уже на всём протяжении улицы; в 1925 г. она стала называться улицей Егора Сазонова; в 1939 г. получила имя Сталина. Наконец, в 1961 г. её опять переименовали, на этот раз - в Коммунистическую, это название улица носит до настоящего времени.

С западной стороны Успенской церкви находился Георгиевский переулок, который появился на карте города в начале XX в., в 1939 г. он именовался Цеховым переулком, позднее стал улицей Дорофеева. К востоку от церкви располагался Михайловский переулок, официальное название также закрепилось к началу 1900- х гг., к 1939 г. он звался уже Детским переулком, в современную эпоху этот скромный переулочек «пострадал» от очередной волны переименований и с 2011 г. стал улицей им. М.Хисматуллина.

Малая Успенская (совр. Энгельса) улица состояла из двух частей: от Георгиевского переулка в сторону Богородской (Революционной) улицы и, параллельно Большой Успенской, - от Михайловского переулка до Спасской улицы. В начале XX века первый участок превратился в самостоятельную Церковную улицу. В советскую эпоху топонимы с подобным антиатеистическим содержанием не имели права на существование. И к 1925 г. Церковная «покраснела», превратившись в улицы Красную (отрезок от Чернышевского до Кирова) и Худайбердина. А к 1939 г. улица на всём протяжении - от Цехового переулка в сторону Уральского проспекта (бульвар Ибрагимова) стала именоваться улицей Худайбердина. В настоящее время улица Худайбердина сохранилась лишь на отрезке от пересечения с улицей Хисматуллина (бывший Детский переулок) до улицы Кирова. Остальная ее часть застроена высотными зданиями.

Даже скромнейшая Солдатская слободка неоднократно меняла свои названия: к 1925 г. это улица Солдатская, к 1939 г. она разделилась на улицы Добролюбова и Волочаевскую. Эти названия сохраняются и поныне.

Стремившиеся искоренить даже память о ненавистном (для них) царском прошлом большевики в середине 1920-х годов начали «поход» против исторической уфимской топонимики. Если Большая Успенская сразу и «логично» превратилась в улицу Егора Сазонова, а Телеграфная – почему-то в абсолютно забытого ныне Подбельского, то имена прочих окрестных улочек «утряслись» не сразу. Новые коммунистические начальники объединили улицы Малую Успенскую и Церковную в единую Красную (на 1924–1925 гг.). Но когда в декабре 1924 г. в Москве скончался революционер Ш. Худайбердин, бывшую Церковную оперативно превратили в улицу Худайбердина, а Малая Успенская получила «независимость» под именем… Лассаля. Георгиевский переулок в 1925 г. трансформировался в Цеховой переулок, зато оставались нетронутыми Верхняя и Нижняя Солдатская и Солдатский переулок.

Дольше всех продержалось новое наименование Михайловского переулка - с 1925 г. он был Детским, чуть не дождавшись столетия этого замечательного названия[189]. Однако со временем были переименованы и маленькие улочки. «Сомнительный» Лассаль был заменён на «проверенного» Фридриха (Энгельса).

Напомним также читателям историю названий соседних уфимских улиц. Улица Цюрупы начиналась как Полицейский проулок, затем стала именоваться Больничной – Телеграфной – Подбельского и, наконец, Цюрупы. Улица Новомостовая многократно меняла свои названия: Просечная (или Засека) – Спасская – Демья-

---

189 Справочник по вопросам городского хозяйства. Уфа, 1924. С. 216; Справочник по вопросам городского коммунального хозяйства. [Уфа], 1925. С. 266, 275, 282, 284, 286, 288. В приведённом здесь списке улиц первыми по алфавиту указывались старые названия, но было добавлено, что «проведение в жизнь полного переименования улиц будет осуществлено в 1926 году» (Там же. С. 260).

на Бедного – Сайфи Кудаша - Новомостовая. Современный проспект Салавата Юлаева, пересекающий бывшую Большую Успенскую, первоначально назывался Малой Ильинской, а затем – улицей Воровского.

Новые обитатели

Страшные вихри революции и Гражданской войны резко изменили состав жителей района Успенской церкви. В начале 1920-х гг. здесь появились новые обитатели. По адресу: Е. Сазонова, 97, в бывшем сазоновском кирпичном особняке, к 1925 г. разместился ночной диспансер. Исчезли статские советники и прочие «буржуи». Впрочем, среди советских квартирантов нэпмановской эпохи тоже встречались «ответственные» товарищи. На Е. Сазонова, 69 вместо дворянки Филиппович проживал член коллегии защитников при Башглавсуде и член Башнаркомюста Иван Матвеевич Масляев (телефон № 262), а в апартаментах некогда знаменитого Пермезского в 1925 г. разместился врач по внутренним и детским болезням Иван Иванович Воронцов. Бывшая же Успенская церковно-приходская школа, находившаяся на углу нынешних Худайбердина и Чернышевского (на месте которой сегодня поликлиника ФСБ), превратилась в 1925г. в 12-ю школу I-й ступени (адрес - Красная, 7), где в шести группах обучалось 248 детей, заведующая – Ольга Васильевна Леопольдова[190]. Но пройдёт совсем немного времени, и разгульный НЭП тоже канет в Лету. Над страной «взойдёт» «бессмертный» образ «вождя народов», и новая история начнётся для тихого района Успенской церкви.

---

190 Справочник по вопросам городского коммунального хозяйства. С. 249, 251; Адресно-справочная и телефонная книга «Вся Башкирия» на 1925 г. Уфа, 1925. С. 40, 175, 209, 244.

Приложение

Противоалкогольный вечер в Успенской церковно-приходской школе г. Уфы

Народные чтения, устроенные в Успенской школе, завоевали полную симпатию со стороны простого народа: каждый раз аудитория бывает до чрезвычайности переполнена слушателями. Вечеру 23 сего марта, в целях борьбы с пьянством, был придан характер противоалкогольный. Слушателей было более 300 человек. Первое чтение – сказание о житии св. Марии Египетской было организовано заведывавшим аудиторией *свящ. В.Константиновским*. Обращено было о. лектором особенное внимание на то обстоятельство, что борьба со страстями пьянства и блуда, в которых погибла было Мария Египетская в молодые годы своей греховной жизни, представляет из себя громаднейшую трудность, преоборимую только помощью благодати Божией. Отшельница, святая Мария Египетская, прервавшая всякую связь с греховным миром, отдавшая всю себя телесному изнеможению и служению Богу, однако целых семнадцать лет была обуреваема сими страстями: то ей явится неудержимое желание петь те гадкие, отвратительные песни, которыми она оскверняла своё сердце в чаду разврата, то вдруг ей захочется напиться того вина, которое всегда было неизменным спутником её ужасных дней… И только чрезвычайная усиленная молитва ниспосылала благодать Божию, прогоняющую дьявольское наваждение…

О. лектором было выведено заключение: всеми мерами остерегаться и других предостерегать от знакомства с вином и спутником его – развратом. Задушевная беседа произвела своё действие на слушателей.

Второе чтение о вреде пьянства было исполнено свящ. *о. Иоанном Хохловым*. На экране при помощи

электрического волшебного фонаря было показано до 60 картин о вреде пьянства. Богатый подбор картин, любезно предоставленный аудитории доктором Ив. Ив. Рождественским[191], живая задушевная, горячая речь о Хохлова, убеждённого трезвенника, можно сказать, во всей наготе показали всю бездну зла, наносимого вином нашему дорогому отечеству. Многие из слушателей плакали… Они видели, что каждая рюмка, которой угощаемся, не только отравляет организм, но вытравляет из человека всё святое, толкая его на всевозможные преступления, разрушает материальное благосостояние, уродует потомство и физически, и умственно. И всё это иллюстрировалось на экране множеством картин. Впечатление получилось неотразимое.

Большое спасибо о. Хохлову. Побольше бы таких чтений! Тогда, может быть, при помощи благодати Божией, и одумался бы русский народ.

Чтение, или, вернее, лекция о. Хохловым была проведена по нижеследующей программе:

О вреде пьянства

и о необходимости и неотложности самой решительной борьбы с этим всеразрушающим злом

1. Великое значение трезвенного движения. Каждый благоразумный гражданин, любящий своё отечество (и семью), должен примкнуть к этому движению; оно одобрено и к нему призывают с высоты Царского Престола.

2. Многовековой русский недуг. Страшное усиление пьянства и чрез то развращение русского народа за последние десятилетия. Пьянство страшнее и губительнее войны, голода и заразных болезней. Цифры и выводы.

3. А Русь всё пьёт и пьёт. Страшные картины пьянства. Пьянство – проклятие человечества. Пьяницы

191 Он изучал проблему алкоголизма. Автор нескольких работ: *Рождественский Ив.* К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.

Царства Божия не наследуют.

4. Пьют все слои общества; вводят в себя под разными видами и названиями огромные дозы алкоголя. И это всеобщее безумное отравление ведёт к различным заболеваниям, и прежде всего к чахотке, а затем и к всевозможным преступлениям; алкоголь - поставщик тюрем.

5. Зачем же пьют, откуда такая жажда к отраве? Ошибочность представления, что алкоголь даёт здоровье: возбуждает аппетит, придаёт силы, прогоняет усталость, согревает, веселит… Водка – кнут, но не овёс, понижает трудоспособность; не согревает, но приводит к замерзанию; от водки чаще плачут, чем радуются. «У кого вой, у кого стон»…

6. Кажущееся цветущее здоровье выпивающих – мираж; полнота пьяниц – болезненное ожирение. Медицина ясно говорит о вреде алкоголя на весь организм: желудок, сердце, печень, почки, кровь, мозг; галлюцинации пьяниц; больные – сумасшедшие от алкоголя.

7. Пьяницы губят не только себя, но и несчастных детей своих, приучают их к рюмочке с младенческих лет. Статистика пьянства среди учащихся. Выпивка понижает умственные способности.

8. Алкоголики губят и всё своё потомство (даже до 7-го колена), распложают идиотов. Страшные портреты детей-идиотов. Это ведёт к быстрому и неминуемому вырождению раньше великого и могучего русского народа.

9. Какие же меры борьбы со злом? Широкое распространение (чрез чтения, беседы, поучения, чрез книги, картины, листки и т. д.) верных понятий о всём страшном вреде пьянства, о безусловной *ядовитости алкоголя*; необходимо всем запомнить, что пьянство неминуемо ведёт к болезням и преждевременной смерти и к неизбежному духовному умиранию; что пить спиртные напитки грешно, неразумно, стыдно; угощать ими,

соблазнять на выпивку слабых – преступно. Выпиванье (кутежи) не молодчество, не удальство, а глупость, скотство; угощенье водкой не хлебосольство, а отрава ближнего, развращенье, не честь, а безчестье.

10. Желающие трезвиться и быть проповедниками трезвости должны, для взаимного подкрепления, поддержки на тернистом (пока) трезвенном пути, объединяться в союзы, общества и братства трезвости, так как всякое дело в артели лучше спорится. Несколько слов о существующих обществах трезвости и о великой пользе, ими приносимой.

После этого было прочитано: *г. Филипповым* – «Смерть пьяницы» Диккенса и *г. Боголюбовым* - «Хозяин», стихотворение Никитина. Благодаря этим произведениям, надо сказать, прекрасно прочитанным (последнее было продекламировано), ещё резче, выпуклее обрисовалось всё зло, наносимое пьянством.

На память о вечере слушателям было раздано до 900 листков противоалкогольного и религиозно-нравственного содержания. Народ остался очень и очень доволен вечером.

Немалую долю цельности впечатлений внесли и певчие Успенского хора, исполнившие, под управлением субрегента *Соколова*, соответствующие чтениям церковные пиесы: «Блажен муж» – Архангельского, «Покаяние» – Григорьева, «От юности моей» – его же, «Отче наш» – Кастальского и «Боже, услыши молитву мою» – Архангельского.

Благодаря отличному пению, а также захватывающему интересу предложенных статей, вечер прошёл совершенно незаметно, хотя и был очень продолжителен: с 6 часов до 9 вечера.

Слушатель.

(Уфимские епархиальные ведомости. 1914. № 8. С. 135–139)

Г.О. Иванова

Уфимская Успенская церковь в «семейной хронике» Аксаковых

В «Семейной хронике» С.Т. Аксакова несколько раз упоминается уфимская Успенская церковь. Сегодня только очень узкий круг краеведов знает историю этого старинного храма и может указать место, где он некогда находился. Дело усложняется тем, что практически не сохранилось фотографий или иных изображений церкви, с которой семья Аксаковых связана такими важными этапами уфимской жизни, как крещение, венчание и похороны.

В архиве нашего города хранится документ, где записано, что «29 сентября 1782 г. у подполковника Н.С. Зубова (дед писателя С.Т. Аксакова по матери) родилась дочь Екатерина. Восприемники: советник гражданской палаты Павел Михайлович Жуков и вдова, капитанша Ефимья Максимовна Зубова (предположительно, мать Н.С. Зубова). Крещение было в Успенской приходской церкви» (ЦГИА РБ, ф.294, оп.1, д.15).

В книге С.Т.Аксакова «Семейная хроника» находим великолепное описание свадьбы его родителей, которые венчались, как указано в тексте, в Успенской церкви 10 мая 1788 г. в шесть часов вечера: «Церковь Успения Божией Матери находилась очень близко от дома невесты* и стояла тогда на пустыре. Задолго до шести часов она окружена была толпою любопытного народа. Высокий крылец зубинского дома, выходивший на улицу, обставился экипажами тех особ, которые были приглашены провожать невесту; остальное общество съезжалось прямо в церковь… Дорога от дома жениха в церковь лежала мимо окон гостиной, и Софья (Мария)** Николаевна видела, как он проехал туда в английской мурзахановской карете на четверке славных

доморощенных лошадей; она даже улыбнулась и ласково кивнула головой Алексею (Тимофею) Степановичу, который, высунувшись из кареты, глядел в растворенные окна дома... Церковь была ярко освещена и полна народа; архиерейские певчие не щадили своих голосов. Свадьба во всех отношениях была парадна и великолепна. По окончании обряда... весь поезд с обеих сторон и также лучшая уфимская публика сопровождали молодых в дом к Николаю Федоровичу (Семеновичу). Там немедленно начались и продолжались танцы до богатого, но раннего ужина». (Здесь следует уточнить: по свидетельству документов городского архива, оказывается, что описание свадьбы - во многом красивый художественный образ. Венчание родителей писателя состоялось не весной, а 19 февраля (ЦГИА РБ, ф.294, оп.1, д.15, л.91). Причина была в том, что Н.С. Зубов чувствовал себя очень плохо и хотел как можно скорей сыграть свадьбу, т.к., «по словам лучшего уфимского доктора Ф.И.Зандена, он не мог прожить более года...». В 45 лет Н.С. Зубова «разбил нервический паралич, после которого он... уже не вставал с постели», но несмотря на это, он «не оставлял несколько лет своей должности..., принимая посетителей лежа в кабинете». С.Т.Аксаков называет его - по меркам XX1 века еще молодого мужчину в расцвете сил - стариком.

12 марта 1792 г. в этой же Успенской церкви отпевали скончавшегося «после многолетних, мучительных страданий» коллежского советника Николая Семеновича Зубова (ЦГИА РБ, ф.294, оп.1, д.15), умершего в возрасте 51 года. «... Когда весть о смерти облетела город, все точно вспомнили и вновь почувствовали любовь к нему и жалость к его страдальческому состоянию. Опустели дома, и все народонаселение Уфы в день похорон составило одну тесную улицу от Успения Божией Матери до кладбища». Следует заметить, что к моменту смерти Н.С. Зубова уже на протяжении 20 лет действо-

вало распоряжение, запрещающее, по санитарным соображениям, хоронить умерших на территории города. Дед С.Т. Аксакова был похоронен на относительно «новом» кладбище, куда через шесть лет была перенесена Успенская церковь, в которой его когда-то отпевали, где еще при его жизни венчалась его дочь.

Прихожанкой Успенской церкви была внучатая племянница писателя Аксакова (правнучка его родной тетушки – Ксении Степановны Нагаткиной/Аксаковой) Елизавета Егоровна Филиппович, 1849 г. р., проживавшая в доме № 69 по улице Большой Успенской. Приблизительно в 1846 г. ее мать Клавдия Васильевна Нагаткина, 1822 г.р., была выдана замуж за Егора Матвеевича Филипповича, 1798 г.р. Родился он в г. Мензелинске, где в 1813 г. начал свою карьеру, с 1827 г. жил и служил в Уфе. В 1839 г. стал помощником управляющего Оренбургской удельной конторой. Через год за усердную службу ему высочайше был пожалован бриллиантовый перстень, а в 1844 - орден св. Анны 3-й степени. На момент брака с Клавдией Васильевной Егор Матвеевич имел чин надворного советника и служил помощником управляющего оренбургской удельной конторой министерства Императорского двора. За женой он получил деревянный дом в Уфе и пять дворовых людей. Эти сведения были получены в 2012 г. от их потомков; из этого же источника мы узнали, что у Е.Е. Филиппович детей не было (см. Аксаковский сборник № 6. -2013 г.).

Ранее приходская Успенская церковь находилась на территории Успенского мужского монастыря (на Усольской горе), упраздненного приказом Екатерины II в 1764 г. Церковь была летняя, т.е. холодная. 24 декабря 1771 г. вышел указ, запрещающий погребать умерших в черте города при городских церквях. Для нового кладбища было выбрано место за городом, где в чистом поле, в степи издавна хоронили бездомных, безродных,

умерших неестественной смертью. Улица вдоль этого кладбища со временем стала называться Кладбищенской (позже Успенской, ныне Коммунистической). В 1798 г. помещик С.И. Аничков (по другой версии – помещица Аничкова) перенес на это кладбище старую деревянную Успенскую церковь, находящуюся к тому времени уже на территории женского монастыря. К 1824 г. район Уфы вокруг церкви постепенно застроился жилыми домами, кладбище оказалось на территории города, поэтому на нем перестали погребать умерших. (См.: ст. М.И. Роднова «Успенский храм в произведениях Руфа Гавриловича Игнатьева»). Успенская церковь вновь стала приходской. В 1839 г. обветшалую церковь разобрали и продали в село Авдон. В 1840 г. на ее месте протоиерей Бреев с помощью горожан заложил новую каменную церковь, освященную в 1849 г.

А.А. Гуляев в книге «Иллюстрированная Уфа» (1914) говорит, что «в 1862-1864 годах к церкви пристроены два придела – во имя св. Архангела Михаила и св. вмч. и победоносца Георгия. В 1893 г. в Успенской церкви поставлен новый изящной отделки иконостас. В настоящее время Успенская церковь по архитектуре и внутренней отделке принадлежит, наравне с Ильинской церковью, к числу лучших храмов в Уфе. На успенском кладбище погребены многие именитые уфимские дворяне». Б.Д. Четвериков («Благословенная Уфа») пишет, что «уфимские церкви были разной формы, разной окраски. Например, Успенская была светло-зеленая…»

После революции большевики сначала закрыли церковь в 1931 г., а потом и разрушили, построив в 1936 г. на ее фундаменте четырехэтажный жилой дом, названный в народе Домом старых большевиков.

** История венчания воссоздавалась С.Т. Аксаковым по рассказам родителей и воспоминаниям очевидцев. Это важное для каждой семьи событие, вероятно, было многократно*

пересказано и обсуждено в его раннем детстве. К моменту создания «Семейной хроники» в 1850-х гг. такие конкретные подробности, как местоположение и расстояние, были забыты, а скорее всего, им не придавалось никакого значения. С.Т. Аксаков после своего отъезда из Уфы в раннем детстве (а было ему семь лет) никогда не возвращался в наш город. Поэтому важная для краеведов информация о том, что Успенская «церковь находилась очень близко от дома невесты», весьма относительна и поддерживает красивый художественный образ свадебного весеннего дня как своеобразного символа начала новой жизни.

*** Здесь и далее в данном отрывке «Семейной хроники» в скобках указаны настоящие имена родителей и деда писателя С.Т. Аксакова.*

Н.П.Исаев

Купеческая свадьба в Успенской церкви города Уфы
Из воспоминаний Л.И. Остаховой (1901-1992)

«В старину живали деды
веселей своих внучат...»
Из оперы А.Н. Верстовского
«Аскольдова могила», 1833 г.

Мамина приятельница Любовь Иосифовна, проработавшая всю жизнь учительницей начальных классов, родилась и выросла на Благовещенском заводе (нынешний г. Благовещенск), где и окончила учительскую семинарию. Ее отец, как бы сейчас сказали, был предпринимателем: изготавливал какие-то, видимо, несложные сельскохозяйственные машины, типа веялок, которые затем на небольшом пароходике, называвшимся «Потеха», по реке Белой привозились в Уфу на продажу.

Вскоре после революции молодая учительница оказалась в Уфе и практически всю жизнь прожила на одном месте – в коммунальной квартире по ул. Цюрупы (Телеграфной) № 51. Дом этот, окрашенный в желтый цвет, стоял третьим от ул.Чернышевского (Уфимской) в сторону Центрального рынка. Коммунальные квартиры в этом доме были не всегда. В свое время это относительно большое здание с высоко расположенными окнами принадлежало одному хозяину – Михаилу Григорьевичу Федорову, владельцу кирпичного заводика на левом берегу Сутолоки.

Хотя квартирка, где поселилась Л.И. Остахова, была очень скромной – две небольшие комнатки, каждая с

одним окном на улицу, однако по ним вполне можно было, при желании, составить представление о доме в целом. Я бывал у Остаховой вместе с матушкой в раннем детстве. Хорошо помню очень высокие с лепными украшениями потолки, высокие двустворчатые двери с фигурными филенками, декоративными накладками и бронзовыми ручками. Обратила на себя внимание следующая деталь: дверные створки были навешены на латунные шарниры, закрытые специальными латунными накладками на незаметных потайных винтах для того, чтобы не было видно самих шурупов, крепящих шарниры к косякам. Пол был паркетный, добротный, из довольно широких дощечек. Квартира располагалась с торца северной стороны здания, и угловая комната имела дополнительно два окна во двор. В ней находился раньше кабинет хозяина М.Г. Федорова. Позднее одно из окон переделали в дверь, пристроили небольшой тамбур (он же чулан) и крылечко.

Любовь Иосифовна вспоминала, что сразу после революции проблем с жильем в Уфе не было. Пустых, брошенных квартир и домов было много. Их состоятельные владельцы срочно эвакуировались вместе с отступавшей армией адмирала А.В. Колчака, оставив все имущество на присмотр жившей вместе с ними в этих домах прислуге – горничным, кухаркам, нянечкам… К чести этих простых людей надо отметить, что они не бросились, вопреки установке вождя мирового пролетариата В. Ленина, «грабить награбленное», а, наоборот, старались спрятать и сохранить наиболее ценное, что им доверили: столовое серебро, хрусталь, статуэтки… Сейчас уже не вспомнятся детали почти детективной истории о том, как прислуга, рискуя жизнью, ночью из одного сарая в другой переносила в ведрах на коромысле столовое серебро, прикрытое сверху щепками для растопки, перепрятывая его в более надежное место, спасая от обысков и реквизиций, все еще веря и

надеясь, что хозяева рано или поздно вернутся.

Михаил Григорьевич Федоров, владелец описываемого дома, имел взрослую дочь. А совсем недалеко, на пересечении улиц Телеграфной и Большой Успенской (ныне Цюрупы и Коммунистической) жил молодой человек, сын известного уфимского купца Р.П. Платонова. Каким-то образом молодые люди познакомились, понравились друг другу. Решено было сыграть свадьбу, да не простую, а чтобы всех удивить, и чтобы свадьба эта запомнилась людям. Здесь надо оговориться, что купечество в те времена на всякие штучки и выкрутасы было весьма гораздо. Так вот, видимо, думали-думали Михаил Григорьевич, отец невесты, и Родион Петрович, батюшка жениха, что бы такое учудить, да и надумали…

Передавая описываемое событие со слов очевидцев, Любовь Иосифовна рассказывала следующее: так как дочь М.Г. Федорова была не из бедной семьи, то и приданое у нее было соответствующее – на одну телегу не поместилось, на две тоже. Да и сама задумка требовала, чтобы телег с приданым было побольше. Согласно задуманному, подводы было решено выводить не как попало – подряд, все вместе, а выпускать из ворот дома М.Г. Федорова постепенно и с интервалом. Был, видимо, у этой истории и свой режиссер, непосредственно руководивший свадебным действом, а точнее сказать, представлением для публики.

Сейчас можно только догадываться, что везли на этих подводах. Возможно, на одной из них был сундук с нарядами и коробки со шляпками, на другой – перины и подушки, на третьей – буфет для посуды, на четвертой – сама посуда: самовары, столовый и чайный сервизы, чугунки, сковородки и т.п. Главным здесь было другое. Так как оба дома – жениха и невесты – располагались на одной улице (Телеграфной) в пределах видимости, то в результате правильно спланированной

акции получился задуманный эффект: когда последняя подвода с приданым невесты выезжала из ворот отчего дома, то в это же самое время первая подвода въезжала в ворота дома жениха.

Следующая забавная история, связанная с этой же купеческой свадьбой, относится непосредственно к самому процессу венчания, которое проходило в расположенной неподалеку Успенской церкви. Обывателям и здесь был приготовлен сюрприз. Когда молодые вышли из дома жениха и направились в сторону церкви (а это чуть более квартала), то им под ноги раскатывали рулоны ткани, которые не пожалела для такого случая широкая натура купца. Так по своеобразной ковровой дорожке прошествовали они на глазах изумленной публики до самой Успенской церкви.

Минуло с той поры более ста лет. Много событий за это время произошло с нашей страной: революции, войны, перестройки… Давно уже нет в живых участников и очевидцев этого события, но память о нем, передаваясь из поколения в поколение, сохранилась до наших дней. Значит, умели купцы в прежнее время, как говорится, пустить пыль в глаза и сделать из такого, в общем-то, рядового события, как свадьба, что-то наподобие спектакля в двух действиях, показанного не на театральной сцене, а на улицах дореволюционной Уфы.

В заключение следует добавить, что кирпичный завод, принадлежавший М.Г. Федорову, расположенный за практически не существующей в наши дни речкой Сутолокой, в районе нынешней улицы Бакалинской, работает до сих пор. До недавнего времени остановка транспорта так и называлась – «Кирзавод».

Дом Федорова по ул. Цюрупы (Телеграфной), 51, памятник истории и архитектуры, был снесен в 2002 году. В элитном доме, построенном на этом месте, в отличие от дореволюционной, проживает уже другая элита.

Дому Платонова повезло больше. Он был отреставрирован в середине 2000-х гг. и продолжает украшать наш город. За эти годы в нем размещались и овощной магазин, и Министерство юстиции республики, и… Однако без потерь не обошлось и здесь. Примерно в то время, когда ломали дом Федорова, были снесены и добротные кирпичные склады, где купец Платонов хранил свой товар. Элитный дом появился и здесь.

Что же касается приданого невесты, которое везли на многочисленных подводах, то вскоре после свадьбы купец Платонов возвел вплотную к своему дому вверх по ул. Телеграфной (Цюрупы) дополнительный пристрой для новой семьи. Пристрой этот в два этажа, как и сам дом, хотя и выполнен в одинаковом с ним стиле, но все же хорошо заметен, так как его пять окон оказались смещенными вверх относительно основного здания. Так что о достойном размещении приданого невестки купец Р.П. Платонов также побеспокоился.

P.S. У известного уфимского краеведа и историка П.В. Егорова оказалась копия фотографии, на которой изображены бывшие жених и невеста – Николай Родионович и Мария Михайловна Платоновы. Дата на фотографии отсутствует, но можно предположить, что сделано фото не в год свадьбы, а в более позднее время, вероятнее всего, незадолго до революции. Невольно обращают на себя внимание их лица, они другие.., кроме того, на них лежит налет печали, озабоченности, тревоги. Смутное предчувствие надвигающейся катастрофы запечатлела старая фотография. Как сложилась их судьба – одному Богу известно: в лучшем случае – чужбина и скитания, в худшем…

К сожалению, сведения о количестве погибших во время революции и гражданской войны не озвучены и не опубликованы. А цифры, вероятно, были большие, поэтому победившая власть, воспевая революцию, о них умалчивала. Сейчас, видимо, тоже не до этого. Тем

не менее, где-то промелькнула цифра – 15 миллионов… ивановых, платоновых, федоровых, еварестовых… Так ли это? Как в подобных случаях любила часто повторять уже другая мамина приятельница Виноградова Татьяна Аристарховна, окончившая (как и старшая мамина сестра Милица) Уфимское Епархиальное училище – история об этом умалчивает…

Э. Г. Исанбекова

Стоп-кадр: к истории дома по улице Коммунистической № 75

Двор

В 1949 году наша семья переехала из села Мраково Кугарчинского района в Уфу. Папу перевели на новое место работы из директоров мраковской сельской школы сначала в Министерство просвещения БАССР, затем социального обеспечения. Год прожили мы в гостинице «Башкирия», потом дали ордер на квартиру. Так наша семья из семи человек в 1950 году попала в дом № 75 по улице Сталина (позже Коммунистическая). Тогда машин было мало, все больше лошадки с телегами, помню, даже появлялись богатырские битюги-тяжеловозы. Бегали на них смотреть и кормили хлебом.

Великолепный особняк необычной архитектуры – таким был наш дом, но в детстве он не осознавался как нечто особенное. Зато двор покорил сразу! Гигантский, зеленый, вдоль забора шеренгой шла акация с желтыми цветами, сирень, разнотравье – как в лесу. Но самое чудное – старые развесистые березы, лет под сто, дивные липы, рябины, бузина…

Откуда повелось, не знаю, но двор условно был поделен на три части: передний - с главным входом, средний – с садом и беседкой, и задний двор – с выходом на улицу через черный ход. Самое интересное, конечно, находилось на заднем дворе. Здесь была в подвале кочегарка с кочегаром по прозвищу Таракан, за чумазое лицо и усищи, он гонялся за нами, когда мы заглядывали в подвал и корчили ему рожи. Здесь же был склад-ледник – холодное кирпичное двухэтажное помещение с голубятней наверху, где мы устроили свой детский штаб. Неподалеку находилась глубокая мазутная яма с люком, откуда всегда пахло нефтью. Нам запреща-

Эля Исанбекова, 1951 г.

ли туда даже заглядывать. Были, кажется, дощатые сараюшки-каретники с дровами (их вскоре снесли). По сочной гусиной травке гуляли куры, петушки, кролики, кошки. У Нигмаджановых в подвале дома жили курочки и кролик. Дровами топили кухонные печи, на которых готовили еду. В годы войны в некоторые квартиры подселили эвакуированные семьи. В полуподвале дома жил дворник дядя Егор (говорили, Георгиевский кавалер) с тетей Нюрой и дочерьми. Дядя Егор был при больших усах и бороде, с раннего утра он вычищал двор и «полукруг», где был въезд для машин, от пушистого сверкающего снега, летом поливал асфальт из шланга. Каждый день наш двор обходил строгий дяденька в военном кителе, все называли его комендантом. Он следил за порядком повсюду. Двор был огромен. Совсем недавно я узнала, что площадь двора составляет 18 900 кв. м, его периметр – 5 500 м, периметр дома – 193 м.

Игры

Все это дворовое великолепие принадлежало нам, детям. Ровесников было человек 8-10 мальчишек и девчонок. Играли с упоением: прыгали в сугробы, чистые и пушистые, с крыши ледника, ходили по забору, как циркачи, рыли окопы, ходы, крепости… Промока-

ли насквозь, потом раздевались и сушились, прячась от взрослых, у подъездных батарей. А чтобы снег под пальто меньше забивался, одевались очень рационально, просто и бедновато, как все в те годы, – шаровары натягивали на валенки, шарфом подпоясывались, у каждого две пары варежек (одна, запасная, всегда в кармане). Санки, лыжи, скоростной с поворотами спуск в овраг на санках, лежа на животе, руля ногами не хуже бобслеистов... Все это заменяло нам отсутствие в те времена спортивных секций.

Летом были свои забавы. Незабываемые прятки (по уговору только на среднем или заднем дворе) со множеством считалок, присказок: «Первая (или последняя) курица жмурится», т.е. кто «мается» в следующем коне, первый или последний застуканный; положено было «застучать» о толстую березу со словами: «Тук - тук, Маринка!» А кто успевал выскочить из засады, вопил: «Тук-тук, за себя!», «Дома кашу не вари, а по городу ходи!», «Топор, топор, сиди как вор!» и т.п.

Была еще всеми любимая игра. В мае на цветах рябины появлялись изумрудные жуки-бронзовики. Мы их отлавливали, сажали в коробочки (обычно из-под спичек) с цветами. В полдень, когда асфальт от жары начинал пружинить и «поджариваться», мы шли на «аэродром» - полукруг, заросший в центре кустами розового волчьеягодника. Жучков за лапку привязывали к катушке ниток, выпускали их на горячий асфальт, и они ползли, набирая скорость, как самолеты на взлетной полосе, потом с гулом взмывали вверх. У кого выше и дальше?! Полеты майских жуков развлекали нас недели две, потом мы относили их на родную рябину.

Часто придумывали игры сами. Вместо кукол, которых не было, заворачивали в платок резиновую грелку с водой – и весит, и шевелится, как живая. Много было разных рисованных кукол, от пупсиков до девочек с гардеробом и мебелью из бумаги. Обставляли целую

квартиру - придумывали, рисовали, вырезали, раскрашивали.

Еще одна игра – в города. Вспоминаю об этом, так как нигде больше ее не встречала. На асфальте чертили мелом большой круг, делили его на секторы-города. У каждой девчонки был на выбор свой любимый город – Москва, Киев, Ленинград и т.д. Водящий бросал мяч вверх, выкрикивая имя. Названный должен был поймать мяч и «выбить» ближайшего соседа. Если удалось, победитель мог «оттяпать» часть чужой территории. Для этого встаешь почти «в шпагат» и отхватываешь мелом как можно больше (куда рука дотянется) чужой земли. Побеждали, конечно, более гибкие, быстрые и точные.

На среднем дворе росли столетние, в три обхвата, березы, старые липы. Теперь осталось лишь пять лип… Синел цикорий, желтели лютики, сурепка, лопухи, лебеда, чертополох и т.п. Запросто можно было спрятаться даже в траве.

Сад

Примерно в 1955 году наши родители заложили на среднем дворе яблоневый сад. Росли там и смородина, и крыжовник, и клубника, поначалу даже огурцы и помидоры… При посадке саженцев (участки разыгрывали по жребию) иногда выкапывали из земли прямоугольные плиты из серого камня со слюдой. Это были, как я узнала позже, надгробия со старинного кладбища. Один камень оказался столь солидного размера и веса, что долгие годы лежал возле садовой изгороди. По сведениям краеведов и историков, на старинном кладбище хоронили приблизительно до 1870-х годов, хотя отдельные захоронения, но только у самой церкви, могли быть вплоть до начала XX века. Здесь покоятся и именитые горожане Уфы, среди них - родители композитора Верстовского (автора известной оперы

«Аскольдова могила»). Часть камней в советское время использовали при возведении веранды-беседки. Это было роскошное сооружение площадью метров шестьдесят, место встречи наших отцов, а днем там играли «в дом» дети – подметали, мыли пол, позже молодежь хороводилась…

Дом

Во двор можно было попасть через калитку со стороны полукруга. Калитка служила детям и в качестве каталки. Был еще один закрытый въезд для грузовых машин. Мы, будучи вездесущими, знали в длинном заборе все лазейки, где можно было пролезть, не застряв головой, - чтобы не обегать весь двор.

Мимо нашего Дома правительства (а не Дома старых большевиков, как его порой называли) по улице Сталина, иногда под звуки духового оркестра, проходили медленные похоронные процессии. Гроб долго несли на руках в сторону Сергиевского кладбища. Мы, сгорая от любопытства и страха, лезли на забор, чтобы поглядеть, за это доставалось от коменданта. И, конечно же, мы не знали, что у нас под ногами старинные захоронения. Когда дом газифицировали (где-то в 1953 году), копали во дворе траншеи. Вместе с землей рабочие извлекали человеческие останки. Мальчишки пугали нас, гоняясь за нами с черепами. Взрослые за это их ругали. Никто ничего не объяснял. Тогда мне почему-то казалось вполне естественным, что в земле, где ни копнешь, – лежат кости, а может, и клад какой-нибудь. Было еще одно место, страшное и таинственное, - провал в земле, из которого тянуло холодом. Говорили, что это склеп.

Дом правительства был построен на фундаменте уничтоженной в 1931 году каменной церкви Успения Пресвятой Богородицы. Дата постройки разнится: 1934 год, 36-й, даже 37-й. Скорее всего, 36-й, посколь-

ку, по некоторым источникам, в 1937 году репрессировали всю партийную верхушку. Потом в пустующий дом заселили новых жильцов. С тех пор здесь жили и живут работники Совмина, журналисты, научные работники, медики и даже один поэт, драматург и публицист Газим Шафиков. А имена партийных деятелей не припомню. В трех подъездах дома - двадцать четыре квартиры, в некоторых жили до середины 1950-х годов по две-три семьи. Многие уехали потом в Москву и Липецк. Говорят, это были эвакуированные.

По документам Бюро «Уфатехинвентаризация», дом был построен в 1937 году. В основании план здания напоминает букву «Г» со множеством симметричных углов и поворотов, с перепадом этажей от четырех к трем. Возможно, первоначально сам храм в основании выглядел иначе, так как форма буквы «Г» не характерна для храмового строительства. Дом украшают полукруглые эркеры-«фонарики» и квадратная башенка на крыше. Все это придает зданию необычность, оригинальность. Мне наш дом по архитектуре напоминает старинный замок или корабль.

Первый и третий подъезды более или менее симметричны относительно второго. В каждом по два входа-выхода – парадный и черный, ведущий на задний двор. По некоторым сведениям, в той части, где расположен третий подъезд, находился алтарь. Второй подъезд был спланирован иначе – лестничные пролеты с перепадами, на каждом этаже размещены три квартиры. Вероятно, в Успенской церкви на этом месте было основное помещение с куполом. Автором проекта особняка называют архитектора Н.Ю. Лермонтова.

Мир вокруг

Вся территория за забором, очерченная улицами Сталина, Дорофеева, Худайбердина, Детским переулком, в 1950-е годы не имела асфальта. Тропинки вдоль де-

ревянных домов были вымощены крупными плоскими камнями. На том месте, где сейчас стоят две желтые пятиэтажки (по адресу: Худайбердина, 1 и 1а), был сад, росли черемуха, вишня, яблони, много сирени, а за забором по весне бежали шумные мутные ручьи. Здесь через забор я впервые увидела матроса в форме: брюки клеш, воротник, бескозырка с лентами. Влюбилась, впервые и навеки, наверно, лет в пять. Неподалеку стояло общежитие для слепых – довольно шумное и загульное, с гармошкой и песнями. Из оврагов наведывался во двор Жиган – парень с металлической фиксой (коронкой) во рту. Говаривали, что у него есть финка и кастет.

На улице Худайбердина стояли дома многих моих одноклассников по начальной школе № 28. Она располагалась на перекрестке улиц Худайбердина и Чернышевского. Только недавно я узнала, что в этом доме раньше размещалась церковно-приходская школа. Теперь на этом месте детская поликлиника № 2 со скверриком. Здание школы одноэтажное, приземистое, бревенчатое, с несколькими небольшими классными комнатами, «удобства» во дворе, печное отопление, черные, словно чугунные, парты, чернильницы-непроливайки, промокашки в тетрадках… Во флигеле жила с семьей сторожиха тетя Шура. Жила здесь еще одна старушка, сухонькая, в темном долгополом наряде и в ажурном чепце. На фото первого класса 1 сентября 1955 года она сидит рядом с моей первой учительницей Ниной Федоровной Мигуновой. Судя по подписи на Похвальной грамоте с портретами Ленина и Сталина, она была тогда директором школы, хотя уроки не вела и казалась человеком из далекого прошлого. Возможно, ее звали Ольга Дмитриевна Леонова или Леонидова. Позднее назначили нового завуча.

После 4-го класса нас распределили в среднюю школу № 11 (первая мужская гимназия в Уфе). А от начальной школы на всю жизнь сохранилось в теплое чувство

чего-то почти домашнего: елка в самом большом классе (для этого парты ставили вдоль стен друг на друга), самодельные новогодние костюмы снежинок, подарки в мешочках... Летом бегали во дворе по гусиной травке. Возле флигеля на солнце грелся дворовый пес тети Шуры.

Самое яркое впечатление – первая новогодняя елка дома, а затем - приглашение всех дворовых детей в гости к Инге и Сергею Кругловым. Их семья переехала в Уфу, кажется, из Алма-Аты. Нам по четыре-пять лет, в матросках мы чинно восседаем за красиво накрытым столом. Кругом дорогая мебель и высокие, наверно, китайские вазы. Уходили с новогодней елки с подарками в холщовых мешочках с наклеенной картинкой.

Над нами в 22 квартире жила семья Кошелевых (потом уехали в Москву). У отца этого семейства был редкий по тем временам фотоаппарат типа «Зенит», благодаря ему сохранилось немало наших фотографий, смешных и трогательных, как стоп-кадр из детства времен 1952-54 годов. Вспоминаются дружные веселые субботники во дворе. Раскидывали снег деревянными лопатами, осенью граблями собирали листву и обязательно жгли костры. Это объединяло детей и взрослых. Точно так же, помню, выбегали все смотреть на первый искусственный спутник Земли, взрослые и дети, все вместе. Найти тихо плывущую в темном небе маленькую звездочку было необыкновенной радостью.

После того как провели в дом газ, печь на кухне снесли. Возник свободный угол, с ним связан один забавный эпизод из школьной жизни. На летние каникулы в школе № 28 раздали желтеньких цыплят для выращивания - видимо, был какой-то партийный указ. Я принесла двадцать пушистых желтых комочков. Мама отгородила свободный угол на кухне и принялась их выкармливать, привлекая и меня. Цыплята быстро подрастали и оперялись. Осенью я гордо отнесла их в

школу, причем на одного цыпленка больше, чем брала: одноклассник из нашего дома тоже брал цыплят, но они у него погибли (его мама работала хирургом, отец был историком), и последнего полуживого цыпу выходила моя мама.

Люди, населявшие наш дом, были самых разных профессий. В детстве мы, вроде, никогда не интересовались местом их работы, а сейчас вижу – хотя и называли особняк Домом правительства, а жили в нем, кроме членов правительства, самые разные люди. Рахим Киреевич Ибрагимов, мягкий и тихий, был Председателем Верховного Совета БАССР, старшее поколение уважало его за мудрость. К. Р. Тимергазин – крупный ученый-геолог, один из разработчиков нефтедобычи в республике. З.Х. Рахманкулов был в свое время ректором Сельскохозяйственного института и, кажется, редактором газеты «Совет Башкортостаны». Жила в нашем доме и семья собственного корреспондента газеты «Правда» Горбатовского. Н.П. Каменев – помощник первого секретаря обкома М.З.Шакирова позже работал главным редактором газеты «Советская Башкирия». Жил в нашем доме и Р.М. Дашкин, редактор газеты «Ленинец», потом, кажется, «Кызылтан». Мой отец, Исанбеков Гали Галиуллович, последние десятилетия жизни работал председателем обкома профсоюза работников высшей школы и учебных заведений. Это был профсоюз, который реально помогал многим.

Жили в нашем доме и врачи. Инга Сергеевна Круглова работала главным эндокринологом республики, считаясь в этой области известным специалистом. Одно время в квартире № 22 жила многочисленная семья главного прокурора республики Яковлева. Он сильно хромал (видимо, носил протез), ходил с палочкой. Жена, Токарева, в молодости была актрисой, позднее вела курс эстетики в университете. Хозяйством и детьми занималась домработница, косноязычная, с криво-

ватым лицом женщина. Детей была куча-мала, кроме своих - еще две пары усыновленных двойняшек. Мальчики в каждой паре были тихие, незаметные, а девчонки – боевые, задиристые. Жизнь детей сложилась драматично: кроме младшей, все умерли очень молодыми.

В квартире № 1 жила одно время семья Вахитовых. Отец, Гафур Шакурович Вахитов, фронтовик (прошел всю войну от рядового до полковника), был в то время министром культуры. Он лично дружил со скульптором Сосланбеком Тавасиевым, автором памятника Салавату Юлаеву. Г.Ш. Вахитов очень много сделал для того, чтобы известный памятник появился в нашем городе. По поводу его установки были долгие тяжелые споры - относительно самого памятника и места для него. Образ Салавата Юлаева кое-кому показался слишком юным, тогда Тавасиев пошел на компромисс и слегка «состарил» его. Оказалось, и место высоко над рекой на крутой скале - лучше не придумаешь. Точно на взлете, устремленный из каменных тисков города на свободу, стоит теперь этот памятник, ставший символом всей Башкирии.

Как выяснилось, немало было в нашем доме учителей и преподавателей. В школах города работали Ефстолия Михайловна Завьялова, Александра Николаевна Галимова, Мира Рахимовна и Виктор Васильевич Болтушкины, муж и жена Гулины, Танслу и Айслу Ибрагимовы, Валентина Ильинична Баранова. Долгие годы живет здесь профессор Борис Михайлович Миркин, всемирно известный биолог и эколог, меломан, автор занимательных статей в местных газетах. Его жена преподает в БГПУ. Долгие годы учительствовали в школе-интернате для тугоухих детей по ул. Лесопильной, 4 Антонина Антоновна Баранова и моя мама Файруза Идрисовна Даминова. В школу они ходили пешком на далекую станцию «Правая Белая», возвращались затемно. Помню, мама готовила для своих уче-

ников многочисленные праздники, стенгазеты, учила их шить, вязать, собирала репродукции картин художников из журнала «Огонек». Мама преподавала физику и математику, ночами проверяла дома стопки тетрадей. Позднее ей предложили, и она сделала перевод задачника по геометрии Н.Н. Никитина на башкирский язык. Затем она участвовала и в переводе отдельных глав учебника по математике Н.Я. Виленкина за 5 класс. Тиражи этих книг выходили вплоть до 1980-х годов. Перевод осложняло отсутствие словарей, нужных терминов на башкирском языке и довольно сложная грамматика. А еще был у мамы любимый яблоневый сад во дворе. Ни минуты без дела, тихая, несуетная, она умела всех выслушать, была деликатна до стеснения (синдром раннего сиротства). Будучи на пенсии, она вела переписку со своими ученицами долгие годы.

Любимым местом встреч и игр во дворе была огромная веранда (беседка, как мы ее называли). Здесь играли в домино, вели разговоры о политике и экономике мужчины. Фронтовики были в особом почете. Среди них генерал Галиян Шаехович Галиев, военный летчик дядя Рашид Байков, приходил в их компанию и генерал башкирской кавалерийской дивизии Тагир Таипович Кусимов. Мой отец семь лет был в армии, прошел войну от рядового до лейтенанта, закончил службу в Румынии. (Генерал Кусимов удивлялся, глядя на отца: «Ладно, мы, генералы. А вот ты рядовой, как тебе удалось выжить?!»). Семья Кусимовых жила трудной жизнью сельских учителей на казенной квартире, не имея своего угла и хозяйства, то есть, по существу, очень голодно, холодно и скудно. Лишь в конце 1946 года после многочисленных рапортов об увольнении отца отпустили домой, где он впервые увидел своего семилетнего сына.

В Уфу родни и знакомых из деревень наезжало много: и в гости, и город посмотреть, но чаще в больни-

цу – обследоваться, лечиться. Бывало их так много, что обедали, сидя на полу на войлочной кошме, да и спали подчас на полу. Рассказывают, один дедуля из деревни приехал к нам, не зная адреса. Он шел пешком от вокзала, спрашивая встречных, где живет Гали Исанбеков. И попался-таки ему на улице человек, знавший нашего отца и дом. Он и проводил деда к нам.

Никто уже давно не называет наш дом Домом правительства. За последние десятилетия появилось много новых жильцов… Теперь пришла наша очередь сажать деревья, цветы, облагораживать старый яблоневый сад. Весной в пору цветения яблони в бело-розовой пене посреди загазованного города похожи на облака. Сад,и двор, и дом наш привлекают внимание многих. Люди приходят сюда полюбоваться цветами, фотографировать. Осенью, когда созревают яблоки, дети и бабушки со всей округи собирают урожай.

… И все еще летают в саду бабочки, и поют по утрам птицы (все тише и меньше), и щемит сердце по давно утраченному.

Г.О.Иванова

Легенды старого дома

По воспоминаниям детства одного из старожилов Дома старых большевиков В. Баранова, в 1937 г. его деда И.Б. Долганова перевели из Белорецка с повышением в Уфу. Жилье предложили на выбор. Многие квартиры в только что построенном Доме правительства, куда совсем недавно въезжали именитые жильцы, стояли с распахнутыми дверями, опустевшие после недавних репрессий. Можно было все осмотреть и выбрать понравившуюся...

1937-1838 гг. названы «годами большого террора». В августе 1937 в Башкирию приехала член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Сахъянова для разоблачения в местной парторганизации «врагов народа». 4-6 октября прошел 3-й экстренный пленум обкома, где были «вскрыты факты, уличающие руководство партии в связях с врагами троцкистско-бухаринского блока». В Уфу прибыл идеолог и организатор репрессий секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов, обвинивший высокое руководство в отсутствии большевистской борьбы с врагами народа. После Пленума в Уфе прошли массовые аресты. Были репрессированы (до 70%) секретари обкомов, райкомов, члены бюро обкома, наркомы просвещения, земледелия, юстиции, финансов, деятели культуры и пр.

Тот же В.Баранов рассказал услышанную в детстве историю, больше похожую на легенду, о том, как старый архитектор, которому поручили возведение дома с использованием фундамента разрушенной Успенской церкви, в память о храме основание постройки выполнил в крестообразной форме. С земли этот ненавистный большевикам знак не читался. Однако с пролетавшего над городом самолета его увидели и наказали

архитектора. Бытует еще одна более странная история, будто бы в канун войны 1941-1945 гг. немецкие самолеты с разведывательной целью очень глубоко, вплоть до Уфы, проникали в воздушные пространства Советского Союза. Позже их шпионские фотографии попали в руки сотрудников КГБ, и они обнаружили, что немцы использовали в качестве главного ориентира крестообразный план Дома башкирского правительства. Окончание второго варианта этой истории аналогично: архитектор был наказан…

Видимо, эти «народные байки», с одной стороны, были связаны со священной памятью о старинной уфимской церкви и подсознательным знанием, что за поругание святыни неизбежно последует наказание; с другой - попадали в одно русло с общим психозом того времени по поиску вредителей и шпионов. Так, жительница Уфы 1930 г.р. рассказывала, как всем классом они рассматривали рисунки на обложке школьной тетради, отыскивая в растительных орнаментах вражескую символику.

На самом же деле проект Дома правительства был выполнен по поручению большевиков архитекторами Н.Ю. Лермонтовым и Л.Н. Пестряковой. Николай Юрьевич (1867-1949), четвероюродный племянник знаменитого поэта, в 1932 г. приехал в Уфу из Ярославля. Какое-то время занимал должность главного архитектора и жил в предоставленном ему доме на улице Коммунистической (Большой Успенской), 125. К сожалению, этот дом не сохранился, он был снесен при создании многополосной скоростной магистрали – проспекта Салавата, как и дом уфимских Толстых по улице Цюрупы/Телеграфной (между ул. Ченышевского и Кирова) при строительстве высотного элитного жилья. Этот дом построил Петр Петрович Толстой (пятиюродный кузен знаменитого писателя) для своей невесты Екатерины Александровны Надеждиной, чей отец

на протяжении долгих лет был настоятелем Успенской церкви. Многие уфимцы надеялись, что дома уфимских Лермонтовых и Толстых станут частью музея города…

Однако продолжим воспоминания старожила. Ему запомнилась еще одна история раннего детства. Однажды бабушка послала его в магазин за хлебом. Возвращаясь, он обратил внимание на своих приятелей, которые с увлечением что-то обсуждали и рассматривали, то спускаясь, то поднимаясь из открывшегося неподалеку от дома отверстия в земле. Забыв обо всем, он присоединился к ним, спрыгнув в подземелье. Это был склеп с останками важного чиновника в мундире. Ребята, сдвинув надгробную плиту, искали ордена и крупные гербовые пуговицы. Когда мальчик вернулся домой, бабушка потребовала сдачу. Он полез в карман, и с мелкими монетами в его ладони оказались позеленевшие пуговицы. После строгого расспроса пришлось признаться, где он задержался и чем занимался. Пуговицы тотчас выбросили, а с хлебом не знали что делать: его держали над огнем, над паром, но потом все же решили отдать собаке.

Совсем недавно услышала еще одно интересное свидетельство. Таксист, подвозивший меня, рассказал, что несколько лет назад, где-то в 2007 году, он работал на строительстве высотного дома по улице Худайбердина, № 2. Когда рыли котлован, экскаватор натыкался несколько раз на человеческие останки, чаще детские, хотя на этом месте стояли столетние деревянные двухэтажные дома. Можно предположить о более ранних (до 1824 года, когда Успенское кладбище уже оказалось в черте города в окружении жилых домов и было запрещено погребать умерших) захоронениях. Краевед-историк Р.Г. Игнатьев в «Памятной книжке Уфимской губернии» за 1873 г. пишет: «Бывшее кладбище огорожено деревянным забором с двумя воротами, но

плиты и насыпи видны из-за ограды; кладбище было обширное, теперь оно много уже застроено домами» (см. ст.: М.И. Роднов «Успенский храм в произведениях Руфа Гавриловича Игнатьева»).

В конце 1990-х годов улица Дорофеева активно застраивалась высотными зданиями. Когда тянули коммуникации, была прорыта траншея вдоль аллеи на ближайшем к ограде сада газоне. На ее дне в течение нескольких дней прохожие наблюдали пожелтевшие кости и черепа.

До сих пор в старом саду корни деревьев продолжают поднимать к поверхности человеческие останки, как правило, это отдельные фрагменты костей. Особо много их было заметно в начале 2000-х годов.

Старожилы Уфы вспоминают, что вокруг Успенской церкви в начале XX века были густые насаждения. Так, у А.А. Гуляева в книге за 1914 г. «Иллюстрированная Уфа (Уфа в прошлом и настоящем)» читаем: «Успенская церковь окружена большим тенистым садом…». В исторической записке 1885 г. «Летопись уфимской Успенской церкви» протоиерей С.Я. Константиновский отмечал, что церковь «ограждена в большом пространстве деревянною оградою, внутри которой разведен сад, состоящий из яблоней, приносящих плоды, и других разных деревьев». В более поздних, около 1916 г., воспоминаниях уфимцев (моей бабушки Любови Степановны Рязановой) место вокруг церкви названо «лесом»: «К церкви мы проходили через небольшой лесок с огромными старыми деревьями». На немногочисленных фотографиях начала XX века вокруг церкви видны высокие березы, а на панораме Уфы Прокудина-Горского 1910 г. церковь утопает в темно-зеленой массе окружающих ее деревьев.

По плану Уфы 1816 г. В.К. Сметанина периметр Успенского кладбища достигал 660 м, площадь - 2,5 га. К началу XX в. периметр ограды составлял около 537

метров, площадь – около 1,5 га (см.ст.: В.Н. Захаров, М.И. Роднов «Вдоль старой Кладбищенской улицы»). В современной документации на сквер указано, что охранная зона площадью 0,9 га вокруг памятника архитектуры «Дом старых большевиков» ограничена улицами Коммунистической, Дорофеева, Худайбердина, Хисматуллина (Детский переулок). Сюда включены: сад-сквер площадью 0,25 га, периметр – около 225 м и «внутренний двор» - зона с зелеными насаждениями между домами по улицам Худайбердина, 1 – Коммунистическая, 75 – Коммунистическая, 75/1, этот дом фактически стоит вдоль ул.Хисматуллина/Детский переулок). В настоящее время от старинного кладбища осталась весьма небольшая часть, занятая садом.

Успенский сад прожил несколько жизней. В Х1Х веке и до революции его возделывали священники и прихожане церкви (есть упоминания, что с сада они имели небольшой доход, который шел на содержание церковно-приходской школы). С начала 1950-х годов его с любовью возрождали люди, поселившиеся в доме, построенном на фундаменте Успенского храма. Они продолжили традицию разведения фруктового сада. При этом вся его территория была поделена на маленькие участки, закрепленные за определенной квартирой. Эта собственность не была узаконена на бумаге, но права на нее строго соблюдались. Более того, эти участки по желанию «хозяев» могли передаваться другому владельцу. В годы перестройки в начале 1990- х самые предприимчивые пытались их даже продать жителям соседних домов.

Современная, третья жизнь этого сада, одухотворенная намоленным местом, началась уже в новом тысячелетии.

Следует отметить, что большевики и атеисты советского времени, жившие в доме, смутно помнили о старом кладбище, некогда бывшем на месте сада, и

никогда не пытались на этом месте что-то строить, а некоторые жители Уфы, когда им предлагали жилье в прилежащих к саду домах, отказывались от него со словами, что не хотят жить на кладбище. Однако уже в начале XX1 века все негативное, бездушное, что активно насаждалось средствами массовой информации в «постперестроечные» десятилетия, дало свои «всходы». Непомерная жажда наживы и совершенная потеря совести подтолкнули одного из «предпринимателей», кстати, родившегося и выросшего и в этом доме, и в этом саду, к мысли полностью уничтожить старинное кладбище и вопреки вековым традициям, запрещающим постройку жилых домов на местах захоронений, - возвести на его месте огромный (в целый квартал) одиннадцатиэтажный дом с подземными парковками. Невероятными усилиями жителей окрестных домов и, конечно, не без Божьего заступничества, старинный Успенский сад удалось сохранить. В августе 2008 г.по решению Городского совета этому месту присвоен статус сквера.

В последние годы старый сад заметно одряхлел... После сильных ветров и снегопадов старые яблони и липы роняют на землю большие ветви. Несколько энтузиастов во главе с Татьяной Кругловой пытаются возродить и вдохнуть в него новую жизнь, подсаживая яблони, березы, сосны и кустарник. Сад является отдохновением души для жителей окрестных домов. Он прекрасен в любое время года. Осенью, когда затихает шум машин, слышно, как падают на землю поспевшие яблоки. И те, кому посчастливилось уловить эти редкие в наше время звуки, чувствуют себя невероятно счастливыми. Зимой свежевыпавший снег дарит прохожим изысканную графику застывших ветвей. А весной и летом старый сад преображается до неузнаваемости. Поочередно зацветают яблони, вишни, ландыши, сирень, шиповник, пионы, множество разнообразных редких

цветов. Прилетают бабочки и соловьи. Намоленное веками место продолжает, пусть теперь уже не прихожанам, а приходящим и прохожим, дарить душевную радость и духовное просветление.

Сноски
к статье М.И. Роднова «Район Успенской церкви на рубеже XIX-XX веков»

1. Д. Сурнин – уфимский подрядчик на строительных работах (*Семёнова С.Ю.* Указ. соч. С. 46).

2.Отставной фельдшер Ушер Гершкович Шарон из солдат-кантонистов, которые после окончания военной службы имели право селиться в любой местности Российской империи. В 1908 г. 88-летний Ушер Шарон женился на 39-летней торговке Хане Мойшевне Маламентовой (*Шкурко Э.А.* Евреи в Башкортостане: полтора века истории. Уфа, 2007. С. 26–27).

3. А.С. Долженко – губернский инженер в 1884–1889 и 1899–1901 гг. (*Семёнова С.Ю.* Указ. соч. С. 46).

4. Здесь по карте Я.Г. Балуева в 1908 г. заканчивался водопровод, который был проложен сверху от Верхне-Торговой площади.

5. В 1913–1916 гг. по адресу: Большая Успенская, 104 проживал гласный (депутат) Уфимской городской думы Степанов Александр Васильевич (Справочник по Уфимскому Городскому Общественному Управлению. Уфа, 1915. С. 8).

Список сокращений

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН

ОПИ ГИМ – Государственный исторический музей. Отдел письменных источников

РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Башкортостан

Наши авторы:

Буравцов Владимир Николаевич – краевед

Детинина Екатерина Александровна – аспирант, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

Ергин Михаил Юрьевич – краевед, сотрудник Уфимской епархии

Захаров Владимир Николаевич – историк, краевед

Златоверховников Иван Егорович (1854 – 1920) – краевед, историк Уфимской епархии

Игнатьев Руф Гаврилович (1818 – 1886) – историк, краевед, археолог

Иванова Галина Олеговна – старший научный сотрудник Мемориального дома-музея С.Т.Аксакова

Исаев Николай Петрович – старожил Уфы

Исанбекова Элеонора Галиулловна, 1947 г.р. – жительница Уфы, проживающая в Доме старых большевиков

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

Свице Янина Сигизмундовна – краевед, ведущий специалист по учебно-методической работе Уфимского государственного нефтяного технического университета

Филоненко Виктор Иосифович (1884 – 1977) – профессор, филолог, тюрколог, краевед

Наш город меняется на глазах:
исчезают привычные уфимцам
даже не отдельные дома,
а улицы, пейзажи, целые панорамы…

Невосполнимые утраты все время
напоминают о себе при встрече
и заставляют заранее отвести взгляд в сторону,
чтобы душа в очередной раз не споткнулась
о безликое громадье и не заныла.

«(вот) … то место,
где я начал присматриваться к этому миру (…)
Не шевелясь я осмотрелся: изменилось все (…)
Очень осторожно я обернулся к голому месту,
где жили мои родные – тополь и дом –
оно еще не зажило
и по-прежнему было чужим и странным…»

Петр Храмов «Инок»

Успенский сборник.

Успенская церковь
в истории Уфы

Компьютерная верстка
Словохотов А.А.

Издатель
Словохотов А.А.,
родственник прихожан
Успенской церкви

450052, г. Уфа, ул. Аксакова 72-34,
тел. +7 9173412384
e-mail: slovo1@ufanet.ru

Подписано в печать 9.05.2014
Бумага офсетная.
Формат 60х90 1/16.
Гарнитура Bookman Old Style
Печать ризографическая.Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 150 экз. Заказ А7/13